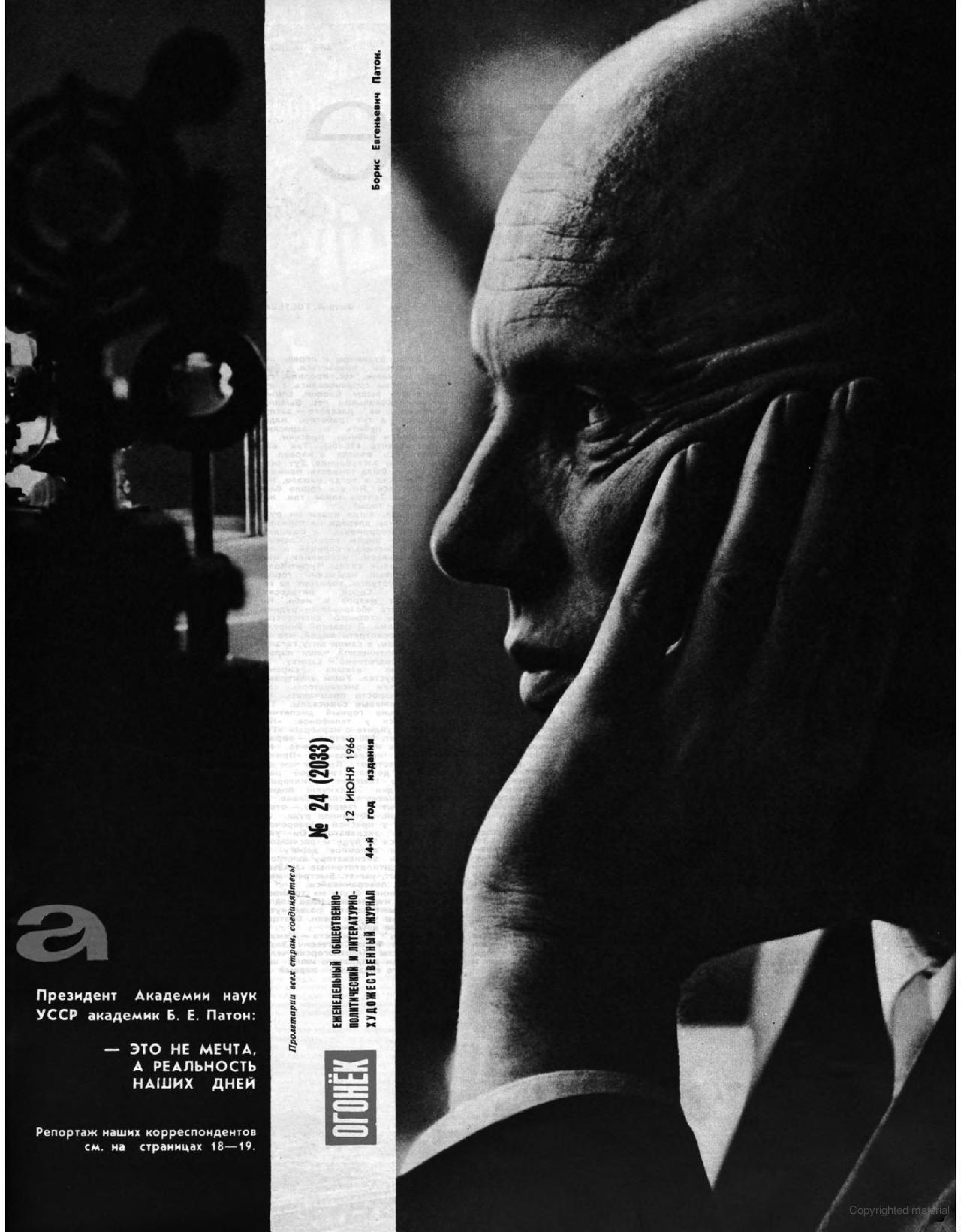
ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

космическая

Сварка лазером. Есть и такая!

сварк

Зарубежные покупатели лицензий.


Борис Евгеньевич Патон.
№ 24 (2033)
12 июня 1966
44-й год издания
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
а
Президент Академии наук УССР академик Б. Е. Патон:
— ЭТО НЕ МЕЧТА, А РЕАЛЬНОСТЬ НАШИХ ДНЕЙ
Репортаж наших корреспондентов см. на страницах 18—19.

Первые

Специальный корреспондент «Огонька» **Галина КУЛИКОВСКАЯ** ведет репортаж из столицы нового избирательного округа.

Фото А. ГОСТЕВА.

Есть в Железногорске один человек, Вовка Горбунов. Знает его тут каждый. Часто справляются: «А как Горбунов?» Именно такой вопрос задал секретарю горкома партии Логачеву, к которому я пришла по приезде, сотрудник Ростовского телевидения. Под окном стоял голубой фирменный телефургон.

— Мы тогда его снимали в детском саду,— уточнил ростовчанин.— А теперь?

— Теперь он ходит в школу.

Что за Горбунов? Я стала вспоминать вундеркиндов, о которых писали газеты. Нет, о Вовке я нигде не читала. Где он живет? Точного адреса мне не сказали, а ориентир такой: «По улице Ленина, напротив кафе, дом среди сирени».

Дом напротив кафе трехэтажный, большой, в виде буквы «Г» и действительно среди сирени. В каждом подъезде таблички. Вот и Горбуновы, квартира двадцать один.

Дверь открыла невысокая женщина в очках. Она ничуть не удивилась моему приходу, будто ждала. И Вовка нисколько не стеснялся, как иные дети, посторонних. Привык, видимо. Показал тетрадки. Корова у него порой «мучала», а 25 и 13 складывались поразному. Чем же отличился ученик первого класса Горбунов?

На лице матери недоумение:

— А вы разве не знаете? Он же первенец Железногорска. Первый ребенок, родившийся тут, когда и города не было и поселок только намечался. Собирались назвать поселок Октябрьским, потому что первую улицу, Октябрьскую, заложили под праздник 7 ноября. Но передумали: есть в Поволжье Октябрьский. А вот гор с рудой там нет. Они у нас, такие горы. И тогда назвали поселок Железногорском. А вскоре после того, под Новый год, пришло время появиться на свет сыну. Села я в «газик», чтобы ехать в Михайловскую, километров двенадцать отсюда будет. Своей больницы еще не было. А на дворе пурга, мороз. Позамело все дороги. Ни зги! Пригнали трактор. Тракторист включил фары, сигналит, чтоб не наскочить на кого-нибудь. Встречные шоферы тоже сигналят и ругаются на чем свет стоит: уступай, мол, дорогу. Ты один, а нас больше. Наш тракторист объясняет так и сяк.

— Поняли, куда едем?

— Во, надумала когда! — удивлялись те.— Нет, чтоб в хорошую погоду. Зато крепкий хлопец будет!

Родился действительно мальчик, как наворожили шоферы. Сидит сейчас этот хлопец рядом с отцом у телевизора, смотрит футбол из Лужников. Самый обыкновенный мальчишка и известнейшая в то же время личность. О нем думают, за ним следят, потому что он имел счастье родиться первым.

Значит, любят в этом городе детей, значит, Железногорск — город добрый. С чего же начинался он? Может, скажет об этом Вовкин отец, инженер-строитель?

— Со Щербаком беседовали? — сразу переадресовал меня Горбунов-старший.— Он колышки тут забивал.

Иван Алексеевич Щербак — главный маркшейдер Михайловского железорудного комбината — главный штурман тут: определяет направления, по которым движутся добытчики руды и шахтеры. А приехал сюда в июне 1957 года простым маркшейдером. Тогда здесь и слова такого не слыхали. Ездил по деревням, оформлял земельные отводы — ту землю, которая пойдет под рудник. На колхозных собраниях выступал:

— Через два года здесь будет поселок. Улицы, электричество, трехэтажные дома.

В то же лето в жаркий июльский день пошел Щербак ставить вешки. Не один уже, а с геодезистом Ириной Николаевной Сазоновой. Поднялись из оврага на бугор, и открылось им покатое розовое море, от леса до леса. Пахло оно пряно, медово. Пчелы и шмели хороводили над ним. А еще выше купались в голубизне жаворонки. Цвела гречиха. Кварталы номер шесть и номер семь разместили, согласно проекту, на взгорке.

— Рабочие тогда толпами ходили — уральцы, сибиряки. — Это Щербак про первых горожан.— Прослышали про КМА и двинулись сюда. Некоторые катили прямо семьями. У меня самого две дочки уже были. Поэтому строили так: сами как-нибудь, а вот дети... Первый трехэтажный дом из красного кирпича, что стоит на самой макушке горы, был отдан школе. Второй дом, пониже,— детскому саду и яслям. Школу открывали в пятьдесят девятом, 1 сентября — ровно через два года. Очень торжественно, с цветами и музыкой.

А вот с рудником в первое лето пришлось повозиться. Был там, понимаете, лес. Крепкий, густой. Березы соревновались с дубами, кто выше. Словом, самый любимый соловьями лес. Бывало, встанешь на рассвете — заслушаешься, а тут работать надо. Пришлось рубить в зарослях орешника и рябины просеки, а потом ставить столбы. Так вот пойдет ось въезда в карьер. А так — вести заглубление. Тут особая нужна была точность, понимаете. Пережил я тогда немало, переволновался. Но все сошло благополучно. Теперь такое там наворочали — горы!

И правда, когда ехали на рудник, маячили впереди на горизонте белые терриконы. А подошли вплотную — видим, горы. Слежавшиеся, отбеленные солнцем и отмытые дождем, напомнили мне известняковые скалы Чуфут-Кале, средневековый крымский город. Уступ за уступом, горизонт за горизонтом. Сорок, пятьдесят, шестьдесят метров в небо. Но лучше всего обозревается рудник из кабины горного диспетчера. Тут панорама. В полевой бинокль можно рассмотреть людей, что копошатся там, в самом низу гигантской эллиптической чаши карьера. Идет подготовка к взрыву.

Протяжно взвыла сирена. Карьер опустел. Ушли электровозы, затихли экскаваторы, на третьей скорости промчались по бетонке тяжелые самосвалы. Тишина. Только горный диспетчер разрывается у телефонов: «Немедленно уйдите с карьера!» «Тут не достанет, 500 метров»,— оправдывается в микрофон кто-то. Но диспетчер непреклонен: «Приказано на шестьсот». Прежде чем ветер донес до нас громовой раскат, будто тяжелые артиллерийские орудия бабахнули, поднялось коричнево-красное облако.

— Мартит с гематитом,— отметил горный.— Отличная руда.

В забое у красной развороченной стены экскаватор. Он уже подбирается к руде и расчищает себе среди обломков дорогу. А хвостом к экскаватору выстроились двадцатипятитонные «МАЗы». Нервничают, рычат. Быстрей, мол, машинист, поворачивайся.

А машинист будто не торопится. Знает, что делает. Надо подготовить фронт работы, развернуться, а потом уж вы меня, братцы-шоферы, не догоните!

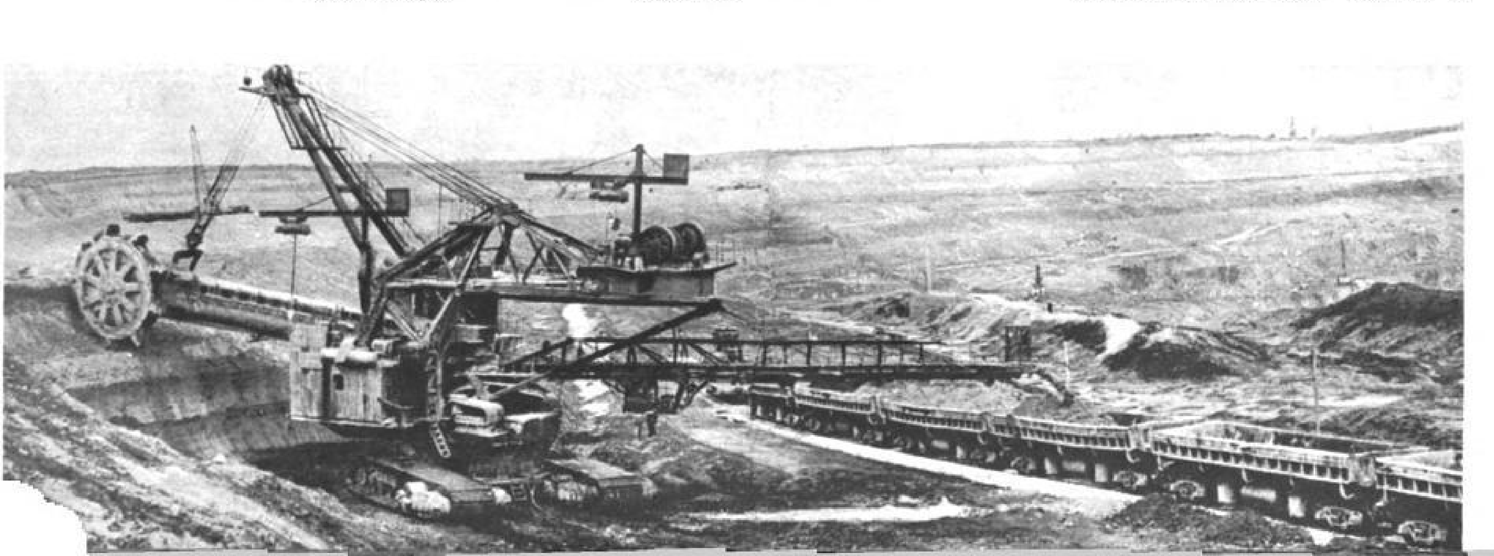
Фамилия машиниста — Кемайкин. Зовут Фрол Сергеевич. Знатный во всем Железногорске человек. Это он двадцатого июня шестидесятого года взял первый в Михайловском руднике ковш руды, «синьку» так называемую.

Железногорск сегодня. Год 1966-й.

Такой чести — быть в тот знаменательный день первым — Кемайкин удостоился непросто. И в том карьере казахстанском, с которого приехал сюда, был он на виду и в уважении. И если б не больная жена, которой необходимо было сменить климат, остался бы там и по сей день. Не отпускали. Может быть, потому, что есть в характере этого человека стремление брать на себя всегда нелегкое? Другой бы заскучал на его месте, а Кемайкина задор разбирает. Думать надо, прикидывать, с какого боку к руде ловчее подойти. Вот и повелось: забой открывает он, Кемайкин. И никто не удивился, когда в тесном, стареньком барачном клубе первый секретарь Курского обкома партии Л. Г. Монашев прикрепил к лацкану кемайкинского пиджака золотую звездочку. Фрол Сергеевич на руднике — первый и пока единственный Герой Социалистического Труда.

Вечером я заглянула в вечернюю школу рабочей молодежи. Провели меня к выпускникам, одиннадцатиклассникам. У окна сидел Кемайкин. Поднял глаза, смутился: как-никак под сорок. На перемене рассказывал:

— Школу оставил в войну, старикам помогать пришлось, а учиться очень хотелось. Потом свои дети помешали. А тут что? Обжились. Жена на работу, значит, пошла. Лидия, старшая дочка, седьмой закончила, а я, думаю, пойду в восьмой. В детстве учился по-мордовски, а тут, значит, русский. Ошибок лепил сначала —



Есть где развернуться роторному экскаватору.

Так начинался Железногорск. Снимок 1958 года.

глаза бы не смотрели. Принесу тетрадку всю в красных пометках и прячу скорее от Лиды. Ночью — задачки, а в шесть подъем. Сядешь за рычаги и думаешь: ну, насколько тут легче! Первый год особенно кряхтел, чуть не бросил учебу. Теперь вот к экзаменам готовлюсь на аттестат. Запоздалая зрелость, но свое хочу взять! Хорошо бы еще в техникум. Да нет пока его у нас. Проголосуем 12 июня за Хромова, и скажу я ему тогда: «Двигай, друг, идею о техникуме! Пора. И мы растем, и дети наши подрастают!»

Упомянул Кемайкин про Хромова кстати: меня выручил, будто мостик проложил. Василий Хромов — командир шагающего экскаватора. В его экипаже два родных брата — Николай и Александр. Он, Василий, между прочим, самый младший из них. Я бы с удовольствием рассказала о нем. Но не сейчас. А вот о завтрашнем дне горняцкого города, который он будет представлять, как раз ко времени. В прошлые выборы Железногорск был еще поселком, входил в другой округ. Нынче создан новый избирательный округ — № 221, называется Железногорским и столица его — Железногорск. Переведен он в ранг городов областного подчинения, и впервые горняки назвали своего кандидата.

Четыре года! Что произошло за этот срок?

Вовка Горбунов переходит во второй класс школы № 2. Школа эта занимает большое, светлое здание, которое возле строящейся гостиницы, в одном ряду с Дворцом культуры горняков — он тоже строится. От дворца до больничного городка, что в роще, раскатился асфальт. Тут первая в городе площадь. А с Вовкиной школой вот какая произошла история. Она сама и корпус, который подле нее, предназначались под школу-интернат. Накануне открытия выяснилось: ребятни столько, что школы, занимаясь в две смены, всех не примут. Пришлось с интернатом повременить и разделить его надвое: в одном корпусе — обычная десятилетка, в другом корпусе — обычная восьмилетка. Что будет дальше — предугадать трудно, потому что каждый день в Железногорске прибавляется по ребенку. Две тысячи двести маленьких железногорцев появились здесь после Вовки.

Иван Алексеевич Щербак сейчас особенно занят. В то время как экскаваторщики первого карьера опускаются все глубже и глубже, началась разработка второго. Роторные экскаваторы ведут вскрышу. Медлить нельзя. Нужна руда Туле, нужна Липецку, нужна Череповцу. Много забот у Щербака и Кемайкина. Даже если выберут экскаваторщики драгоценную руду, останутся кварциты. Их здесь колоссальное количество — миллиарды тонн. Для облагораживания кварцитов решено построить горно-обогатительный комбинат.

Что же касается перемен в семье Кемайкина, то вот они. Жена его, Галина Федоровна, телефонистка переговорного пункта, мечтает перейти в Дом связи, как только тот будет готов. Старшая дочь Лидия — студентка медицинского училища. Сын в шестом классе. Двое меньших ходят в детский сад, тут он, через улицу, напротив двухэтажного кирпичного коттеджа, в котором живут Кемайкины. В городе разные дома: и такие вот уютные особняки и панельные, пятиэтажные, с веселыми балконами. Все тут есть: детские площадки, магазины, ателье.

— Второй микрорайон подымется еще выше — до семи этажей. Появятся для архитектурного ансамбля и здания-башни. Как везде. Чем мы хуже других городов?— Это рассказывает мне о генплане Железногорска Гавриил Яковлевич Стариков, председатель горсовета.

Первая забота городской власти по-прежнему о детях. Мэр перечисляет школы, детские сады и ясли, которые откроются.

Вторая забота — о женщинах. Проектируется много мастерских, химчисток, прачечных. Но вот беда: нет подходящего тут для женщин занятия. Добывать руду и получать концентраты — дело не женских рук. Потому решено: быть здесь фабрикам. Гофрированной тары и трикотажной.

— А как с воздухом будет?

Стариков меня не понял. И тогда я рассказала ему о своей первой встрече с городом, когда нагретый солнцем автобус отмерил от Курска сто тридцать километров и финишировал у леса. Я шагнула в заросли и очутилась в птичьем царстве. Все здесь пело, звенело и свистело. Потом я бродила по улицам, оттолкнувшимся от рощи, тихим и зеленым, но дыхание лесных трав не пропадало. Почему? Ответила сама, взглянув на небо. Небо было свободно от труб и чисто, его не разрисовывали дымы.

— Понял, понял вас,— улыбнулся Стариков.— Можете не беспокоиться. В Железногорске только одна труба, хлебозаводская. Но и ту переводим с угля на газ. Комбинаты встанут за чертой города, в нескольких километрах. Водохранилище наше видели? Сами строили. Липы и яблони на улицах видели? Никитин, директор железорудного, приехал из-под Тулы, там сажал липы и здесь культивирует. Аромат, пчелы. Липовый цвет им теперь вместо гречихи. За три года посадили восемь тысяч плодовых и декоративных деревьев, а кустарников — не сосчитать. Воздух бережем. Он — наше здоровье...

Вот так живет столица нового избирательного округа. Работает, строит, воспитывает детей, думает о будущем. Молодой город. И на каждом шагу здесь сталкиваешься с чем-то самым первым — с первым, кто тут родился, кто забил первый колышек, кто добыл первую руду, кто первым выдвинут горожанами в Верховный Совет.

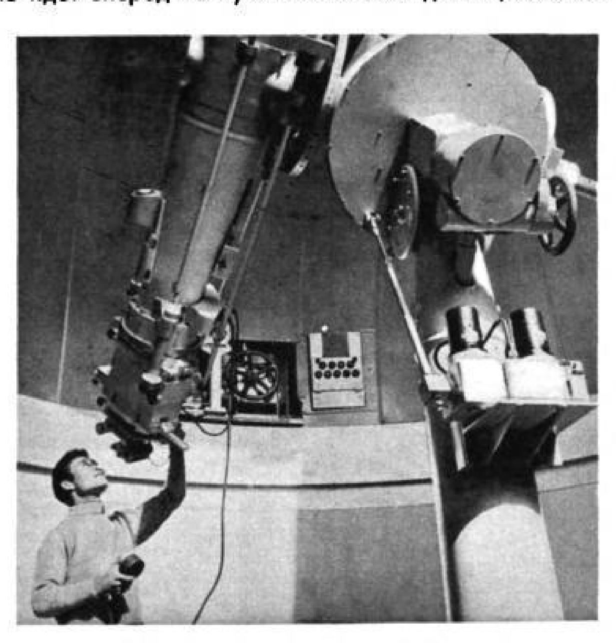
У Фрола Сергеевича Кемайкина сейчас трудные дни: скоро выпускные экзамены.

УСПЕХИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНГОЛИИ

О больших успехах в развитии МНР говорил в своем докладе на XV съезде Монгольской народно-революционной партии Первый секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал. Об этом же говорили делегаты съезда, прибывшие в Улан-Батор со всех концов страны. Гости съезда выразили глубокое удовлетворение достижениями Монгольской Народной Республики, занявшей достойное место среди других братских стран социалистического содружества. На съезде МНРП выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Н. Шелепин. От имени Коммунистической партии Советского Союза он передал приветствие народу и партии Монгольской Народной Республики.

«Всемерно укрепляя братскую дружбу и сотрудничество с великим Советским Союзом и другими странами социализма,— сказал в своем докладе Ю. Цеденбал,— наша любимая родина, являющаяся неразрывной частью могучей мировой социалистической системы, уверенной поступью идет вперед по пути полной победы социализма».

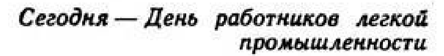
Гостиница «Баянгол» в столице МНР



Обсерватория в Хурэль Тогоот. Отдел физики солнца.

Центральный аймак. На пастбище Борнурского госхоза.

Фото АПН.



Сегодня — День работников легкой промышленности

Как назвать ткань?

Как назвать новую ткань? Для Геннадия Сергеевича Давыдова, начальника художественной мастерской, это вовсе не праздный вопрос. Имена тканям дает он. «Весна», «Кружевница», «Мечта» — хорошо, но уже было. А разве плохо — «Тамара»?

— Знаете,— признается Геннадий Сергеевич,— у нас на фабрике работает столько славных девчат, и у них такие ласковые имена, что вы поймете, почему все больше новых тканей я называю девичьими именами.

Действительно, на шелкоткацкой фабрике комбината имени Я. М. Свердлова работают славные девчата. Фабрика эта очень молода. И девушки, которые работают здесь, тоже очень молоды. Средний возраст — двадцать два года. Вот одна из них, Тамара Бодрикова. Не в ее ли честь названа новая ткань? Тамара пришла на фабрику четыре года назад. Вернее, не на фабрику, а на строительство. Помогала настилать полы, убирать мусор, налаживать станки. Прошло совсем немного времени, а судьба фабрики и судьба Тамары круто изменились. Фабрика стала передовым предприятием в стране, а Тамара — опытной ткачихой.

— Я мечтала стать ткачихой. Мечта осуществилась. В этом году мы отмечаем первый праздник нашей профессии — День работников легкой промышленности. Для меня это еще праздник сбывшейся мечты.

А Геннадий Сергеевич Давыдов придумывает новые названия тканям. «Раечка», «Аленушка»...

Н. ПОПОВ

На снимке: интерес ткачих к этой ткани закономерен. «Снегурочка» хороша для свадебного платья. А комбинату невест не занимать.

Фото Г. Санько.

Фото ТАСС, ЮПИ, газеты «Морнинг стар», журнала «Уикэнд».

МОСКОВСКИЕ ВСТРЕЧИ

Первый раз сборная команда СССР встретилась с французской сборной 23 октября 1955 года на стадионе «Динамо» в Москве. Гостивший в то время у нас, ныне покойный, знаменитый артист Жерар Филипп, любимец Франции, ввел мяч в игру. Интересная борь-

«Снук» — девятая американская ▲ атомная подводная лодка, которая заходит в японские порты. И в девятый раз незваных и нежелательных гостей японский народ встречает гневными демонстрациями. В порту Йокосука на стороне американских разносчиков атомной смерти оказалась полиция. Она выступила против многотысячной манифестации протеста, которая состоялась в порту.

◀ Моряки из всех главных портов Великобритании присутствовали на митинге солидарности, который состоялся на Трафальгарской площади в Лондоне. Забастовка английских моряков продолжается. В ней участвует уже более двадцати одной тысячи человек.

Этот человек по имени Генри Хайт ▶ живет в США, в городе Питтсбурге. В подписи под этим снимком, который мы получили от иностранного агентства, сообщается, что его рост — 246 сантиметров.

Реклама в капиталистическом обществе — вещь вовсе не безопасная. В этом на собственном опыте убедилась манекенщица Нелль Теобальд, которая приняла участие в рекламе автомобилей на международной автомобильной выставке в Нью-Йорке. Для привлечения публики ее заставили позировать вместе со львом перед новой маркой автомашины. Кончилось это печально. Лев, не признававший методов американской рекламы, накинулся на ни в чем не повинную Нелль и вцепился ей в ногу.

ба закончилась вничью со счетом 2 : 2.

И вот 11 лет спустя, 5 июня 1966 года, снова в Москве, на сей раз на стадионе имени В. И. Ленина, встретились эти команды. И снова мы стали свидетелями яркого, напряженного поединка, завершившегося ничейным счетом — 3:3.

На снимках: Жерар Филипп перед началом матча. 1955 год. Вратарь сборной Франции Эон снимает мяч с головы Банишевского. 1966 год.

Фото А. Бочинина.

УРОВЕНЬ КОНКУРСА ОЧЕНЬ ВЫСОК

Это было двадцать лет назад, в послевоенный 1946 год. Я приехал в Москву вместе со своими друзьями по Чешскому трио — Паленичеком и Плоцеком. Мы давали концерты.

В один из вечеров мне предстояло играть вариации на тему рококо Чайковского с оркестром под управлением совсем молодого тогда Кирилла Кондрашина. Накануне я пришел в Большой зал консерватории, вышел на сцену и взглянул на портрет Петра Ильича. «Какое мне выпало счастье,— подумал я,— играть в этом зале под портретом Чайковского его музыку!»

Время бежит быстро. И вот сегодня под портретом Чайковского шестнадцать молодых виолончелистов, прошедших на второй тур, исполняют рококо.

Конкурс — всегда очень интересно. Признаюсь, я сам начинаю волноваться.

Конкурс имени Чайковского предоставляет особенно большие возможности молодым музыкантам продемонстрировать свои достижения. Поэтому здесь и собираются сильные исполнители, которые в разных концах земли специально готовились к нему.

Как известно, в жюри конкурса — выдающиеся музыканты. И молодые артисты получают самую авторитетную оценку. Поэтому быть в числе пробившихся на второй тур московского конкурса — это уже марка!

Уровень нынешнего конкурса — а о нем можно судить даже по первому туру — очень высок. Смею утверждать, что я уже сейчас вижу нескольких реальных претендентов на первые премии. По виолончели, по моему личному мнению, это могут быть Каринэ Георгиан, Кен-Итиро Ясуда, Михаил Майский. Впрочем, конечно, многое впереди, и после второго тура их полновесными соперниками станут Стефан Кейтс, Тамара Габарашвили, Марко Скано, Арто Норас... Все это очень талантливые люди!

Я особенно хочу обратить внимание на талант совсем юного Михаила Майского. У него все данные для того, чтобы стать крупным музыкантом. Сейчас он моложе других и не имеет такого опыта, но, может быть, перед нами будущий второй Ростропович.

Вообще на этом конкурсе мы встретились с музыкантами, которые отлично подготовились к ответственному соревнованию. Все участники на высоте с технической точки зрения. И у многих в игре тот нерв, который всегда составляет прелесть искусства.

Профессор Милош САДЛО
(Интервью пресс-центра конкурса)

Фото Р. Лихач.

Играет Екка Сато.

Друзья-соперники. Советские скрипачи Виктор Третьяков, Олег Каган и Олег Крыса

Итак, сегодня начинается III финальный тур конкурса виолончелистов и скрипачей. Что принесет он Тамаре Габарашвили?

ПЕТРОСЯН — ЧЕМПИОН МИРА

Сало **ФЛОР**, международный гроссмейстер

Удар, который нанес Т. Петросян в двадцатой партии Б. Спасскому, был настолько сильным в спортивном и психологическом отношении, что он оказался решающим. Успокоиться, опомниться Спасский уже не успел. В двадцать первой партии Петросян не позволил Спасскому разжечь пламя на шахматной доске, и претендент с грустью уже после 20 ходов смотрел на опустошенную шахматную доску: ничья была неизбежна. Как же сражаться Спасскому с лучшим защитником мира, когда ничья равносильна проигрышу? Кстати, эту 16-ю ничью надо назвать «ничья имени В. Корчного». Ведь он же угадал, что их будет 16!

Дела претендента сложились неважно и в двадцать второй партии. У Петросяна заметное преимущество, но после 25 ходов всем ясно: будет ничья. Почему? Потому, что Петросян не возражает против ничьей, повторяя позицию, которая уже имела место. Решение Петросяна еще можно понять: он поступал деликатно, по принципу «лежачего не бьют». Но всех удивил Спасский. Он принял решение продолжать игру. «Что мне даст эта ничья?» — вероятно, думал Спасский. Никто бы не упрекнул его, если бы он рискнул с самого начала играть на выигрыш. Но в тот момент, когда он решил рискнуть, не чем иным, как поражением, эта затея кончиться не могла. Это и произошло. Через десять ходов Спасский сдал партию и протянул Петросяну руку, поздравляя его с успешной защитой своего звания чемпиона мира. Гроссмейстеры подписали бланк партии. Подпись Петросяна означала, что на требование Спасского уступить ему титул последовала резолюция: «Отказать!».

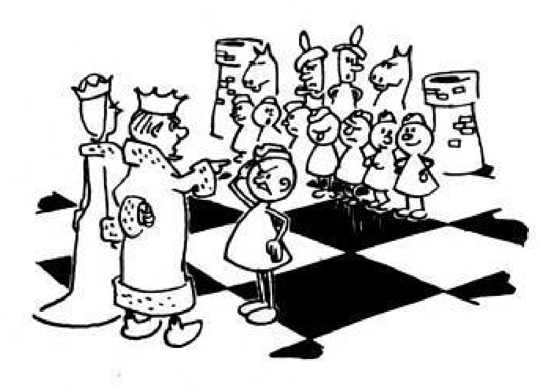
Это была 120-я партия, которую Спасский играл в течение трех лет, стремясь к титулу чемпиона.

Переполненный зал бурными овациями встретил рукопожатие двух выдающихся гроссмейстеров. Необходимо отметить, что отношения между Петросяном и Спасским во время их напряженнейшего шахматного конфликта были исключительно корректными, и поэтому главный арбитр О'Келли эти два месяца в Москве был единственным безработным в Советском Союзе.

Тигран Петросян досрочно выполнил основную спортивную задачу: уже после 22 партий он набрал нужные ему 12 очков. Это означает, что он на новое трехлетие занимает почетное и руководящее место в кресле шахматного премьера. «Огонек» еще подведет итоги этого матча. Но уже сегодня мы поздравляем Тиграна Петросяна с его заслуженной победой.

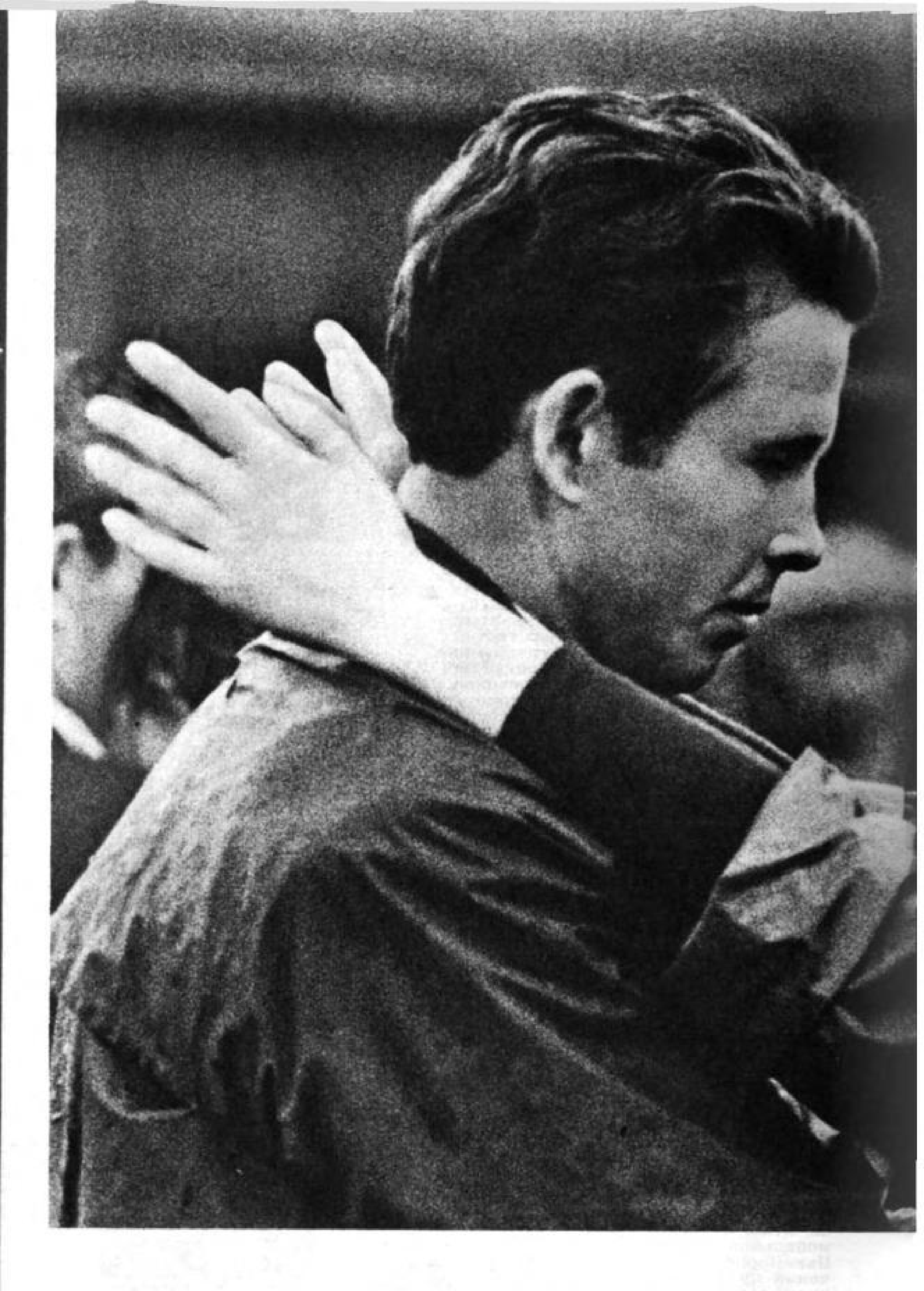
Итак, в доме Петросяна появится второй лавровый венок чемпиона мира, и надо предполагать, что владелец этих венков захочет догнать пока самого успешного коллекционера лавровых венков — Михаила Ботвинника,— у которого их пять.

Зачем же продолжать игру, если счет 12 : 10 и имя чемпиона мира известны? Таковы уж правила. Надо дать возможность претенденту свести матч вничью. Таким образом, 23-я партия игралась как бы «на бис». Петросян играл ее уже в ранге дважды чемпиона мира, а Спасский — как экс-претендент. Партия закончилась удивительно легкой победой Б. Спасского, и счет стал 12 : 11. Но чем бы ни кончилась 24-я партия, общий итог ясен: Б. Спасский был упорнейшим, достойным соперником, что только увеличивает значение успеха Т. Петросяна.



— Не давая противнику одуматься, ты смело идешь с Е-2 на Е-4.

Рисунок Б. Боссарта.



А. БОЧИНИН, Ю. СБИТНЕВ

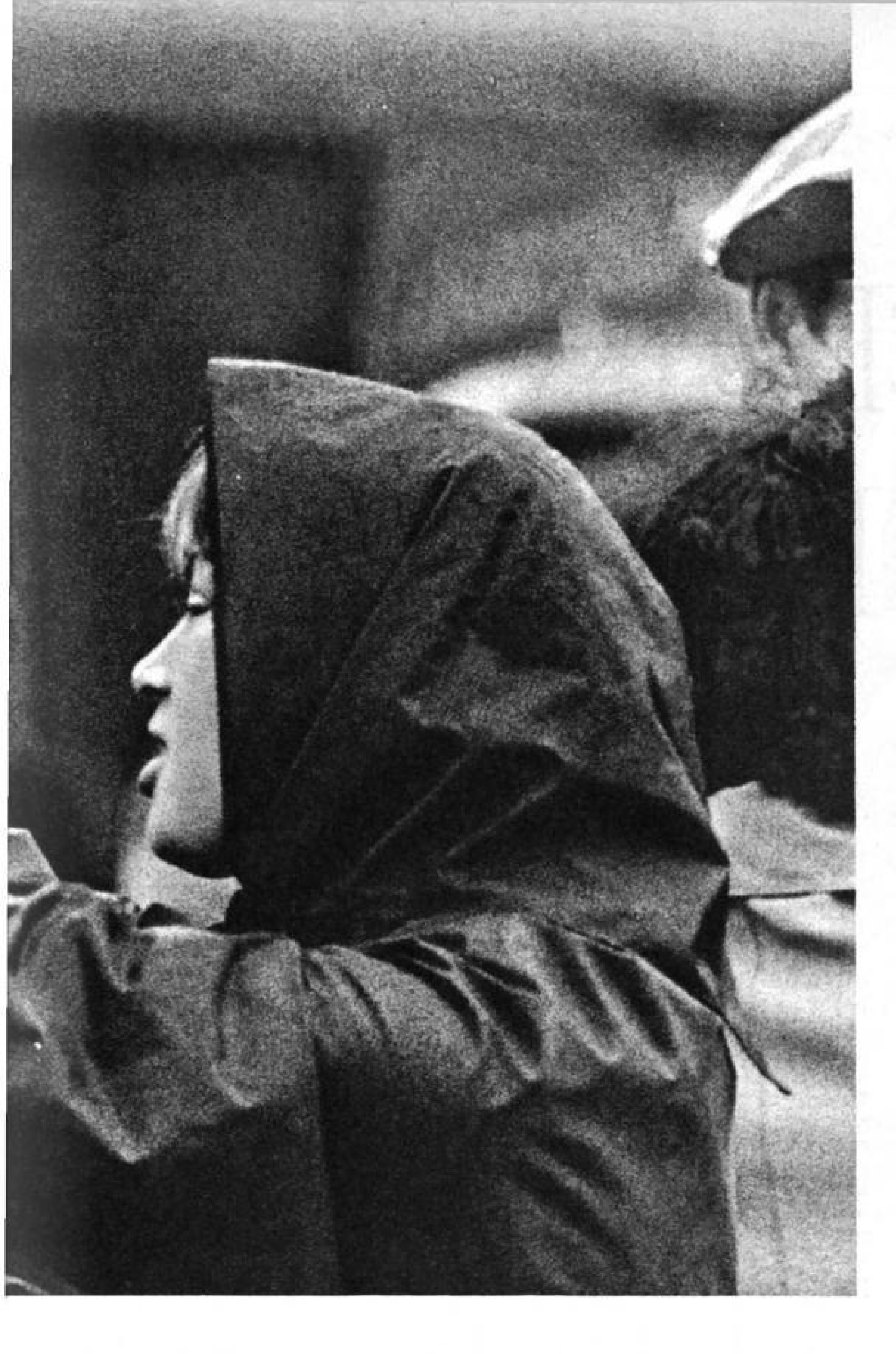
Всю ночь над Москвою полыхала гроза. Дождь не прекратился и утром.

На московскую грузовую станцию Митьково мы приехали часам к восьми.

Мокрая платформа. Вдоль всей ее длины вытянулся состав с грузовыми и пассажирскими вагонами. Он чем-то напомнил нам эшелоны первых дней войны. Может быть, тем, что на вагонах, так же как в памятный июнь сорок первого года, укреплены алые лозунги. В хвосте и голове эшелона на открытых платформах установлена «боевая техника» — бульдозе-

ДОБР

Столяр Анатолий Алексеевич Солдатов прощается с семьей.



Необходимые покупки...

← До скорой встречи!

«Пишите нам, подружки, по новым адресам».

ры, самосвалы, подъемные краны, сварочные аппараты. И еще: вдоль всей платформы люди с вещевыми мешками за плечами, с походными чемоданами — добровольцы. Их провожают дети, матери, сестры, отцы...

Мы ходим вдоль эшелона московских строителей, отправляющихся в Ташкент. Мы волнуемся так же, как эти молодые парни и девчата, как провожающие их. Может быть, скептики скривят губы, прочитав эту строчку в нашем репортаже: «Чего тут волноваться! Ну, едут строить! И опять же Ташкент не Северный полюс, не Антарктида».

Едут. Едут, оставив в Москве семьи, друзей, квартиры.

Едет Анатолий Алексеевич Солдатов, столяр из СМУ-3. Держит на руках маленькую Наташку — дочку, сын — Саша — рядом, он уже взрослый, он пришел проводить отца с цветами и терпеливо ждет, когда можно будет вручить их отцу.

Едут машинисты экскаваторов Дмитрий Коротин и Петр Сухов, монтажник Иван Марюшкин и начальник строительного управления Николай Андреевич Куприн.

Едут москвичи на помощь ташкентцам. Два с лишним года они будут строить новый Ташкент, жить в палатках (по-фронтовому), писать письма домой.

Они сейчас только прощаются с близкими, а первый строительный эшелон москвичей прибыл в столицу Узбекистана, и их руками уже заложено несколько фундаментов новых зданий.

Нет, не случайно строительный поезд напомнил нам эшелон военных дней. Люди, которые вот так же садились в поезда, уходившие к фронту, были очень похожи на этих, что провожает нынче Москва на трудовой фронт братской помощи.

Начинается короткий митинг. В который раз корреспонденты записывают в свои блокноты ставшие уже знакомыми цифры: 230 тысяч квадратных метров жилья — это вклад московских строителей в новый Ташкент. Это тысячи новых квартир, новоселий, счастливых семей.

Медленно отходит от платформы поезд... Разлука всегда грустна. Но сегодня она и прекрасна: ведь разлучаются люди во имя счастья других людей, во имя братства.

Медленно уплывает вагон с волнующим лозунгом: «Товарищи ташкентцы! Вы не одиноки, мы спешим вам на помощь!»

— Доброго вам пути, дорогие москвичи, доброй работы! — звучит в репродукторах напутствие столицы.

Москвичи едут в Ташкент.

А в Москве уже приготовлены два интерната для приема тысячи маленьких ташкентцев. В Куйбышевском и Октябрьском районах столицы два года будут жить и учиться узбекские ребята. На время летнего отдыха в Кузьминках для них организован санаторный лагерь. Еще тысяча детей проведет летние каникулы в подмосковных пионерских лагерях.

Свыше тысячи студентов московских вузов, закончив экзаменационные сессии, уедут в столицу Узбекистана, организовавшись в боевые отряды подсобных рабочих.

Строительный поезд, об отправлении которого мы рассказали в нашем репортаже, не последний. На днях новая группа московских строителей-добровольцев выезжает на помощь Ташкенту. Ежедневно из столицы отходят поезда с техникой, строительными материалами, одеждой, продуктами.

ОВОЛЬЦЫ

→ На открытых платформах установлена «боевая техника».

ОТ ПУССЕНА ДО ВАН ГОГА

А. ЧЕГОДАЕВ,

доктор искусствоведения

Если не считать искусства Древней Греции и Италии эпохи Возрождения, ни одно искусство не занимало так воображение современников и потомков, как искусство Франции от семнадцатого до двадцатого века.

Это и не удивительно, так как мало какой народ земли мог бы сравняться с французским народом этих четырех веков по количеству созданных им высоких художественных ценностей, по непрерывной и крепко спаянной цепи преемственности передовых художественных идей, по строгой и изящной отточенности формы, по тонкости и обаянию человеческих чувств, пронизывающих это искусство. Своим художественным творчеством Франция дала человечеству очень много, получив в ответ полную меру признательности и восхищения.

Между народами России и Франции, а потом Советского Союза и Франции с давних времен сложилась дружба. Наша страна и Франция объединялись и действовали вместе в очень важные и поворотные моменты мировой истории. Дружеские и культурные связи углублялись и расширялись, невзирая ни на какие повороты истории, в течение двух с половиной веков, прошедших с тех пор, как Петр Великий пригласил первых французских архитекторов для участия в строительстве Петербурга.

Именно поэтому в Государственном Эрмитаже в Ленинграде и Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве оказалась одна из богатейших в мире коллекций французского искусства. Только в самой Франции и в Соединенных Штатах Америки можно составить такое же яркое и такое же полное представление о высоте художественного уровня творений мастеров Франции — ее живописцев, скульпторов, рисовальщиков, граверов, керамистов, мебельщиков, оружейников, ткачей, полиграфистов. Эрмитаж и Музей изобразительных искусств, вместе взятые, могут продемонстрировать всему миру поистине бесконечную вереницу прекрасных художественных созданий, обязанных своим рождением гению французского народа. Их и посещают — с каждым годом все больше — многие сотни тысяч людей со всех концов земли. Некоторые произведения французских художников не один раз путешествовали из Москвы и Ленинграда в Париж и другие города и неизменно вызывали внимание и восхищение новых сотен тысяч зрителей. В прошедшем 1965 году отправилась в Бордо и Париж большая выставка — сто избранных французских картин,— ставшая достойным ответом на выставки, присылавшиеся из Франции в Москву и Ленинград.

Эти сто картин (семьдесят из Эрмитажа и тридцать из Музея изобразительных искусств) давали, конечно, лишь сжатое представление о всем богатстве и необыкновенном многообразии французского искусства, которым владеют ленинградский и московский музеи. Ведь как ни богаты эти прекрасные хранилища художественными произведениями других народов и других эпох, их мировое значение основывается больше всего на блеске и славе французских коллекций. Но все же сто картин, умно и со вкусом выбранных работниками музеев Лувра и города Бордо, создали очень насыщенное и сконцентрированное впечатление о красоте и достоинстве французского собрания Москвы и Ленинграда. Когда выставка, привлекшая небывалое для Франции множество посетителей, вернулась домой и была показана уже в этом, 1966 году советским зрителям, она дала возможность лишний раз наглядно убедиться, какие сокровища принадлежат нашей стране и как нужно гордиться их великолепным подбором и прекрасной сохранностью.

Этим последним по времени дружеским культурным обменом обе стороны остались очень довольны.

Если отдать себе отчет в том, чем же так хорошо, чем драгоценно советское собрание французского искусства, то можно вспомнить очень много примечательного.

У нас превосходно представлены многие величайшие и интереснейшие мастера Франции: Никола́ Пуссен, Антуан Ватто, Луи Давид, Камилл Коро, Эдгар Дега, Огюст Ренуар, Клод Моне, Поль Сезанн, Огюст Роден, Поль Гоген, Винцент ван Гог, Анри Матисс, Аристид Майоль, Альбер Марке, Пабло Пикассо и другие, не говоря о множестве художников меньшего ранга. Правда, некоторые величайшие мастера представлены далеко не в полную силу, вещами немногочисленными и не самыми лучшими, а то и просто случайными, как это неизбежно бывает в любых крупнейших музеях мира. Но и при некоторых пробелах это огромный мир художественных образов, в котором встает история не только народа Франции, но и всего человечества за последние четыре столетия его сложного и драматического развития.

Французские художники умели видеть самое существенное, самое главное. Они могли честно и непредвзято изображать натуру с безжалостным и разоблачительным реализмом, как то делал Дега, могли создавать величественные и героические образы, обобщающие опыт столетий, как то делал Пуссен, могли восхищенно прославлять человеческий ум, красоту, душевную тонкость, как то делали Мане, Майоль или Ватто. Нет такой сферы мысли и чувства, где бы французские художники не оказывались зоркими наблюдателями и острыми и глубокими интерпретаторами реальной жизни. Среди них каждый может найти любимцев, верных и надежных советников. Все лучшие художники Франции знали прелесть вольной и дерзкой свободы мысли, были настоящими демократами и не забывали, что принадлежат народу, история которого сотрясалась целой вереницей революций. Поэтому в мире образов и идей лучших французских художников странствовать просто и легко, и там можно не рисковать запутаться в буржуазной ограниченности, или в барском пренебрежении к иноземцам, или в холодном, эгоистическом формотворчестве. Конечно, во Франции были и такие художники, у которых художественный и идейный багаж не отличался особой серьезностью и значительностью,— среди них бывали даже несомненно одаренные мастера, но принесшие свое искусство в жертву ханжескому, мещанскому лицемерию, как Грез, или раболепно льстивому культу Наполеона, как, например, Гро, или легкомысленной развлекательности, как Буше. Не на таких художниках покоится величие французского искусства, и не о них идет речь, когда говорят о его величии и его значении. Во Франции всегда было достаточно настоящих больших художников, которые могли быть достойными современниками Ронсара и Корнеля, Вольтера и Стендаля, Франса и Сент-Экзюпери.

Лучшим французским художникам работать было нелегко: им приходилось отстаивать искусство от нападений сторонников и приверженцев реакционных общественных и художественных взглядов, утверждать свои принципы в жестокой борьбе с различными, но неизменно господствующими течениями официального буржуазного (а в более давние времена придворного) искусства. Эта борьба одновременно и затрудняла их творческую работу и закаляла их упрямую непреклонность в преследовании намеченных целей. Жизнь многих величайших художников Франции была подлинным подвигом, нередко проникнутым подлинно трагическим напряжением. Так было у Пуссена, которому пришлось почти всю жизнь прожить на чужбине: влиятельные и знаменитые в свое время придворные художники Людовика XIII всячески старались опутать Пуссена своими интригами и не допустить его к руководящему положению во французском искусстве того

Никола Пуссен. 1594—1665. СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Антуан Ватто. 1684—1721. АКТЕРЫ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМЕДИИ.

Государственный Эрмитаж.

Гюбер Робер. 1733—1808. КРЫЛЬЦО ДВОРЦА С ПОРТИКОМ И КАРИАТИДАМИ.

Государственный Эрмитаж.

времени, какое ему принадлежало по праву. Так было у Ватто, чья благородная романтическая утопия встречала у современников непонимание и насмешки. Так было у Эдуарда Мане, чье имя было знаменем художественной молодежи, восставшей против салонного академизма, но чьи картины систематически отвергались реакционным жюри Салона за одно имя Мане! Можно было бы долго вспоминать печальную судьбу ван Гога и Домье, Тулуз-Лотрека или Утрилло, да и стольких еще других прекрасных художников, заслуживавших уважения и почета со стороны своих современников.

Но в памяти позднейших поколений остается только настоящее искусство, и на обязанности потомков лежит восстановление справедливости. Поэтому нужно знать, что посещение музеев — это не праздное времяпрепровождение и не удовлетворение собственного любопытства, но и принесение дани уважения и восхищения тем большим мастерам, которые достойно заслужили свое почетное место в истории...

В этом номере «Огонек» начинает печатать серию картин французских художников из московского и ленинградского собраний. В первых же шести картинах заключен большой отрезок долгого исторического пути французского искусства — от Пуссена до ван Гога. За каждой из этих картин стоит сложная судьба художника.

Маленькая картина Пуссена «Святое семейство», хранящаяся в Музее изобразительных искусств, полна той прозрачной и ясной гармонии, тех возвышенных представлений о человеке, какие были всегда присущи мировоззрению величайшего французского живописца семнадцатого столетия. Подобно своим современникам Декарту и Корнелю, Пуссен искал и находил в природе и человеке законы разума, проявления действенной творческой воли, сознание долга и ответственности за осмысленную жизнь на земле. Он был мечтателем и искусство свое посвятил образам прекрасных людей на прекрасной земле. Прожив почти всю жизнь вдали от Франции, в Риме, Пуссен населил просторные и нежные пейзажи Римской Кампаньи героями античных мифов и библейских легенд, отыскивая в этих последних, подобно Рембрандту, сильные и драматические человеческие характеры, воссоздававшиеся им с необыкновенной психологической прозорливостью и правдой. И этот возвышенный мир, казалось бы, отвлеченных, идеальных героических образов был на деле совершенно убийствен для пышной фальши и неуклюжей лжи придворного искусства французских королей семнадцатого века — потому так и боялись Пуссена самодовольные придворные живописцы тех дней вроде Симона Вуэ. В трудных и тяжелых условиях французской культуры семнадцатого века даже издалека, из Италии, Пуссен убежденно утверждал и защищал высокий нравственный строй подлинного искусства, действительное человеческое достоинство, неподвластное никаким узкокастовым, ограниченно-классовым предрассудкам и враждебное какой-либо умственной неподвижности и косности. Именно потому так окружен был Пуссен благоговейным преклонением разноплеменных художников, обитавших в его дни в Риме, и потому остался столь сильнодействующим его продуманно торжественный композиционный строй и напряженные созвучия цвета, а его возвышенные, но удивительно живые герои оказались бесконечно более жизнеспособными, чем напыщенные вельможи и ханжески-умильные святые других художников, его современников.

Эрмитаж и Музей изобразительных искусств обладают большим числом шедевров Пуссена, таких, как «Танкред и Эрминия», «Снятие с креста», «Ринальдо и Армида», «Пейзаж с Полифемом» или «Пейзаж с Геркулесом». Менее известная картина «Святое семейство» своею душевной чистотой, как и своим серебристым колоритом, заслуживает гораздо большего внимания, чем ей уделялось раньше.

Вторая воспроизведенная в этом номере картина принадлежит к числу самых изящных, тонких и принципиально важных работ Антуана Ватто, величайшего французского живописца следующего, восемнадцатого века. Хотя она традиционно называется «Актеры итальянской комедии», ее вернее считать маленьким групповым портретом актеров французского ярмарочного театра, с которым Ватто был тесно связан всю свою недолгую жизнь. Когда он писал эту картину, труппа театра «Итальянской комедии», с давних пор игравшая в Париже, находилась в изгнании: стареющий и впавший в чрезмерную набожность Людовик XIV распорядился еще в конце девяностых годов 17 века выслать «Итальянскую комедию» из Франции за непочтительные насмешки над королевой, и вернулся этот театр назад в Париж только после смерти короля, в 1716 году. Но французский театр ярмарочных балаганов все равно воспринял от итальянских комедиантов озорное и мятежное вольномыслие, и ему также достаточно доставалось от королевской цензуры и королевской полиции. Ватто связал с этими «бродягами», как их третировали высшие круги тогдашнего французского общества, не только свое искусство, но и свои поиски настоящих, полноценных человеческих характеров, в чем он был прямым продолжателем Пуссена. Через театральные подмостки Ватто пришел к тончайшему психологическому анализу сложных душевных состояний человека, к овеянной мечтательностью и меланхолией мысли о «прекрасном человеке на прекрасной земле», которая тревожила и будоражила людей не одно тысячелетие до Ватто, не одно столетие после.

«Актеры» Ватто написаны, по выражению великого английского художника Джона Констебля, «словно медом», так душист и нежен их колорит, сотканный из сдержанных, глухих красочных оттенков, и каждый из изображенных Ватто человеческих обликов полон жизни, неся отчетливую печать неповторимой индивидуальности. С таких картин Ватто началось новое развитие реалистической линии во французском искусстве восемнадцатого века, где господствующий тон задавали пустые придворные декораторы.

Картина Гюбера Робера дает понятие об этом трудолюбивом и изобильном пейзажисте второй половины восемнадцатого века, влюбленном в античность и постоянно включавшем в свои пейзажи какие-либо архитектурные руины (виденные им в Италии). Нигде на свете нет такой огромной коллекции работ Робера, как в Ленинграде и Москве (целый зал его пейзажей, полученных еще непосредственно от художника, есть в музее-усадьбе Архангельское под Москвою), и, хотя творчество этого мастера не отличается особенной глубиною и разнообразием, его искусство тем не менее вносит свою долю в мир поэтических открытий людей восемнадцатого века.

Пейзажем «Поле маков» представлен в этом номере Клод Моне, глава группы французских живописцев, прозванных «импрессионистами». Это название, данное в шутку безвестным газетным критиком 1874 года, обыгравшим название картины Клода Моне, появившейся в этом году на частной групповой выставке у фотографа Надара,—«Впечатление. Восходящее солнце», обрело потом неожиданно долгую жизнь и не раз с тех пор вводило в заблуждение зрителей музеев и историков искусства, думавших, что это название отвечает действительности и что Моне и его товарищи на самом деле занимались передачей беглых, случайных, субъективных «впечатлений» от жизни вместо самой жизни во всей ее объективной правде. Но на деле было не так: и Клод Моне и в еще большей мере его друзья Камилл Писарро и Альфред Сислей превосходно знали французскую природу и отлично умели передавать ее постоянные и характерные особенности, а их открытия в способах изображения света и воздуха позволили им с гораздо большей точностью и тонкостью передавать в своих работах бесконечную изменчивость состояний природы и богатство ее обликов. Художники-импрессионисты опирались на долгий опыт предшественников, и, в свой черед, их открытия перешли по наследству, пейзажистам двадцатого века, и притом самым лучшим среди них, таким, как Альбер Марке или Сергей Герасимов. Поклепы, долго возводившиеся реакционной буржуазной критикой на импрессионистов, опали, как сухие листья, и нужно по справедливости воспринимать их пейзажи как вершину реалистического французского пейзажа девятнадцатого века, несущего в себе глубокую любовь к родной стране и блестящее умение передавать ее поэтическое обаяние.

То, что консервативно мыслящие критики в свое время приняли обобщенность живописной манеры Моне за «беглость», отбор самого существенного и характерного за «случайность», а упоение светом и воздухом за «субъективизм», может оставаться на их совести и уйти в прошлое вместе с непролазной «музейной» чернотою салонной живописи, нисколько не заинтересованной в жизненной правде. «Поле маков», одна из лучших среди многочисленных работ Клода Моне, находящихся в музеях Москвы и Ленинграда, относится к периоду зрелости художника, позднее, быть может, чрезмерно увлекшегося декоративной многоцветностью своей строго рационалистически продуманной живописи и что-то потерявшего из непосредственной свежести чувства природы.

Полной противоположностью Клоду Моне с его методическим исследованием всевозможных состояний реальной природы был работавший одновременно с ним Винцент ван Гог, один из самых трагических художников среди великих мастеров французского искусства. Голландец родом, он связал с Францией всю свою творческую судьбу. Ничего нет ошибочнее считать, что ван Гог был каким-то «недоучкой», чуть ли не «самодеятельным» художником, не поспевшим получить строгое академическое образование. Ван Гог прекрасно умел делать то, что он хотел и чего искал. Он только принадлежал к тому племени неистовых художников, что не могут ни секунды прожить без напряженного, мучительного творчества, и у него при таком стремительном темпе исканий и находок, подобно другим художникам такого же темперамента — Рубенсу, Гойе или Делакруа, не все выходило одинаково ровно и прекрасные вещи перемежались неудачными. Но высший уровень его глубоко человечного, полного острой зоркости и сердечной взволнованности искусства хорошо показывают такие шедевры, как «Ночное кафе», хранящееся в Йэльском университете в Нью-Хэвене, или «Портрет доктора Гаше» в Лувре, или «Пейзаж в Овере после дождя» и «Прогулка заключенных» в Музее изобразительных искусств, или «Цветущий куст» в Эрмитаже.

«Портрет доктора Рея» принадлежит к тем произведениям последних двух с половиной лет жизни художника (1888—1890), когда его мастерство поднялось на свой высший гребень накануне столь ранней трагической гибели. В этом портрете, как и в вышеназванных работах, относящихся к тем же годам, можно видеть, как ищет ван Гог обостренной выразительности психологической характеристики модели, как он напрягает цветовой строй, вводит в фон беспокойный орнамент обоев, обобщает и упрощает форму, достигая удивительной жизненности человеческого образа. Этот врач, холодно и недружелюбно глядящий на зрителя, похож не столько на целителя человеческих страданий, сколько на ученого-естествоиспытателя, строго анализирующего и анатомирующего человеческую душу. Ван Гогу, как немного позднее Врубелю, пришлось попытаться излечить начинавшуюся душевную болезнь, пока он не решил по своей воле уйти из жизни, и в глазах этого хмурого доктора (столь непохожего на доброго доктора Гаше!) он, быть может, прочел свой приговор. Но трагическое искусство ван Гога, столь скорбное и столь радующееся жизни и солнцу, стало началом нового этапа развития реалистического искусства в двадцатом веке, приведшего к таким большим мастерам, как Тулуз-Лотрек и молодой Пикассо, Руо и Сикейрос, Ренато Гуттузо и Рафаэль Сойер.

При всей своей душевной привязанности к Ленинграду и Эрмитажу я все же более горячо и более заинтересованно люблю, может быть, не столь пространную и грандиозную череду залов Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, в которых развешаны творения французских мастеров 17—20 веков. Мне самому не раз в свое время приходилось развешивать в этом музее эти самые картины. Но я думаю, что и всякий посетитель, медленно и внимательно обходящий светлые залы, где висят прекрасные работы Сезанна и Дега, Ренуара и ван Гога, Боннара и Марке, Матисса и Пикассо, может уйти из них обогащенным и уносящим чувство глубокой благодарности французским художникам, которые искали подлинную большую человечность и умели выражать ее в высоко совершенной форме.

ПРОФИЛЬ МУЖЕСТВА

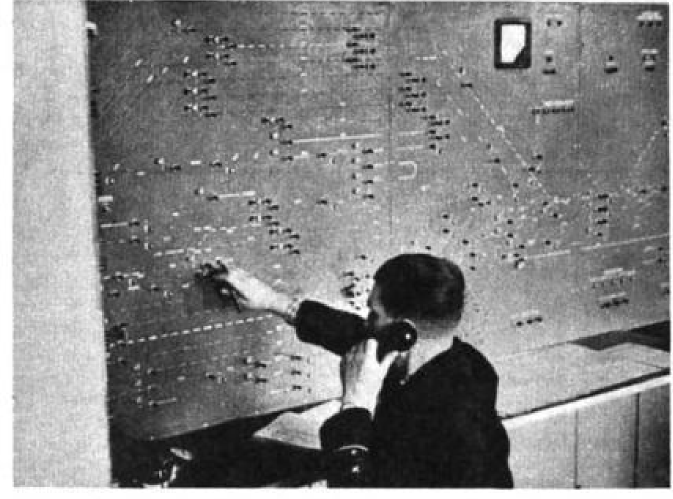
Электромонтер Евгений Авраменко.

«Завершить электрификацию железнодорожной линии Москва — Киев — Львов — Чоп...»

Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану.

Е. КРУКОВЕЦ

Фото А. УЗЛЯНА.



Пульт управления электрической централизацией на станции Красное. Дежурный по станции Адам Молецкий.

В начале нам показывают карту железных дорог. Вот Львов, а вот станция Красное. Между ними восемьдесят семь километров пути. Расстояние как будто совсем малое. В общем объеме работ по электрификации железнодорожного транспорта в этой пятилетке это меньше одного процента. Но когда выходишь на полотно и видишь, какого труда и напряжения требует каждый километр, то начинаешь более уважительно относиться к этому неполному проценту.

Прораб строительно-монтажного поезда Дмитрий Корнев, худощавый, подтянутый, сравнительно молодой человек, ворчит:

— Нашему брату трудно. Не то что другим строителям. Вот, например, возводят дом. Поставят забор — и никто тебе не мешает, работай с утра до вечера. Мы же все время ловим момент, когда освободится путь. А поезда все идут и идут. И днем и ночью.

...На треугольной поперечине столба над путями работает электромонтер-монтажник Алексей Гринюк. Подвешивает струнки, которые будут поддерживать контактный провод.

— Все в полном порядке,— усмехается Корнев, перехватив наши взгляды,— он подвязан, не упадет...

И тем не менее какая нужна сноровка и — чего там говорить! — смелость, чтобы так ловко и быстро управляться, лежа на поперечине!

В столь же рискованной позиции — на вершине опорного столба — и Евгений Авраменко, устанавливающий консоль для цепной подвески провода. Увлечен человек работой и как бы не замечает, не чувствует высоты. Да и нас, стоящих внизу, не замечает.

Восемь лет назад пришел сибиряк Евгений Авраменко на монтаж. Потом в армию призвали. А когда демобилизовался, то снова вернулся к столбам у железнодорожного полотна. Евгения теперь называют лучшим электромонтером треста «Трансэлектромонтаж». Занесен в книгу почета.

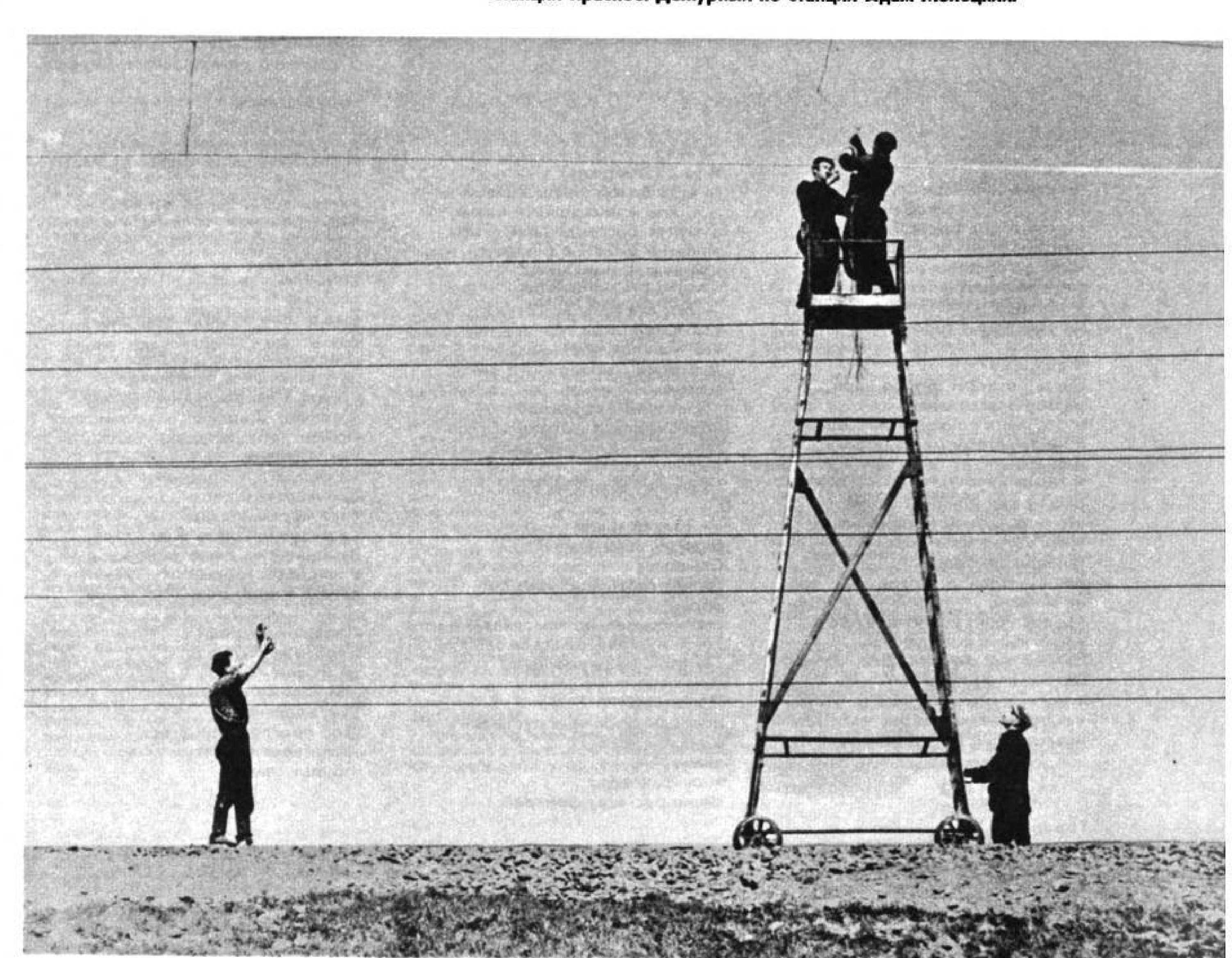
Вдалеке показался поезд. Монтажники спустились со столбов — так требует техника безопасности. Хуже, что приходится убирать с полотна лейтер — лестницу на катках. Весит она 120 килограммов. Но бригада давно сработалась, и эта операция выполняется очень быстро.

На линии много специальной техники. В районе станции Клепаров работает мощный кран. На станции Батаровка — дрезина с подъемным мостом. Бригада Александра Фролова крепит турникеты и усики фиксатора. Все члены бригады — комсомольцы. А сам Фролов — секретарь комсомольской организации прорабского пункта.

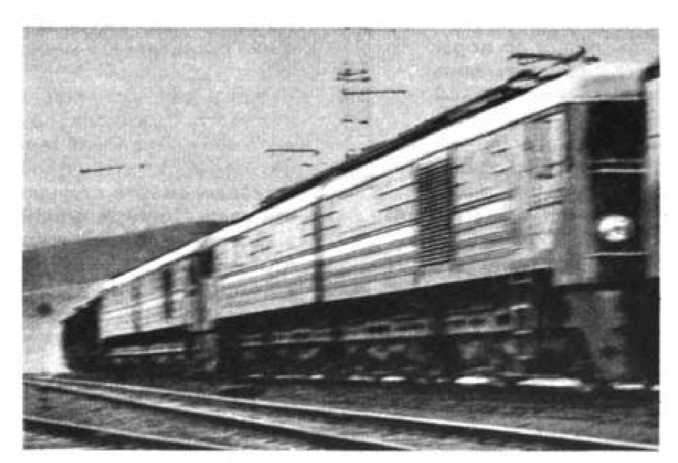
Электрификация участка Львов — Красное завершится в этом году. Тогда электропоезда пойдут от Киева через Львов, Чоп до Праги. Прямой электрифицированный выход в Чехословакию получит и Донбасс. Принесет это не только удобства, но и огромные экономические выгоды. В этом легко убедиться, побывав на пульте управления станции Красное, станции, уже полностью электрифицированной. На большом щите светятся пунктирные линии: в любой момент можно определить, где и какой состав находится, какой путь освобождается. Если раньше для подготовки маршрута проходящему через станцию составу требовалось 15—20 минут, то теперь — несколько секунд. Этой подготовкой еще сравнительно недавно занимались 60 стрелочников. А сейчас — всего двое дежурных. Теперь не скажешь: «виноват стрелочник»,— его заменил автомат.

А еще мы побывали в районе станции Лавочное, где несколько лет действует электрифицированная линия. Очень картинно выплывает поезд из тоннеля, прорезавшего Карпаты. И добавляется к этому еще красота экономическая: затраты на электрификацию каждого нового участка окупаются в течение 2,5—3 лет. За счет чего? Удешевляется энергия, увеличивается провозная и пропускная способность...

В ближайшие два года на Львовской железной дороге будет электрифицировано еще 400 километров. А ведь за предыдущее десятилетие здесь вошли в строй всего 428 километров таких путей.



Подвеска струнок.



Электропоезд в Карпатах.

Гели АБДЕЛЬ РАХМАН,
суданский поэт

Фонари

1

Фонари... Фонари...
И, всю душу тоской изнурив,
я, мой город родной,
изготовившись к новому бою,
ныне в собственном сердце
твои засветил фонари
и пришел на заснеженный мост
на свиданье с тобою.

Фонари...
Пусть посветят они до зари,
разгораясь сильней,
пусть меня приведут поскорей
к не забытому мною порогу...
Фонари...
Я зажег их
ресницами длинных теней,
что чуть-чуть приоткрылись,
меня выпуская в дорогу.
Фонари... Фонари...
Как вы стали в стране
не в чести,
как вас гонит кромешная ночь
из изгнанья в изгнанье...
И, чтоб вас, как детишек,
от голода ныне спасти,
я даю вам,
как грудь с молоком,
незаглохшие воспоминанья.

2

Город мой,
ты мое ремесло
у медлительно-желтой воды!
Ты родимый мой кров
над водой,
где звезда раскололась!..
Говорят, что песком занесло
все мои молодые следы;
говорят, что дыханье ветров
молодой
заглушило мой голос.

Говорят, ты певца до поры
не заметил с своей вышины;
говорят, ты весною парной
ручейков
не услышал в долинах;
говорят, ты за мною закрыл
надмогильную дверь тишины;
говорят, ты простился со мной
без речей,
без цветов,
без поминок.
Говорят, что, своим чередом
замыкая страданий кольцо,
все друзья мои в ночи и дни
так ведут себя странно:
если издали видят мой дом —
закрывают руками лицо,
если ж мимо проходят они —
то их души седеют от страха.

Потому что спокойненько
сквозь захламленный февраль
и сквозь стену в грязи,
высиняя весенний мой образ,
как улыбка покойника,
смотрят глаза мои вдаль,
и на окнах скрипят жалюзи,
словно изжелта-серые ребра.

3

Я спросил у всадника печально:
— Не дождавшись утренней зари,
почему, скажи, у вас ночами
город загашает фонари?..

И, обиженно потупив очи,
мне ответил всадник:
— Видит бог,
это горе — только в эти ночи,
полные и грусти и тревог.

И из темных глаз его усталых,
вызревших скорбей не утаив,
словно виноградины, упали
слезы на наручники мои.

Я спросил
под пологом ненастья:
— Ты откуда будешь...
труп живой?..
— Я-то?..
Я-то с Побережья Счастья,
то есть с этой улицы кривой,
где, как износившиеся клячи,
в муках бессердечной суеты
нищие и молятся, и плачут,
и кричат, и корчатся...
— А ты?
— Ну, а я пришел оттуда, с низа
тех полей,
что тяжелей тюрьмы.
Я с реки Серебряного риса,
с берега Обилья... Только мы,
обработав щедрую долину,
под навесом виноградных лоз
там едим не теплый хлеб,
а глину,
собирая урожай из слез...

— Только тише!
Видишь, темь какая?
Слышишь
грохот глохнущих громов?
Это
сталь грызет, не замолкая,
кости и подвалов и домов!
Так что... будь здоров!..

И я шагаю
посреди морозных пустырей,
и вослед мне,
вижу,
вновь мигают
синие ресницы фонарей.

4

С каждым мигом, друзья,
вы становитесь сердцу родней.
И сейчас, когда злоба опять
занесла
свою тень над страною,—
мне в глазах ваших
видеть дано
фонари моих сгинувших дней
и дано видеть омуты слез
в час прощанья со мною.

Каждый день роковой,
как матрос, выходя на аврал,
зная ясную цель впереди,
не спеша
к скалам смерти причалить,—
эти слезы одну за одной
я с далеких вершин собирал,
чтобы их убаюкать в груди —
в колыбели тоски и печали;

чтобы люди сходились
на добрый совет,
навсегда порешив: «Устоим!»,
чтобы слезы сводились
на нет,
приводя нас в эпоху иную,
чтобы мне и в изгнанье
кормить и кормить их своим
молоком взбудораженных бед
и побед,
что меня не минуют;

чтобы вновь над кормой
разгорались пожары зари,
чтобы даже и лютой зимой
поднимались цветы надо мною;
и чтоб город родной мой
вовсю засветил фонари
в час,
когда возвращенье домой
я своими слезами омою.

Возвращение

В деревню возвращается Дервиш.
Под ним
скрипит изрытая планета.
За ним верблюд бредет,
как тень скелета...
В деревню возвращается Дервиш.

Задумавшись,
он на просторах мая
раздумчивую песенку поет.
И, вытянувшись, тишина встает,
Дервишу
длинным плачем подпевая.
Вдали остатки солнышка качает
ночей почти что черная черта.
И всюду
хмурость хижин
темнота
уже в свои объятья заключает.

И всюду,
затуманившись, тропинки
уходят в непроглядную нужду.
Дервиш, Дервиш!
Пойми: тебя не ждут
там, вдалеке,
ни свадьбы, ни поминки.
Там мертвым сном
спят мертвые сады,
не радуя ни слуха и ни взора.
Взгляни: там даже умирает дым
в широком горле
черного простора.

Дервиш, Дервиш!
Спроси же себя опять:
ты нужен
или никому не нужен?..
Там, вдалеке,
свой проглотивши ужин,
твоя деревня спит
и будет спать!

* * *

Сгорает свет, и умирает свет,
челны
вплотную к черноте причалив.
А я
и мой верблюд, как мой скелет,
качаемся под вьюками печали.
Идем,
идем за гребни горьких гор,
за мрачный сумрак
мертвенного моря.
И высится моя печаль, как горб,
и мой верблюд,
как воплощенье горя.

Идем,
как караван в полночный час,
готовый встретить
и ветра и грозы...
И звезды, синью осеняя нас,
сквозь листья пальм
струятся, словно слезы.
Идем,
идем мы по тебе, страна,
идем,
идем к тебе, моя живая...
А длинная ночная тишина
все плачет, от печали изнывая.

Перевел с арабского
Вас. ЖУРАВЛЕВ.

Неуми

Ал. РОМАНОВ

Время от времени из разных уголков Союза и из зарубежных стран в Москву, в Комитет по кинематографии при Совете Министров СССР и в Союз кинематографистов, приходят письма, написанные разными людьми, но содержащие одно настойчивое требование: «Советскую киноклассику — на экран!»

Приток таких писем заметно увеличился после XXIII съезда КПСС, в ходе которого так много важного было сказано и о советском киноискусстве: о путях его развития, о выдающихся художественных достижениях его мастеров и их просчетах и промахах, об огромной роли нашего кино в коммунистическом воспитании трудящихся.

Требование вернуть киноклассику на экран продиктовано, разумеется, не только похвальной людской любознательностью. В нашем обществе утвердилась преемственность художественных традиций, составляющая одно из важнейших звеньев общей системы воспитания. И в формировании духовного облика человека и общества в целом должны участвовать, следовательно, не только произведения искусства, созданные недавно, но обязательно и те, которые родились в двадцатые и тридцатые годы, в годы войны и в послевоенное время и которые вошли в золотой фонд искусства социалистического реализма.

В самом деле, если в жизнь старшего поколения советских людей прочно вошли выдающиеся произведения советской киноклассики, то молодежь и даже люди средних лет знают их, как правило, лишь по названиям да по отрывкам, однажды переданным по телевидению. Правда, опыты реставрации и повторного тиражирования лучших советских фильмов прошлых лет предпринимались и раньше, но это были только опыты, не имевшие массового характера. Экраны кинотеатров, Дворцов культуры и клубов по-прежнему изо дня в день демонстрировали главным образом новые киноленты, а классические советские кинопроизведения, в том числе и признанные лучшими фильмами века, оставались скрытыми от нового поколения кинозрителей.

Но письма шли и шли, письма

«Возвращение Максима». Максим — народный артист СССР Б. Чирков.

«Броненосец «Потемкин».

...рающие кинолентынастойчивые и требовательные. И в 1964—1965 годах удалось наконец организовать восстановление знаменитых кинолент уже в значительных масштабах и на высоком уровне современной техники. В результате в относительно короткий срок было восстановлено и возвращено на массовый экран свыше 70 кинопроизведений, созданных в довоенное время и в первые послевоенные годы.

Это была огромная по объему, в высшей степени трудоемкая и кропотливая работа. Ведь за многие годы, истекшие со времени создания этих картин, их негативы и исходные материалы не только пострадали от времени и неудовлетворительных условий хранения, в особенности в тяжелые годы войны, а то и просто пришли в негодность. Потребовались не только длительные, чисто реставрационные работы, но в ряде случаев и обновление всей музыкально-звуковой сферы этих картин, вплоть до монтажно-редакционных поправок. Режиссеры К. А Полонский, Н. М. Трахтенберг, Т. Н. Лисициан, В. Л. Сухобоков и другие наши, советские кинематографисты, операторы и звукооператоры, мастера комбинированных съемок, инженерно-технические работники киностудий «Мосфильм» и имени М. Горького, Госфильмофонда и Кинопроката вложили в это дело много умения, инициативы и подлинного мастерства. От них требовался необычайно тонкий, вдумчивый и бережливый подход, чтобы не нарушить образный строй произведения, сохранить в полной мере неповторимую художническую индивидуальность авторов, все особенности их творческого почерка. Мы вправе сказать, что все эти условия соблюдались неукоснительно. В напряженном, подлинно творческом труде на крупнейших советских киностудиях происходило то, что не случайно именуется теперь вторым рождением фильма.

В числе реставрированных фильмов кинопроизведения разных лет — от «Броненосца «Потемкина» С. Эйзенштейна (1926 г.), «Чапаева» братьев Васильевых (1934 г.) до «Молодой гвардии» С. Герасимова (1948 г.).

Разнообразные по творческой манере и стилю их авторов, представляющие различные жанры киноискусства, все семьдесят восстановленных кинопроизведений стоят на главном направлении советского кино, выраженном в теме «Народ и революция». Разработка именно этой генеральной темы позволила советскому киноискусству осуществить наиболее яркие художественные открытия и получить мировое признание. Разве не об этом говорят многие из фильмов, получивших заслуженное право на второе рождение: «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», «Мы из Кронштадта», «Человек с ружьем» и «Яков Свердлов».

Простой, такой симпатичный и близкий каждому парень с Выборгской стороны — большевик Максим через 30 лет после первой встречи со зрителями вновь вышел на наши экраны, чтобы рассказать о жизни питерских рабочих, об их революционной борьбе. И как когда-то, в 1936 году, то поколение советских людей, которое ныне именуется старшим, глядя на экран, с радостью и восторгом переживало свое боевое прошлое, так и сейчас их сыновья и внуки с волнением встречаются с героической юностью своих дедов и отцов.

Вновь продолжают свой боевой путь на экранах кинотеатров легендарные герои гражданской войны — Василий Иванович Чапаев, Николай Щорс, Александр Пархоменко...

В нашем киноискусстве нашли свое воплощение все основные исторические этапы революционного развития и утверждения советского общества. Гигантские общественные преобразования, индустриализация и коллективизация страны, трудовой энтузиазм первых пятилеток, новые морально-этические нормы в отношениях между людьми всегда приковывали к себе внимание всех выдающихся мастеров советского киноискусства. И лучшее, что создано ими, ныне вновь входит в состав действующего фонда кинофильмов: «Комсомольск», «Член правительства», «Крестьяне», «Семеро смелых», «Трактористы», «Богатая невеста» и многие другие. Так, фильмы тридцатых годов становятся фильмами годов шестидесятых.

«Ленин в 1918 году». В главной роли народный артист СССР Б. Щукин.

Зрители вновь видят на экранах и многие историко-патриотические ленты, созданные выдающимися советскими кинохудожниками («Александр Невский» С. Эйзенштейна, «Петр I» В. Петрова), а также картины на военно-патриотические темы. Во всем своем величии предстают перед нами героические образы молодогвардейцев, Александра Матросова, Марии Мельникайте, Зои Космодемьянской. Мы вновь видим замечательного советского актера В. Ванина, исполняющего главную роль в фильме И. Пырьева «Секретарь райкома».

Среди восстановленных лент немало фильмов для детей и о детях. В самом деле, почему нынешнее молодое поколение должно быть лишено кинопроизведений, которые были когда-то любимыми фильмами их отцов? Впрочем, такие фильмы, как «Детство Горького», «В людях», «Пэпо», «Джульбарс», с интересом посмотрят еще раз и те, кому сейчас далеко за тридцать!

Второе рождение каждого из шедевров советского киноискусства — серьезное общественное событие, ибо их восстановление не просто мемориальная, музейная работа, это — обновление старого, но грозного оружия! Все эти картины, думается нам, особенно нужны молодому зрителю.

Они вновь призваны помочь молодежи осмыслить все величие идей, за торжество которых боролись, не щадя крови и жизни, их деды и отцы. Они помогут ей зримо представить себе гигантский путь, пройденный советским обществом за 50 лет его существования. И пусть сегодня, так же как и в прошлом, при первом выходе на экран этих произведений, пафос классовой борьбы, романтика революционных битв еще глубже овладеет юными сердцами.

Мы убеждены глубочайше, что поистине неоценимое творческое дело восстановления фильмов золотого фонда советского киноискусства находится в самой непосредственной связи с выполнением тех огромных идеологических задач, которые поставлены XXIII съездом Коммунистической партии перед советской художественной интеллигенцией, а значит, и перед всеми творческими работниками нашей кинематографии.

«Человек с ружьем». Шадрин — народный артист РСФСР Б. Тенин.

Чапаев — народный артист СССР Б. Бабочкин. Петька — Л. Кмит.

«Молодая гвардия». Олег Кошевой — В. Иванов. Мать Олега — народная артистка СССР Т. Макарова.

«Мы из Кронштадта».

«Трактористы».

«Александр Пархоменко». В главной роли А. Хвыля.

«Александр Матросов». В главной роли А. Игнатьев.

Венесуэла: ПОБЕДА НУЖНА,

Леонид СТЕПАНОВ

Когда он совершил свой дерзкий, казавшийся невероятным побег из тюрьмы, за его голову было назначено 200 тысяч боливаров.

После того как он, представляя борющуюся революционную Венесуэлу, занял место вице-президента на Гаванской конференции народов трех континентов, цена за его голову возросла втрое.

— У них не хватит денег,— с улыбкой говорит Педро Медина Сильва.— Таких, как я, в Венесуэле много. А главное, с каждым годом нас становится все больше.

Конечно, Педро Медина Сильва не рядовой боец. Он командующий всеми отрядами национальной освободительной армии. Но он по-своему прав. Его жизнь, судьба так похожа на судьбы многих лучших сынов Венесуэлы, которые борются сейчас за свободу своей родины.

Мы сидим в одной из московских гостиниц. Времени у Педро очень мало. Но я все-таки прошу его рассказать о себе. Он пожимает плечами: никогда не приходилось этого делать. Годы борьбы и конспирации...

— Я родился,— рассказывает Педро Медина Сильва,— в одной из деревень в долине Лойяно де Венесуэла. Детство прошло среди скромных людей. Их скромность я стараюсь сохранить в себе на всю жизнь — в каждом поступке, во всех помыслах. Потому что считаю: это качество необходимо настоящему революционеру. Если ты решил отдать себя на службу народу, то должен быть во всем сродни ему.

Педро Медина Сильва закуривает. Ему сорок, но голова наполовину седая, посеребрены и черные подстриженные усы. Черные живые глаза с веселым огоньком. Белозубая улыбка, добрая и доверчивая.

Когда Педро был десятилетним мальчиком, его мать с четырьмя детьми переехала в город, в столицу Каракас. Дети в семье работали с малых лет. Педро был разносчиком, чистильщиком сапог, грузчиком. Но, несмотря на нужду, мать считала, что дети должны учиться. Ее любимой поговоркой было: «Работать — чтобы есть, а учиться — чтобы расти».

Пятнадцати лет Педро удалось поступить в военно-морскую школу. Через пять лет он стал мичманом. Однако романтическая мечта юности обернулась тяжелой, постылой службой. На флоте в то время были жестокие порядки, множество диких пережитков. За малейшую провинность матросов избивали, наказывали самыми изуверскими способами. Как в России в аракчеевские времена, прогоняли сквозь строй, только вместо шпицрутенов били саблями плашмя. Считалось, что чем больше матрос во время службы нанесет ударов своим товарищам, тем больше это ему делает чести.

Вскоре по прибытии на военный корабль Педро назначили помощником дежурного офицера. Дежурный — старый служака — стоял на трапе и ждал со стеком в руках матросов, отпущенных на берег. За каждую минуту опоздания матрос получал удар по голове. Войдя в азарт, дежурный потерял счет и стал избивать матросов в кровь.

Педро не выдержал. Он вырвал у дежурного стек и выбросил за борт.

Это был первый арест молодого мичмана. Потом еще... Тогда он не знал, как нужно бороться с жестокими, позорными порядками в стране. Он только слышал, что армия, разбившая фашистов под Сталинградом, совсем иная армия. В той армии никого не избивают, но каждый солдат — герой и патриот.

Когда в октябре 1945 года Ромуло Бетанкур совершил переворот в стране, Педро Медина Сильва вместе с другими молодыми офицерами горячо поддержал его. Откуда он мог знать тогда, что «патриотический заговор» подготовлялся с согласия американских монополий?

На первых порах Бетанкур коечто сделал, чтобы отблагодарить молодых военных, поддержавших его путч, и создать некую видимость демократических реформ. Но, прочно усевшись в кресле президента, он постепенно стал опять восстанавливать прежние порядки, позволяющие американским монополиям грабить венесуэльский народ.

Молодые офицеры организовали «военно-революционную хунту» и попытались сбросить Бетанкура. Однако эта попытка из-за кастовой узости офицерства и из-за трусости руководителей потерпела поражение. Педро Медина Сильва, принимавший участие в заговоре, был изгнан из страны...

В 1947 году в Венесуэле проходили так называемые «первые демократические выборы». Правда, как потом выяснилось, исход их был известен заранее. За выборным президентом фактически стоял все тот же лакей Вашингтона Ромуло Бетанкур. В 1948 году произошла новая замена, министром обороны стал ставленник американских монополий — жестокий и коварный Перес Хименес.

На выборах 1952 года партия Переса Хименеса потерпела поражение, но диктатор попросту взял и не признал результатов выборов. Началась новая полоса массовых репрессий и преследований демократических организаций. Около половины патриотически настроенных офицеров было выслано из страны или брошено в тюрьмы. Среди высланных опять оказался и Педро Медина Сильва.

Все эти годы были для Сильвы и его коллег на флоте и в армии трудными годами начальной политической школы. На горьком опыте молодые офицеры стали понимать, как делаются «революции», кто и как передвигает марионеточных диктаторов в Венесуэле и в других странах латиноамериканского континента. Именно к этому времени наметились первые контакты патриотически настроенного офицерства с авангардом борющейся Венесуэлы — с ее компартией.

В декабре 1957 года диктатор Перес Хименес объявил о проведении плебисцита. Всеобщим всенародным голосованием должен был решиться вопрос всего лишь относительно целесообразности проведения президентских выборов. Этот момент венесуэльские патриоты использовали для того, чтобы поднять народ против диктатора.

1 января 1958 года вспыхнуло восстание в военной авиации. Самолеты бомбили правительственные учреждения в Каракасе. Отчаянное предприятие было плохо продумано, но все-таки оно дало толчок для массовых выступлений. Исстрадавшемуся народу было достаточно искры. 21 января в стране началась всеобщая забастовка. Диктатор Перес Хименес бежал из страны. Его приняли под свое крылышко американские покровители.

Во всех этих событиях Компартия Венесуэлы играла роль главного организатора народных масс. Но по тактическим соображениям она выступала в общих рядах «патриотического объединения», во главе которого стоял известный журналист Фабрисио Охеда.

— Сейчас он командует у нас в горах одним из партизанских районов,— говорит Педро Медина Сильва.— Хорошо командует.— Педро опять закуривает и добавляет задумчиво: — А это не просто — хорошо командовать...

Начиная рассказывать о себе, о своей личной жизни, Педро тут же непроизвольно переходил на венесуэльскую историю последних лет. Рассказывая о последних событиях в Венесуэле, он невольно то и дело касался своей личной жизни.

Через год, в начале 1959 года, американским монополиям вновь удалось посадить на президентское кресло Ромуло Бетанкура. Едва надев ленту президента, Бетанкур объявил беспощадную войну коммунистам и всем другим патриотическим организациям.

Народные митинги и демонстрации Бетанкур разгонял пулеметами. Он провозгласил для карателей два принципа: «Улица принадлежит полиции», «Стреляйте, потом разберемся».

Кровавые расправы над народом, повальные аресты лучших людей страны вынудили левые организации поднять знамя вооруженной борьбы. Люди, уходившие в горы от преследований, стали формировать партизанские отряды.

Несмотря на аресты, убийства и пытки, все шире становился фронт патриотов, все теснее становились контакты патриотических организаций. Коммунистическая партия проводила систематическую кропотливую работу, подготавливая широкое народное восстание.

Осуществлению этого плана во многом помешало преждевременное выступление морской базы Карупано. Хотя его участники сражались, как герои, они не смогли получить достаточную поддержку от других городов, которые к этому времени еще не были готовы к выступлению.

Через четыре недели после не-

Киевские послефестивальные дни...

Всесоюзный кинофестиваль, закончившийся в Киеве, был большим праздником искусства экрана. Художественные, документальные, научно-популярные фильмы входили в программу конкурса. «Ленин в Польше», «Никто не хотел умирать», «Сердце матери», «Председатель», «Решающий шаг», «Тени забытых предков», «Последний месяц осени», «Морозко», «Город мастеров» и другие создания советского кино — лучшие из лучших за последние два года — получили горячее одобрение зрителей, а затем и жюри, внимательно следивших за развитием темы, ростом образов героев, за актерской работой, режиссерскими и операторскими поисками...

Фестиваль стал праздником творческой дружбы не только советских союзных республик. Впервые прибыли на Всесоюзный кинофестиваль делегации из братских стран — Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии. Среди гостей были мастера кино Югославии, народной Монголии... Приподнятая атмосфера все эти дни царила в Киеве. Все радовались, когда в одном из кинотеатров перед демонстрацией фильма «Броненосец «Потемкин» выступили участники восстания на легендарном корабле...

Начатый в столице Украины разговор о великой вдохновляющей силе революционного искусства, о тради-

КАК ЖИЗНЬ!

Педро Медина Сильва.

Фото А. Бочинина.

удачного выступления в Карупано — 31 мая 1962 года — тайно собрались представители 25 военных частей. Было принято решение о начале вооруженного восстания, к которому, по расчету руководителей, присоединится весь народ. Застрельщиком восстания должна стать главная военно-морская база Венесуэлы Пуэрто-Кабельо, где в то время вторым заместителем командира был Педро Медина Сильва.

— Восстание было назначено на 5.00 второго июня,— говорит Педро Медина Сильва. Он в третий раз закуривает. И я вижу, как дрожат от волнения его пальцы.—Оно послужило бы сигналом для вооруженных выступлений по всей стране. Но среди офицеров нашелся предатель. Военное министерство смогло предпринять крутые контрмеры и тем самым нейтрализовало воинские части, которые должны были поддержать нас. Пути для отступления у нас не было. Мы начали. Да, мы дрались. В течение 74 часов вели неравный бой с правительственными войсками. Подобного кровопролития еще не было за всю историю Венесуэлы...

Нас было около тысячи, военных моряков. Оружием с наших складов мы вооружили еще несколько десятков жителей Пуэрто-Кабельо. А Бетанкур послал против нас 7 батальонов пехоты, роту парашютистов, бронетанковый батальон, артиллерийские части. С воздуха бомбили самолеты. С моря город обстреливали два военных судна. Приказ диктатора был коротким: «Ликвидировать!»

Три дня шло сражение. И за три дня мы не отступили ни на шаг. Плечом к плечу с нами дрались рабочие и рыбаки. Горожане чем могли помогали нам. В Пуэрто-Кабельо есть каналы, которые закрыты чугунными решетками. Горожане привязали к ним канаты, подняли решетки дыбом и преградили доступ танкам. Это была наша противотанковая оборона. Хуже было с противовоздушной...

Город бомбили без смысла и пощады. Больше всего жертв было среди мирного населения. Много убитых и искалеченных детей... Позднее стало известно, что летчики оказались американские. Да, все это очень напоминало Вьетнам...

Когда у нас кончились боеприпасы и нам уже нечем было отражать атаки, начались расправы. Если кто-нибудь выходил на улицу с поднятыми руками, то по нему каратели били из пулеметов. По тем, кто не хотел выходить и оставался дома, били прямой наводкой из орудий. Даже родильный дом получил семь орудийных пробоин!

Потом убитых вывезли на грузовиках за город. Закопали в общей яме. Над живыми тут же начали судилище — без защитников, без выступления подсудимых.

Нас, троих руководителей восстания, осудили на тридцать лет каторжной тюрьмы каждого. Оставили в живых только потому, что мы были объявлены заложниками: «Если в каком-нибудь из гарнизонов поднимется мятеж, главарей тут же к стенке!»

Первый командир нашей военной базы Мануэль Понте Родригес умер в тюрьме от сердечного приступа. Ему отказали в медицинской помощи. Фактически это было убийство.

Двух его заместителей, Виктора Уго Моралеса и меня, отправили в кандалах на остров Такаригуа, в каторжную тюрьму особого режима. Правительство Бетанкура затратило на ее оборудование 14 миллионов боливаров. Там томятся тысячи активных патриотов. Непригодный для жизни, кишащий насекомыми остров снабжен электронной системой сигнализации. Четыре ряда проволочных заграждений с током высокого напряжения, 142 сторожевых башни с прожекторами и пулеметами. Кругом зловонная вода...

И все-таки в декабре 1963 года Педро Медина Сильва с тремя товарищами бежал с острова Такаригуа!

Первые дни газеты, радио и телевидение наперебой отрицали факт побега. Они уверяли, что с этого адского острова не может улететь даже ястреб.

— Как?—спрашиваю я Педро.— Как вам это удалось?

Он весело и лукаво улыбается.

— Было задание Центра — бежать! Мы его выполнили. Только и всего. А как — пока рассказать не могу.

— Скажите, а кто приказал вам бежать? Вы сказали «задание Центра»?

— О, это пожалуйста. В августе 1962 года в Венесуэле образовался Фронт национального освобождения (FLN). Им руководят компартия и организация левого революционного движения. Позднее, в сентябре 1963 года, была создана «вооруженная рука» нашего Фронта (FALN). Это—боевое объединение всех партизанских групп, военных, принимавших участие в вооруженных выступлениях в Карупано и Пуэрто-Кабельо, ударных групп рабочих и студентов.

— Знает ли правительство о создании Фронта национального освобождения?

— Конечно. Оно обрушило на руководителей FLN ураган репрессий. Не остановилось даже перед нарушением конституции — бросило за решетку политических деятелей, которые были избраны депутатами парламента. Среди них были руководители коммунистической партии Хесус Фариа, Густаво Мачадо, Луис Ариэтта, Альберто Ловера и многие другие. Хесуса Фариа удалось вырвать из тюрьмы. Этому помогла сила международной солидарности. Он был на съезде вашей партии и передал горячее приветствие венесуэльских коммунистов. А другие еще томятся в тюрьмах и концлагерях на острове Такаригуа, в Качипо, Урико, Кабуре, Лос-Текесе и Каракасе. Более тысячи героев-коммунистов, среди них 9 членов политбюро ЦК. Многих из них подвергают страшным пыткам. Вы знаете, что недавно нашли в море труп Альберто Ловера. Чтобы его не опознали, палачи содрали у него кожу с лица и рук. Позвоночник, руки и ноги были перебиты ломом. В груди зияли четыре дыры от ударов кирки. Эта кирка была привязана к цепи, которой Альберто был опутан и так сброшен в море...

— Какие меры применяет правительство против партизанских отрядов?

— Вначале они нас игнорировали. Потом им пришлось признать, что в некоторых районах имеются «небольшие очаги». Тут же были намечены сроки для уничтожения «очагов». Тогда на первых порах у нас были жертвы: сказывалось отсутствие опыта. Но «очаги» не только не потухли, а разгорелись с новой силой. Тогда правительство начало широкую кампанию. Чтобы скомпрометировать нас перед народом, они называют нас «бандитами». Но народ знает, кто и зачем уходит сегодня в горы с оружием. Против нас посылают крупные соединения, численностью в 5—6 тысяч солдат. Это значит, что с нами уже считаются, как с серьезным противником. Об этом же можно судить по другим методам их борьбы. Теперь созданы постоянные армейские базы для борьбы с партизанами. Там находятся американские советники, которые рекомендуют то же, что во Вьетнаме. Они бомбят партизанские районы и близлежащие деревни, которые не внемлют призывам правительства — не выдают партизан даже за огромное вознаграждение.

— Скажите, Педро, вооруженная борьба в лесах — это ведь не единственная форма борьбы в Венесуэле?

— Разумеется, нет. Борьба в Венесуэле ведется в разных формах, не только вооруженная. Не меньшее значение имеет та борьба, та работа, которая ведется прогрессивными силами другими средствами. Эта наша общая борьба еще не получила должного размаха. Может быть, понадобится еще много времени, сил, риска. Но на нашей стороне поддержка всех народов мира. Особенно высоко мы ценим солидарность народов Советского Союза — лучшего друга тех, кто ведет борьбу за свободу и счастье. В Венесуэле сейчас вы повсюду услышите лозунг: «Сделать нашу родину свободной или умереть за Венесуэлу!» И мы победим, потому что нам необходимо победить. Наша победа нужна Венесуэле, как сама жизнь!

циях и современности, о связи экрана с жизнью народа не закончился и ныне. Сейчас, после закрытия фестиваля, он продолжен на многочисленных встречах, дискуссиях, обсуждениях. Живой обмен мыслями мастеров кино и зрителей, несомненно, даст новые плодотворные результаты.

Л. САПОЖНИКОВА

На снимке: Маленькая киевлянка подружилась с туркменскими киноактрисами, участницами фильма «Решающий шаг», О. Дурдыевой и О. Мамековой.

Фото Л. Слуцкого.

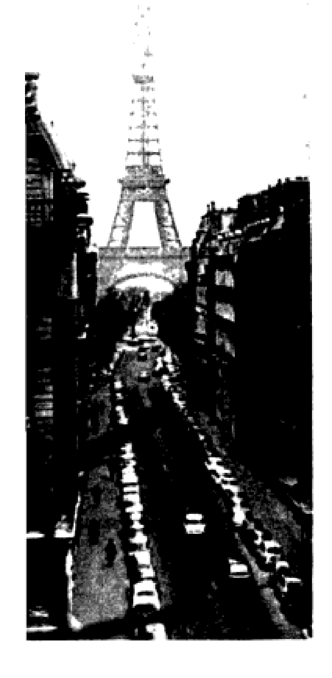
Друзьям с далекой заставы

Летом прошлого года пограничников навестили дорогие гости: делегация клуба юных собаководов из Московского городского Дворца пионеров. Ребята привезли в подарок собаку Дара, проведали своего бывшего питомца Пирата, обменялись с пограничниками сувенирами и, главное, адресами. А позже пограничники с ответным визитом приехали во Дворец пионеров. И уезжали они из Москвы не одни: Наташа Данилова и Ольга Тярасова подарили им служебных собак Инду и Арно.

Юные собаководы решили сделать своим друзьям еще один подарок. На встрече с пограничниками комсомольцы Петр Волков, Ольга Кукушкина и Антонида Кудрявцева передали пограничникам восточноевропейских овчарок. Рекс, Малыш и Альфа уже постигли азы боевой службы: они не боятся выстрелов, умело преодолевают препятствия. Всему этому их научили кружковцы. Обучение продолжат пограничники.

Л. ШЕРЕШЕВСКАЯ

Фото И. Гольберга.



Генрих

ГУРКОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Еще одна песня о Париже

Гостиница была крошечная, всего номеров тридцать, но название имела красивое и звучное — «Отель дю Рон-Пуан де Лоншан». Чтобы забраться на верхний этаж, нужно было протиснуться по узкой винтовой лестнице с несчетным числом ступеней. Зато в комнате можно было высунуться из окна и увидеть прямо рядом, в конце улицы, четкую и элегантную конструкцию Эйфеля, знакомую по фильмам, открыткам, фотографиям до какой-то нереальной, сверхъестественной фамильярности.

Париж, Париж, исхоженный тысячу раз вместе с героями читанных и перечитанных книг, город-загадка и город-откровение, слышавший столько объяснений в любви, сколько не доставалось на долю всем знаменитым красавицам любой эпохи, вместе взятым! Париж, восславленный великими поэтами и путешествующими графоманами, он здесь, это его крыши, его улицы, а люди, которые снуют внизу, носят высокий и гордый титул — парижане...

Я вышел на площадь Трокадеро и купил у шумной краснощекой торговки пакетик жареных каштанов. Приобщившись столь несложным, но совершенно убедительным способом к парижскому образу жизни (призываю в свидетели Франса и Мопассана, Хемингуэя и Ремарка), я подошел к щиту с планом Парижа возле входа в метро и начал размышлять о маршруте.

Если пойти влево, по авеню Клебер, то попадешь на площадь Звезды, на Этуаль. Изысканная геометрия, созданная сходящимися к Триумфальной арке двенадцатью авеню. От арки вниз можно пройти по Елисейским полям к площади Согласия или по авеню Фридланд выйти на бульвар Османа. Прямые и широкие магистрали Парижа, железная логика планировки города — это, как известно, работа префекта Османа. Сто лет назад он перестроил Париж — из путаного лабиринта узких улиц, из нагромождения домов, приводившего в ужас теоретиков архитектуры («Мешанина, в которой, кажется, хозяйничал только случай»,— писал один из них, мэтр Ложье),—из всего этого возник строгий и стройный центр Парижа. Справедливости ради следует отметить, что мсье префект заботился не столько о впечатлениях будущих туристов, сколько о другом. «Для того, чтобы вспороть брюхо старому Парижу, этому центру беспорядков и баррикад,— писал Осман,— надо провести большие улицы, прямые линии которых будут непригодны для обычной тактики местных восстаний...»

Свернем с бульвара Османа на рю Лафайет и выйдем по ней к площади, которая называется Пляс де Сталинград. Память о великой битве, память о великом братстве в годы войны. «Французы знают, что сделала для них Советская Россия, и знают, что именно Советская Россия сыграла главную роль в их освобождении»,— это слова генерала де Голля. Они были произнесены в 1944 году. И еще другие слова были сказаны тогда генералом: «Для Франции и России быть объединенными — значит быть сильными, быть разъединенными — значит находиться в опасности. Действительно, это — непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла».

На площади Трокадеро, откуда мы начинали путь, находится дворец Шайо — простое и несколько тяжеловатое здание с двумя дугообразными крыльями. В одном крыле — подземный театр, сцена его расположена под Сеной. В другом — музей Человека и мировой цивилизации. Еще несколько лет назад дворец был штаб-квартирой НАТО. В 1960-м для этой организации было построено в Булонском лесу огромное сооружение, напоминающее с воздуха букву «А». Не знаю, был ли таков замысел архитектора или все произошло случайно, но это «А» у многих журналистов и просто у зрителей ассоциируется со словом «атом» в самом его недобром и зловещем понимании.

В один из дней я ездил с корреспондентом «Известий» Львом Володиным смотреть парижские пригороды. Где-то между деревьями мелькнули флагштоки.

— Посмотри,— кивнул мне Володин.— Командование вооруженных сил НАТО в Европе. Последние месяцы здесь эти флаги.

Навстречу прошел, мягко покачиваясь на рессорах, американский «уличный крейсер» — огромная салатного цвета машина, в которой сидело несколько молодых парней в форме военной полиции США.

Две темы вот уже долгое время владеют умами парижан да и всех французов. Первая — заявление де Голля о выходе Франции из военной организации Североатлантического блока, вторая — предстоящая поездка президента в Советский Союз. Сколько споров, дискуссий, воспоминаний, предположений, догадок!

Известный юрист, историк, публицист Бернар Лавернь, почетный профессор Парижского университета, рассказал на страницах «Трибюн де насьон» об интересном случае. «В прошлом месяце,— писал он,— меня вызвали в министерство иностранных дел, где представитель Главного архивного управления при Совете Министров СССР вручил мне три большие коробки, содержащие 23 папки с различными статьями и письмами, которые немцы, оккупировавшие Париж, взяли в свое время в моей квартире и которые советские воины отобрали, когда они вошли в Германию. Большинство этих документов относится к периоду, когда было подписано печальной памяти Мюнхенское соглашение. Какие воспоминания навеяли эти документы почти тридцатилетней давности, какие драматические события произошли после этого рокового дня!» — восклицал маститый ученый.

Я купил в киоске свежий номер «Пари-матч». Там была опубликована беседа с двумя французскими генералами. Заголовок — «Окажемся ли мы после разрыва с НАТО в большей опасности, чем сегодня?»

— Говорили и писали, что после заявления генерала де Голля Франция лишилась американского ядерного щита. Верно ли это? — спрашивал корреспондент.

— Когда нам говорят, что мы теряем преимущества этой защиты, я отвечаю, что этой защиты не существует,— сказал один из участников беседы, генерал Галлуа.— Система электромагнитной обороны НАТО напоминает мне один из рисунков Сальвадора Дали, на котором изображена большая желтая пустыня, чистое голубое небо, а посередине — дверные косяки и закрытая дверь. Американская противовоздушная оборона — это та же закрытая дверь. Вполне достаточно места, чтобы пройти справа, слева или сверху...

Вместо сомнительных систем, разработанных в Вашингтоне или в А-образном здании в Булонском лесу, Франция многие годы ждала, Франция требовала подлинной безопасности. Такую безопасность — в этом сходится большинство французов — дадут стране дружественные отношения с Советским Союзом.

...Я ходил по Парижу с советскими пилотами Юрием Гарнаевым и Василием Колошенко, которые привели во Францию вертолет-гигант «МИ-6». Каждое утро они уезжают на аэродром Бурже: там проходят демонстрационные полеты советской машины, ее хотят приобрести французские фирмы. Аэродром Бурже, тот самый аэродром, который видел в 1945 году необыкновенную встречу — на истребителях «Як-3» в Париж прилетели французские и советские летчики из авиационного полка «Нормандия — Неман». «Помните, как мы шли после церемонии в аэропорт? — писал десять лет спустя французским друзьям бывший заместитель командира полка «Нормандия — Неман» кавалер ордена Почетного легиона С. Агавелян.— Вокруг нас было огромное море народа. Мы не шли, а плыли вместе с народом. Нас, советских авиаторов, было тридцать человек. Нас обнимали, целовали, горячие слезы омывали наши грязные от масла и бензина руки. Лились слезы матерей, чьи сыновья не вернулись назад, женщин, чьи родные погибли от вражеской руки. Всю дорогу до центра Парижа нас осыпали цветами и приветствовали восторженными возгласами...»

В годы войны Герой Советского Союза Юрий Гарнаев, тогда летчик-истребитель, по боевой команде поднимался в воздух вместе с французскими пилотами, их соединения стояли рядом. А сейчас мы шли с площади Сталинград к бульвару Капуцинов, и веселое парижское солнце играло золотой звездочкой, приколотой к лацкану его пиджака.

Молодая цыганка в замшевой кофте и пестрой юбке, этакая Эсмеральда шестидесятых годов двадцатого столетия, остановила нас и предложила погадать. Возле огромного универмага «Галлери Лафайет» сидел на тротуаре слепой музыкант и играл на аккордеоне арию герцога из «Риголетто». Сверкал в ослепительном небе изумрудный купол Гранд-Опера — там в подвале, в специальных герметически закрытых камерах, хранятся уникальные записи Карузо, Шаляпина, Собинова. Мир услышит эти записи лишь в 2007 году — таково условие. Проносились мимо автомобили. Вели свой нескончаемый разговор посетители уличных кафе. Помните, у Генриха Гейне: «Когда богу скучно, он открывает в небе окошко и глядит на парижские кафе»?

Мы шли по Парижу — городу сложному, неповторимо близкому, самому, быть может, близкому из всех «посторонних», не своих городов.

В магазинчике на рю де Риволи я купил новую пластинку. На пестром конверте — парень с гитарой. Энрико Массиас, один из популярных молодых шансонье.

Он поет: «Я приехал в Париж и бродил по нему, как потерянный ребенок. Но он раскрыл мне объятия...»

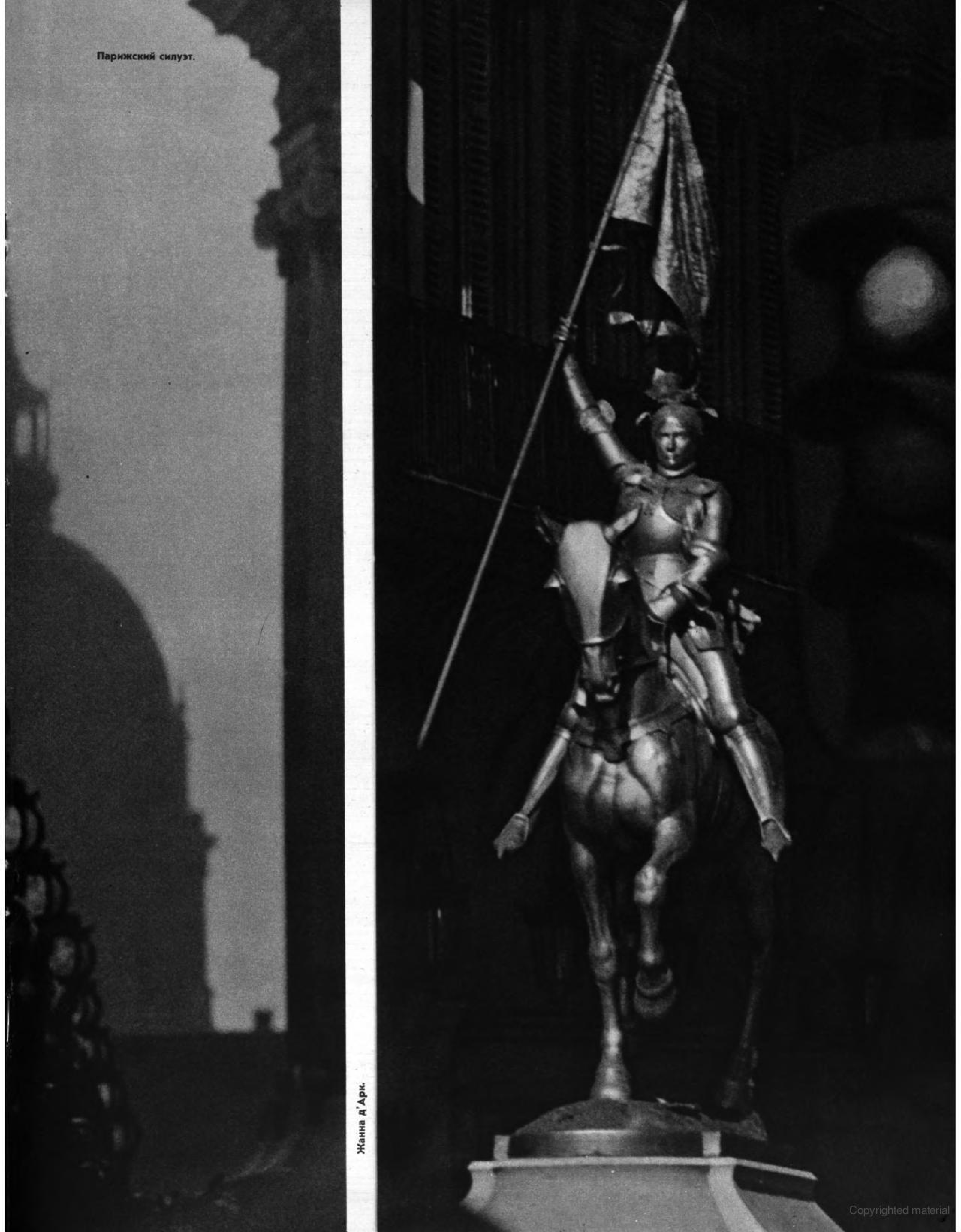
Еще одна песня о Париже. Такая, каких было много и будет много. Такая — и не такая. Разве похоже одно слово «люблю» на другое?

У каждого оно свое.

Париж.

Парижанка.

Возле кинотеатра.



Парижский силуэт.

Жанна д'Арк.

Франция трудовая.

ЭТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ

Полковник Мартин Дж. Кейси и сам не мог понять, почему его не оставляло ощущение смутной тревоги, когда он солнечным майским утром ехал на обычное воскресное дежурство в Пентагон. Предчувствия его не обманули: именно в этот день благодаря нескольким случайностям Кейси обнаружил серьезную опасность, нависшую над его страной... С этого момента и до самого конца не спадает острота и напряженность сюжета, разворачивающегося перед читателем.

Однако вовсе не своим захватывающим сюжетом интересна эта книга. Да и событий, описываемых в ней, в действительности не было, хотя бы потому, что действие происходит в мае 1974 года.

Их не было, тех событий, но они еще могут произойти. В убедительности, в реальной обоснованности этого предостережения и заключен секрет широкой популярности, которую завоевал среди читателей Америки и ряда других стран роман Флетчера Нибела и Чарльза Бейли «Семь дней в мае».

Рассказывая о военном заговоре против президента Джордана Лимена и его правительства, авторы книги говорят о последствиях, которые может повлечь за собой усиленная милитаризация Америки. Цель заговора — установить военно-фашистскую диктатуру и сорвать советско-американское соглашение о ядерном разоружении. За вымышленными ситуациями романа стоит вполне реальная современная политика американских «бешеных», активно сотрудничающих с реакционной военщиной США, а изображенные в романе персонажи удивительно напоминают многих сегодняшних политических и военных деятелей Америки.

Особенно выразителен образ сенатора Прентиса, одного из наиболее деятельных участников заговора. Истинная причина занимаемой Прентисом позиции очень проста: «Среди лиц, финансировавших его избрание, насчитывается много промышленников, выполняющих оборонные заказы».

Не менее колоритна фигура телевизионного комментатора Гарольда Макферсона, растленного демагога, принадлежащего к группам крайне правых экстремистов.

Несмотря на то, что в романе неоднократно подчеркивается якобы демократический характер государственного строя США, общая картина, рисуемая Ф. Нибелом и Ч. Бейли, говорит об обратном. Раскрыв и обезвредив заговор, президент Лимен сохранил в тайне от народа это событие, боясь подорвать престиж американской демократии в глазах общественного мнения. Что и говорить, не многого стоит демократия, которую нужно охранять подобным образом!

Актуальность темы, разоблачение нравов, царящих в так называемом «свободном мире», раскрытие подлинной угрозы, таящейся в агрессивной политике реакционных кругов США,— все это делает роман «Семь дней в мае» бесспорно интересным для советского читателя.

Н. ЦВЕТКОВА

Ф. Нибел, Ч. Бейли. Семь дней в мае. Роман. Перевод с английского П. Видуэцкого и А. Горского. Воениздат. Москва. 1966.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ФИНИШ

Вышла в свет первая книга стихов Игоря Волгина. Пожалуй, книга запоздала: стихи молодого поэта уже несколько лет известны читателям, они печатались в центральных газетах и журналах, в сборниках «День поэзии», звучали по радио и телевидению. Мне даже кажется, что книга Волгина не столько отражает сегодняшний уровень его поэтической работы, сколько подводит первый итог уже сделанному и в известной мере преодоленному. Что ж, этот, как говорят спортсмены, «промежуточный финиш» представляет несомненный интерес.

Надо сказать, что начало поэтического пути Волгина было одновременно очень легким и очень трудным. Печататься он начал рано. Печатают его охотно и довольно часто. Однако многие собратья по перу, да и критики как-то не принимают его всерьез. Это неприятие несколько раз получало совершенно недвусмысленное отражение в печати. Впрочем, тоже как бы не всерьез: то в форме мимолетных замечаний, а то и в форме пародий или шаржей.

Между тем Волгин, на мой взгляд, работает интересно и обещающе.

Он пишет в очень «современной» манере и вместе с тем не пренебрегает ни одной из форм «классического» стиха. Посмотрите, как надежно и точно служит Волгину аллитерация и как традиционный поэтический образ превращается у него в радостное открытие:

Сибирь — не нары
 и не нарты,
Не ларь с натужным
 серебром,—
Сибирь —
 напруженный на старте,
Рокочущий ракетодром.
О реактивный свист полета,
Как тройка, мчащейся Руси,
Когда ее саней полозья
Вдруг превращаются в
 шасси!

Во многих стихах отчетливо слышится пульс времени. И дело здесь не во внешних приметах современности, которыми богаты его стихи, дело не только в том, что поэт зорко вглядывается в окружающую жизнь, пишет о людях, посылающих ракеты в космос, строящих электростанцию на Ангаре, прокладывающих новые трассы по сибирской земле. Пульс времени — в самом строе мыслей поэта, в том, как он воспринимает и осмысливает любую тему — от вечных тем любви и природы до сложных раздумий над судьбами своего поколения.

Конечно, молодой поэт еще недостаточно знает жизнь, и это сужает его творческий диапазон. В некоторых его стихах еще чувствуются книжные влияния, подражание. И хотя у И. Волгина есть специальное стихотворение «Меня пугают подражательством...», в котором он с полемической заостренностью восстает против обвинений в подражательстве, утверждая, что ему все же шлет позывные «собственная радиостанция», неоспоримо, что во многих его стихах явственно слышатся интонации Маяковского, Блока, Есенина, Багрицкого. Иногда он грешит слабыми рифмами, а отдельные стихотворения мелковаты по теме.

Своей первой книгой И. Волгин сделал добрую заявку на будущее. Но поэту рано еще обольщаться. Впереди ждут серьезные испытания и открытия.

Юрий ИДАШКИН

Игорь Волгин. Волнение. Издательство «Молодая гвардия». 1965.

КОМНАТА СМЕХА

Искренне порадовался я появлению новой книжки юмористических рассказов «Любовь и экзамены» молодого писателя Владимира Разумневича.

Сборник миниатюр состоит из двух частей. Первая («Всеми любим») — юмористика, так сказать, взрослая. Вторая («И смех и слезы») носит подзаголовок «Из папашиного дневника» и повествует о своеобразном нраве маленькой девчушки по имени Наташа.

Лиричен и оригинален по композиции полуюмористический рассказ «Ожидание». Весел рассказ «Редакционная тайна». А вот в рассказе «Казимир Казимирович перестраивается» есть уже сатирическая злость, и она уместна, потому что автор бичует бюрократа, у которого за плечами изрядный стаж чиновничьей бездушной практики, усугубленной ограниченностью и тупостью. И уж совсем в новом юмористическом амплуа выступает перед нами писатель в рассказе «Сын космонавта», где все симпатии юмориста на стороне мальчугана, у которого нет отца, но есть большая Родина, и потому никто не посмеет его обидеть.

Творческой манере В. Разумневича присущ подлинный художественный такт и чувство меры. Наряду с этими хорошими качествами раскрывается еще одно — отличное знание детской души,— когда автор ведет нас в гости к маленькой Наташе, этой лукавой и боевой девочке. С большой любовью к детям и детству рассказывает автор о Наташке-обманщице, о Наташке-болтушке, выдающей маленькую мамину тайну, о ее готовности заставить папу скупить в «Детском мире» все игрушки, о первых ее разочарованиях и о том, как учится она читать.

Юмор В. Разумневича наводит читателя на серьезные педагогические раздумья, развеивает угрюмость иных взрослых, не понимающих, что детей надо не только учить, но кое-чему можно и у них поучиться.

А. ДАВЫДОВ

Владимир Разумневич. Любовь и экзамены. Издательство «Московский рабочий». 1965.

ОПРАВДАННОЕ ДОВЕРИЕ

Принято считать, что для поэта самое ответственное — дебют, первая книга. Но если имя поэта прочно полюбилось читателям, если стихов его ждут, то каждая новая книга становится испытанием не менее ответственным и обязывающим, чем первый поэтический рубеж.

Только что вышла в свет новая, пятая по счету книга стихов Майи Румянцевой. Удалось ли автору, известной советской поэтессе, сделать в своем творчестве какой-то шаг вперед, подняться на следующую ступеньку мастерства? Прежде чем ответить на этот вопрос, вспомним, что Майя Румянцева начинала свой поэтический путь стихами отчетливо выраженного гражданского звучания. Прямое, активное отстаивание своих общественных, нравственных, эстетических позиций, бескомпромиссная борьба против аполитичности, мещанства, косности, гимн труду и его людям — вот наиболее характерные особенности ранних стихов поэтессы, ее первых книг. Пожалуй, уже тогда явственно ощущалось и большое лирическое дарование автора. Однако оно как бы ожидало своего часа: вспыхнет ярким образом, прорвется трепетной напряженностью доверительного признания, удивит сокровенной глубиной неожиданной ассоциации — и спрячется до поры за резкими, размашистыми мазками, трибунным пафосом поэтического утверждения и отрицания. Потом на страницах периодической печати стали появляться неожиданные для многих любителей поэзии лирические стихи Майи Румянцевой. И эти стихи также нашли дорогу к читательским сердцам. Потому что в них с новой силой проявились важнейшие стороны таланта поэтессы: неподдельная искренность эмоций, большая человеческая глубина, нетерпимость к любой фальши, чуткость к тонким движениям человеческой души, постоянная готовность к защите светлого мира высоких чувств от посягательств всего низменного, грубого, ненастоящего.

Эти стихи и составили главное содержание новой книги поэтессы.

Но было бы ошибкой полагать, что книга, во всей полноте раскрывающая еще одну грань таланта автора, представляет собой какой-то, пусть временный, уход в камерность, в мир сугубо интимных переживаний. Для поэта, всеми корнями связанного с народом, его жизнью, его радостями и печалями, само личное чувство приобретает общественное звучание, а сугубо социальная тема воспринимается как нечто сокровенно-личное. Такие стихотворения, как «Чайка», «Прощальное», «Риголетто», «Медовый месяц», «В войну», «Клоун», «Протест», служат тому убедительными примерами.

Нельзя не сказать и о заметном росте профессионального мастерства автора. Несравненно богаче стал арсенал изобразительных средств поэтессы. Она чаще прежнего пользуется метафорами, свободнее владеет ритмом, смело идет на ритмические сбои, добиваясь порой значительного ударного эффекта, и вместе с тем заботливее относится к полной рифме, которой раньше часто пренебрегала. Поэтессе стала доступна такая емкость строки, такая афористичность, которые свидетельствуют о приходе настоящей поэтической зрелости.

Не под вальсом паркеты,
А под маршем — булыжник.

Так в двух строках сказано о гимназистке, ушедшей в революцию. А вот две строки из стихотворения «Протест»:

К нам до сих пор с расстрелов
 возвращаются,
Но только не живые, а
 гранитные...

Цитировать хочется не только это. Почти все стихи новой книги запоминаются с первого прочтения. И можно с радостью заключить, что «Доверие» Майи Румянцевой оправдало то высокое доверие, которое давно оказали читатели талантливой поэтессе.

Г. РУДЯКОВ

Майя Румянцева. Доверие. Центрально-Черноземное книжное издательство. Воронеж. 1966.

Ким БАКШИ   Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

космическая

Байконур. Космодром.

...Десять, девять, восемь, семь...

Старт! Поехали!

Огромная серебряная колонна, начиненная тысячами приборов и устройств, с космонавтами, запрятанными в остроглавой вершине, в клубах огня и дыма тяжело зависает над местом старта. Впереди чудовищная дрожь перегрузок, леденящие встречи с космическим холодом, пустотой, радиацией и, наконец, жаркие, обжигающие, оплавляющие объятия Земли.

Что за сила скрепляет металл, из которого сделана ракета?

Электросварка.

Казалось бы, что удивительного? Ну, сварка. Но ведь еще совсем недавно, уже после войны ученые сомневались в ее прочности, спорили: выдержит ли нагрузки цельносварной мост? Мост, а не космический корабль!

Но сварщик № 1 академик Евгений Оскарович Патон доказывал перспективность электросварки, говорил: «Мост еще нас с вами переживет. Да разве только мост?..»

В разгар этих споров на обложке «Огонька» была опубликована фотография: отец и два сына, славная династия Патонов.

С тех пор прошло шестнадцать лет.

ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ

Шестнадцать лет. Много это или мало? Как ни парадоксально, но мы ощущаем неодинаковую длину лет. Все дело в скорости развития, в быстроте движения. Чем выше эта скорость, чем больше событий вмещает время, тем медленней оно течет: день, загруженный до краев, кажется длинным, как год.

Нечто подобное происходит и в науке в периоды ее бурного, взрывного развития. Об этом я думал, бродя по бесконечным коридорам Института электросварки имени Е. О. Патона в поисках очередной лаборатории, которая в очередной раз должна была перевернуть мои привычные представления о том, что же такое электросварка. Я ходил и повторял про себя: каких только сварок не бывает на белом свете. Сварка ультразвуком. Есть и такая! Сварка лучом электронов. Сварка взрывом. Сварка лучом лазера. Плазменная сварка. Автовакуумная. Сварка токами радиочастоты. Я представляю себе стройку и человека, по-рыцарски надвинувшего шлем на лицо, смелой рукой зажигающего молнию,— сварщика, романтическую фигуру наших очерков, повестей, стихов.

На него в институте смотрят другими глазами: согбенный, закрывший лицо щитком-маской человек, вдыхающий вредные газы, одетый в тяжелую брезентовую робу, чтобы защититься от брызг, летящих во все стороны.

Две точки зрения. Две стороны одной медали.

Первая, лицевая, несет отблеск недавнего славного, но все-таки прошлого. Это традиционно-привычная сторона. Вторая, оборотная, трезво, реально отражает сегодняшний наш день, в котором сварщик-ручник уже наполовину вытеснен автоматами и полуавтоматами. Начало этому положил Евгений Оскарович Патон.

МОСТ ДЛИНОЙ В ЖИЗНЬ

Он был строг к сыновьям. Он вообще был строг. Его боялись в институте, знали: «Старик» сказал — все! Закон! Даже когда однажды он объявил выговор сотруднику по ошибке, он не отменил решения. Вызвал пострадавшего и, недовольный собой, сказал: «То вам на будущее. Авансом».

В январское утро 1950 года Евгений Оскарович Патон разрешил Николаю Федоровичу Козловскому сфотографировать себя и двух сыновей. Отвел на это дело ровно двадцать минут. Младший сын, Борис, хотел было увернуться от съемки: мол, времени нет (нема, мол, часу). Старик прикрикнул на него: «У меня есть время, а у тебя нет?»

В сущности, он был добрый, даже мягкий человек, заковавший себя чувством долга. Он рано увидел, как труден и длинен избранный им жизненный путь, и понял: только точность, четкость, последовательность, строгость к себе, требовательность к другим могут принести желаемый результат.

Некоторые его действия казались чудачеством. Он, например, ни за что не соглашался признать разумным, что молодому, неоперившемуся, ничем еще себя не проявившему специалисту дают зарплату такую, как и более опытному его коллеге. В то же время у него были столкновения с финансовыми органами: он выплачивал за отличную работу, за открытие, за новую идею суммы, не предусмотренные в штатных и иных расписаниях. Он очень сердился на ревизоров, заявил однажды членам высокой комиссии: «Весь Киев знает, что Патон денег зря не платит».

Он жил, как бы решая некую экономическую задачу: как при наименьших затратах получить наибольший выход продукции? Это касалось не только других, но и его самого. В последнем случае экономия была нужна ему не для того, чтобы сберечь собственные силы и когда-нибудь пожить для себя. Он, как стайер, раскладывал свои возможности на всю длинную дистанцию, чтобы на финише выложиться до конца.

Так, в сущности, и получилось. Главный сварщик страны, директор созданного им института, основатель большой научной школы, седоусый, седовласый, величественный, как патриарх, в последние годы он трудился над грандиозным сооружением — крупнейшим в Европе цельносварным мостом. Он работал с той молодой энергией, с которой он в далекие 90-е годы строил свои первые мосты для первых российских железных дорог. И, пожалуй, даже с той же молодой, нерасчетливой тратой собственных сил. Это был финиш, и Патон понимал это.

Мост открывали без него. Играли оркестры. Трепетала ленточка под ветром, символически сдерживая людской напор. И первые милиционеры на мосту улыбались первым нарушителям уличного движения, которые шли прямо посредине широкого, как проспект, моста.

Тогда-то и было сказано: «Мост Патона»— название, прикипевшее к сердцам киевлян крепче, чем к самому мосту бронзовая мемориальная доска, навеки приваренная по всем правилам искусства, разработанного Патоном.

И вот через шестнадцать лет мы снова в его кабинете.

Тот же широкий стол, та же обстановка. Те же двадцать минут. Как будто ничего не изменилось. Только некому прикрикнуть на сыновей, да и сыновья повзрослели. Владимир Евгеньевич —ведущий конструктор, руководитель большой группы. Борис Евгеньевич — директор отцовского института, академик, президент Академии наук Украинской ССР.

ЛАУРЕАТЫ И ВАСИЛЬКИ

Говорят, у старого Патона было непоколебимое правило: пока твоя диссертация не внедрена хотя бы на нескольких заводах, ни о какой защите речи быть не может.

Я вспомнил об этом на защите диссертации Владимира Фартушного, когда ученый секретарь института Всеволод Николаевич Бернадский зачитывал четырнадцать положительных отзывов предприятий и научных учреждений о работе диссертанта. Оказалось, что этот самый Володя Фартушный, похудевший, с трогательной родинкой на щеке, на первый взгляд совсем не боец, не только теоретически и лабораторно доказал перспективность для промышленности новой высоколегированной стали, но и добился внедрения ее на нескольких крупных заводах.

Я понимаю: это сложная проблема — институт и завод. И дело даже не в том, что кто-то что-то не хочет внедрять. Такие случаи бывают и, к сожалению, нередко, но это, как говорится, уже особая статья — критическая. Но ведь даже при доброй воле, проявленной с обеих сторон, дело внедрения порой задерживается на годы. Почему? Да потому, что между чертежами, разработанными в институте, или, скажем, химической реакцией, идущей в колбе, и промышленным конвейером или химическим гигантом действительно существует принципиальная разница. Эта стена выстроена самой природой, и преодолеть ее можно только в том случае, если есть большой опыт и глубокое понимание специфики дела, за которое берешься.

Когда через несколько дней после успешной защиты я встретился с Володей Фартушным, я понял: его сила еще и в умении пробивать свои новаторские идеи.

И это качество не редкость, это стиль института.

Институт берет на себя полную «обслугу» потребителей. Вам нужен сварочный аппарат новой конструкции? Сформулируйте его исходные данные, чтобы было ясно, что вы хотите. Все, больше ничего не надо! В специальном конструкторском бюро будут разработаны чертежи, создана модель. На специальном опытном заводе для вас изготовят опытную партию аппаратов. Специальные люди приедут и запустят эти аппараты. И еще научат, как ими пользоваться, снабдят инструкциями —это также входит в круг их обязанностей. Только тогда институт вздохнет с чувством выполненного долга: дело сделано.

Когда я спросил лауреата Ленинской премии Б. И. Медовара, что нужно, чтобы еще ускорить внедрение новой техники, он ответил: «Платить тем, кто ее создал. Быстро и без бюрократизма».

Возможно, путь патоновцев не единственный. Может быть, в ряде случаев будут полезнее фирмы, специализирующиеся на внедрении, а в других предприятию будет выгодно купить «идею на корню» и уже самому довести ее до металла. Сейчас ясно одно: работы Института электросварки оказывали и оказывают значительное влияние на развитие нашего народного хозяйства.

Один только пример — электрошлаковая сварка. За ее разработку группа авторов — и среди них Б. Е. Патон — в 1957 году была удостоена Ленинской премии.

Электрошлаковая сварка вызвала революционные изменения в машиностроении, турбостроении, ежегодно она экономит тысячи тонн металла, она дала возможность решать, казалось, невыполнимые задачи: построить паровую турбину мощностью 300

тысяч киловатт, возвести цельносварную домну.

Цельносварная домна. Современный сварщик не висит где-то на головокружительной высоте. Он стоит у пульта управления, а работают магнитошагающие автоматы. Они сшивают кожух домны. И это не фантастика, а трезвая реальность.

Если говорить еще о трезвой реальности, к ней надо отнести и плоские металлические трубы, надуваемые воздухом.

Чтобы разобраться в том, что это такое, нужно вспомнить о Ленинской премии 1958 года. Ее присудили доктору технических наук Г. В. Раевскому за очень остроумную идею, развитую им в индустриальный метод: строить нефтерезервуары из плоских полотнищ металла, свернутых в рулоны. И вот новое предложение Г. В. Раевского: наложить одна на другую две металлические ленты, сварить их по краям плотным швом и свернуть в рулон, как пожарный шланг. Плоские трубы в рулонах имеют длину до 300 метров. Преимущества ясны: компактность транспортировки, минимум сварочных работ в полевых условиях (на километр три стыка!), быстрота и простота прокладки — расстелил и надул. Так можно «надуть» водопроводы в колхозах и на фермах, нефте- и газопроводы и т. п.

Мы уже упоминали про Ленинские премии, полученные сотрудниками института в 1957 и 1958 годах. В 1963 году сразу две группы ученых были удостоены Ленинской премии, и вот совсем недавно, уже в 1966-м,— еще одна.

Тринадцать лауреатов в одном институте! Может быть, поэтому к своим, домашним лауреатам патоновцы относятся по-деловому, без пиетета. Утром 22 апреля, в день присуждения, собрали короткий митинг. Деловую обстановку нарушили девушки, они обняли и расцеловали «именинников». Таково было шутливое задание дирекции: создать у новых лауреатов, а заодно и у всех присутствующих моральный стимул для дальнейшей работы. Получив таким образом моральный стимул плюс четыре охапки тюльпанов, В. К. Лебедев, С. И. Кучук-Яценко, В. А. Сахарнов и С. А. Солодовников поехали в Дарницу, где работал их аппарат для сварки рельсов.

По дороге мне объяснили суть дела. Оказывается, стыки, где рельсы соединяются между собой, очень вредная штука, а знакомый нам всем перестук колес, о котором поется в лирических песнях, на самом деле означает, что рельсы выйдут из строя раньше времени и подвижной состав тоже... Такое уже бывало в моей жизни. Помню историю с васильками. Милые цветочки, а на самом деле, как оказалось, злой сорняк. И нужно не радоваться, а печалиться, когда в поле много васильков. Опять-таки все дело в точке зрения. Деловые люди говорят: перестук колес в пути — это вроде васильков в поле.

Машина с программным автоматическим управлением, которую создали лауреаты, превращает 700 метров полотна в один сплошной рельс и тем самым решительно кончает с перестуком. При этом на каждом километре экономится восемь тонн металла, который раньше шел на накладки, не говоря уже о сохранности рельсов и поездов, ликвидации тяжелого ручного труда дорожников, о многотысячной экономии средств. Бесстыковый рельсовый путь позволяет увеличить скорость поездов.

...В институт мы возвращались по насыпи. К горизонту уходили гладкие линии рельсов, тех самых, на которых не перестукивают колеса.

— Десять лет жизни,— задумчиво произнес Лебедев и стал ногой на рельс. Подошли другие.— Я говорю, утро какое!— громко, для всех сказал он.

Все оглянулись вокруг, вдохнули весенний воздух.

Было жарко. Лауреаты парились в своих черных, торжественных пиджаках, которые не успели переодеть. Яркое, слепящее утро с яркой молодой зеленью, с тугим ветром, резиново упирающимся в грудь, зовущий пересвист паровозов на маневровой горке — все это внезапно обрушилось на них.

— А ну, пошли! Пошли, товарищи!— Лебедев вдруг встал обеими ногами на рельс и зашагал по нему.

Шутку оценили мгновенно. Сохраняя подобающую серьезность, лауреаты двинулись вслед за Лебедевым по этому «в доску своему» рельсу: Сахарнов, чуть сутулый, в очках, чем-то неуловимо похожий на земского врача, типичный интеллигент старой закваски; Кучук-Яценко, молодой, черноволосый, порывистый; Солодовников, даже на рельсе сохраняющий значительность и осанку.

Я смотрел на них и думал о васильках, о стуке колес, о том, как хорошо, что вот люди захотели — и пошли по рельсу. Хотя с какой-то точки зрения это может показаться ненужным и даже вредным, если учесть инструкции, запрещающие хождение по путям.

Четыре лауреата на одном рельсе.

ПАТОНОВЦЫ

В мире существует уравнение Максвелла, формула Эйнштейна и в то же время тепловоз и ракета. Как отыскать связующие нити между сугубой теорией и сугубой практикой? Патоновцы все время завязывают эти нити, держась за них, они идут от практики к теории.

Когда Б. Е. Патона избрали президентом Академии наук Украинской ССР, он, в сущности, и в Академии продолжил ту же деятельность, что проводил в институте,— неустанно возводить мост между практикой и теорией. Математизация самых различных областей знания, введение точных количественных методов в общественные науки, комплексное решение важных проблем силами многих институтов — эти схемы Б. Е. Патон неоднократно моделировал в своем институте. Только роль НИИ играли отдельные лаборатории. При этом в Академии, как и в Институте сварки, он проявляет целеустремленность, последовательность, упорство. И еще нюх на новое, научную интуицию, очень важную при выборе направления исследований. Это также наследство Патона-отца.

Сложившийся ученый, знаменитый мостовик, пожилой уже человек, Е. О. Патон сумел переломить свою жизнь, изменить своим любимым мостам ради только что появившейся электросварки, в которой он увидел будущее.

На наших глазах нечто похожее происходит сегодня с его сыном. Б. Е. Патон все глубже интересуется проблемами специальной металлургии, той, что использует сварочные принципы. Он смело поддерживает Б. А. Мовчана, автора электроннолучевой плавки, хотя в институте идут разговоры, что, мол, мы беремся не за свое дело.

А сам Б. Е. Патон? Его глубоко интересуют проблемы космической сварки. Б. Е. Патон считает, что наша космическая техника развивается так бурно, что уже сегодня реально необходимы сварка и резка металлов в космосе, что недалек тот день, когда один из последователей космонавта Леонова начнет сварочные работы на орбитах космических станций. Здесь с успехом может быть применена электроннолучевая сварка, холодная сварка давлением, диффузионное соединение. Б. Е. Патон говорит: «Мы уже имеем представление о том, как ведет себя жидкий металл сварочной ванны в условиях невесомости».

Так буквально на глазах сварка ветвится, словно молния, захватывая все большие пространства. Вместе с новыми ветвями растут специалисты. Это прежде всего молодежь. Патон-отец говорил: «Каждое научное учреждение обязано творить людей. Грош цена тому научно-исследовательскому институту, который держится и живет одним лишь именем своего директора, одной лишь его научной репутацией».

Сегодня нет Патона-старшего, но эту традицию продолжают его сыновья. Кстати, о семейственности. Ее не боятся в Институте электросварки, считают: очень хорошо, когда сын идет по стопам отца. Значит, отец привил ему свою любовь к родному делу.

Сегодня во главе Института сварки стоит большая семья сыновей Патона. Это и его родные сыновья и их сверстники, однокашники — ученики «Старика», как его до сих пор называют в институте. Но рядом с ними уже поднялось следующее поколение, такие, как Б. А. Мовчан, 38-летний член-корреспондент Академии наук УССР. А их подпирают внуки Патона, такие, как Владимир Фартушный.

Это и есть патоновцы — славная династия ученых.

К ТЕЩЕ НА БЛИНЫ

Борис КУЛИКОВ

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Погода стояла скверная. Да и какая еще может быть погода в наших краях в середине марта, когда что ни день дождь и теплые ветры поедом едят рыхлый осевший снег... Дороги размякли, расползлись. Машина чуть за станицу — и буксует часами в податливой разморенной земле. Попробуй проехать до ближайшего хутора. Мука одна, да и только!

А мне обязательно надо было ехать. И не в ближайший от станции хутор, какой-нибудь там Колесников или Журавки, а в самый Глухов, аж за тридцать километров, через три балки и ерик Бешеный.

Когда я собирался сюда, в станицу, жена строго-настрого приказывала: будет малейшая возможность, поезжай в Глухов, к отцу, матери, к моим, значит, тестю и теще. Видал я их всего два раза: на свадьбе, да ездили мы с Марией летом прошлого года в хутор. Зимой, когда родился сын, дед и бабка никак не могли добраться к нам, в город: заносы были такие, что даже до станицы только тракторы и ходили.

Теперь там дед и бабка гадают: на кого внук похож, да какой он, да как растет, да как здоровье дочери? Все интересно деду и бабке, тем более, что это у них первый внук.

И мне надо было показаться в хуторе. Пусть родня посмотрит, и я их поближе узнаю.

Пришлось идти в редакцию. Я знал, что там хорошая машина, да стеснялся просить: шофер только вернулся из дальней поездки. Редактор выслушал меня и вздохнул.

— Не могу я ему приказать. Измучился он. К тому же воскресенье завтра.— Еще раз вздохнул, посмотрел в окно, под которым возле машины стоял шофер, молодой чернявый парень.

— Давай вместе его попросим, но смотри: если не привезешь очерка, не возвращайся назад.

Шофер выслушал меня, выслушал редактора, с ожесточением вытер паклей перемазанные руки.

— Бензина нету,— но, глянув на меня, запнулся.— Ладно, где-нибудь заправлюсь. Приходите сюда пораньше.— И ушел опять к машине.

...На другой день я проснулся ни свет ни заря в надежде, авось, ночью подморозило и, пока отпустит, сумеем проскочить до самого хутора. Но хозяйка, маленькая беззубая старуха, тетка моей тещи, прошамкала:

— Жря вшкошил. Ишо боле ражвежло ночью. Тяплынь.

И правда. За ночь дороги совсем почернели. К Дону резво бежали бурые тугие ручьи. Небо было чистое и ясное. На востоке уже потухала заря, и хотя для меня погода была хуже некуда, но что-то радостное слышалось в гомоне ручьев, что-то сиротливое и болезненное в тающих грязно-белых снегах...

Шофер хмуро поздоровался, не спеша заправил машину, залил масла. Куда спешить-то? Хуже, чем есть, сегодня не будет.

Выехали только часов в семь. Около магазина шофер остановился что-то купить, к машине подбежал запыхавшийся Семен Дмитриевич, брат моего тестя. Сунул корявую ладонь. Сказал, вытирая пот:

— Прослыхал, ты в хутор едешь? Возьмешь?— Деловито оглядел мой портфель, авоську с гостинцами.— А водки везешь? В хуторе водки нету.

Мучения наши начались сразу же за станцией. Машина прочно села дифером в колее. Пришлось повозиться. И лопатой упражнялись и под «раз-два» работали. Благо машина легкая. Столкнули. Потом буксовали на подъемах, сидели в яме под хутором Степным, долго не могли разминуться с встречным грузовиком в балке. Однако мучились меньше, чем ожидали: добрая машина и хороший шофер знали свое дело.

Озимь уже отходила. Желтые, померзшие стебельки отмирали, весело курчавились новые, зеленые. А солнце было хорошее, большое, спокойное. Грело оно неторопливо, но уверенно, поднимаясь все выше и выше по безоблачному небосклону.

Говорили о всяком. О дороге, будь она неладна, о погоде, о том, что скоро настоящая весна, а это, считай, первый день, потому что по старому стилю сегодня только первое марта, что весна нынче будет дружная, а это как раз плохо: затопит озимые в низинах, кукурузу придется сеять аж когда терн отцветет.

Через Бешеный ерик переправились благополучно. Вода еще не могла сорвать временный мосток, но уже бурлила и кипела желтой пеной, подмывала и рушила глиняные берега.

Дальше ехали кленовым лесом. В лесу тихо, светло. Клены нагие, только редко-редко желтеют прошлогодние семена, да старые листья, свернутые трубочкой, кое-где держатся. Снег в лесу глубокий, чистый. Он уже осел, засахарился, но еще долго будет лежать здесь, в низине...

Под самым хутором нагнали двух мужчин в старых ватниках с мешками. Мужчины, как мне показалось, испуганно шарахнулись с дороги и отступили в лес.

— Останови!— крикнул Семен Дмитриевич шоферу.

Пояснил мне.

— Это Сергей, муж сестры, и Федот Косой с рыбалки идут. Кличь, нехай скорее, подвезем.

Я помахал рыбакам, но они шли не спеша, настороженно поглядывая на меня, а подошли, вовсе смутились, услыхав мое шутливое: «Как фамилии, браконьеры?»

— Да какие же мы браконьеры?..— начал оправдываться Федот, моргая единственным глазом.

— Ладно уж, садитесь, герои,— подал голос Семен Дмитриевич.

Мужчины сразу посветлели, засуетились, протискиваясь в машину.

— А мы думали, ачуры[1]. Я говорю Федоту, давай тикать в терны, пока не поздно.— И ко мне:— Рыба в озере все одно гибнет. Воздуху нема. Вот мы сетки и ставим.

— А если был бы воздух?

Казаки похмыкали, поерзали, потом Сергей признался:

— Ставили бы. Чего там! Рыбы-то хочется.

Сергей на моей свадьбе не был. Теперь я рассматривал этого высокого, горбоносого мужчину с обветренным, землистым лицом. Он был черноглаз и немножко лукав, но в его лукавинке чувствовалась больше крестьянская хитринка, чем хитрость. Сергею было лет сорок — сорок пять, отчество я так и не узнал, потому что все его называли просто Сережей, а мне спросить было как-то неудобно.

Федот постарше. Лет пятидесяти. В плечах пошире, а ростом, как Сергей, здоровенный. У Федота нет правого глаза и кисти правой руки — на фронте потерял. Большой синий глаз Федота глядит настороженно. Мешок с рыбой Федот все время прижимает культей к бедру, держа здоровой рукой за гузырь. Не дал поглядеть Семену Дмитриевичу, что в мешке, сказал неохотно: «Такие же судаки, как и у Сережи».

Сергей расспросил меня, кто я и зачем еду в хутор, одобрительно выслушал, протянул руку.

— Вот и познакомились. К теще, значит, на блины? Правильно. Маслена ведь!

На окраине хутора молчаливый Федот слез и ушел, озираясь. Сергей сошел возле доброго, каменного, с новой шиферной крышей дома, приказав, чтобы кто-нибудь прибежал к нему за свежей рыбой. Пусть теща уху для гостя сварит.

Дом моего тестя виден издалека. Стоит он на пригорке, да еще на высоком каменном фундаменте, крашен желтой глиной, ее берут неподалеку от хутора в карьере, и держится глина лучше всякой краски, а ставни тоже крашены глиной, только белой. В широком дворе старенький, но крепкий еще сарай для коровы, курятник подслеповатый каменный да печка-горнушка с высоченной трубой, которая оканчивается ведерком без дна. Сада нет. Плохо растут деревья на каменистой почве, а картошка получается отменной, если не полениться осенью побольше навоза землице дать.

Камня в хуторе много. И плохо это и хорошо. Плохо из-за того, что копни землю на метр, а там, глядишь, пласт песчаника. Иногда пласты выходят наружу. Ночью пашешь, не доглядел — и нету лемеха, зато домов каменных много, даже заборы вроде крепостных стен — из камня. И у тестя моего каменный невысокий забор.

Въехали во двор и остановились прямо под окном. Всполошенно мелькнула занавеска, и тотчас же на крыльцо выбежал сам Иван Дмитриевич — здоровенный, краснолицый, в синей шелковой рубахе. Теряя галоши, кинулся ко мне, обнял так, что хрустнули мои кости.

— А Маня где, внук?

Я объяснил. Он как-то увял на мгновение, но тут же радостно забубнил:

— Ну, не зря матери все собаки да кровь снились, я же говорил — к родне.

Хороший дом у тестя. И в доме не пусто. Шифоньер, приемник, столы добрые, а на кроватях кружевные накидки и подушек гора. Вокруг зеркал льняные рушники. За краешек одного зеркала в прихожей заткнут пучок сушеных трав — чабреца, полынка, подорожника. В зале за столом гости—старик и старуха незнакомые. На меня смотрят с любопытством, шепчутся. Старика зовут Максим Петрович, он дальний родственник моей тещи; Катерина Алексеевна — его жена. Старик еще крепок. Гладко выбритое лицо румяно, сам он небольшого роста, не сухонький, да и не кряжистый; Катерина Алексеевна выглядит постарше. Седая вся, морщинистая...

А вот и теща. Вошла она с надвори в фуфайке, пахнущая коровой и сеном.

— А я стою на базу, слышу, машина гудит. Думаю: может, Петро Каргин приехал? А это вот кто. Насилушку дождалась тебя.

Быстро переоделась и в зал уже вошла нарядная, улыбающаяся. Теща моя приземистая, плотная, широкоскулая, с монгольскими глазами и чуть приплюснутым носом. А в ее глазах зеленоватых всегда какая-то смешинка и теплота.

Пока собирали на стол, беспрерывно расспрашивая о внуке, дочери, в дом набились гости. Одни прослышали, что я приехал, другие просто потому, что сегодня последний день масленицы, и хоть не празднуют ее теперь, как раньше, все же не грех посидеть за хорошим столом, поесть жирных блинов, выпить добрую чарку да песни старинные поиграть...

Стол уже ломился от холодцов, жаркого и пирогов, а теща все носила, ставила на стол кисель, хворост, маринованные огурчики, капусту, пока тесть не прикрикнул:

— Да будя тебе, мать! Чи хочешь перед зятьком похвалиться?

— Не думали мы, не готовились,— оправдывалась она, подсовывая мне куски получше.

Тесть захмелел чуть-чуть и, откинувшись на стуле, довольно оглядев стол, хлопнул меня ладонью по колену.

— Так вот и живем, сынок. Ничего живем, а? Попить-поесть и одеться-обуться имеется? И все свое, с огорода да с база. Другой раз приедешь, лучше встретим. Теперь закон насчет скота правильный вышел, и колхоз на ногах крепче стоит.

И тут Максим Петрович завел старинную песню. Петр стал ему подпевать, не зная ни слов, ни мотива, и так портил песню, что тесть не вытерпел:

— Перестань. Воешь, как старый кобель на месяц.

Каргин взъерошился и полез доказывать, что поет правильно.

Уже говорили, не слушая друг друга. Тесть просил брата свалять валенки внуку на ту зиму, а Семен Дмитриевич толковал ему про какие-то моторы, шестеренки. Сережа, захлебываясь от нетерпения высказаться, расхваливал рыбалку. И все рубил ребром ладони по вытянутой руке: во какие в озере судаки и сазаны!

Шофер сидел за столом, ел мало и все на часы да на меня поглядывал. По всему дому плыл запах масла и поджаренного теста. Теща жарила на кухне блины. Максим Петрович подсел ко мне и забубнил о том, как он воевал у красных, а потом у белых и очутился в Турции, откуда вернулся голый-босый в двадцать четвертом году. Настаивал: «Про мою жизнь книгу можно написать. Во какую!»

— Слыхал я, ты песнями антересуешься,— наседал дед,— я тебе такие песни сыграю, каких нигде не услышишь.

Максим Петрович кашлянул, чуть запрокинул голову и высоким, чистым голосом запел:

Ты подуй, подуй,
Ветер низовой.
Нагони тучу,
Тучу грозную.

Мой тесть, будто припоминая, нащупывая мотив, подхватил:

Тучу грозную,
Не порожнюю.

И еще несколько голосов стройно поддержали:

Не порожнюю,
С буйным ветром,
С большим громом,
С сильным дождем.

Максим Петрович, удивленный, видимо, что все почти знают эту песню, умолк, а теща, возникшая в дверях, взмахнула над головой рукою.

Ты пойди, дожжик,
На мой зелен садок,
У моего садка
Стоит яблонька,—

закручинились женские голоса.

У нее суха маковка,—

пожаловались мужские.

— Цытьте!— прервал Максим Петрович. Ему стало неловко, что ли, передо мной. Обещал песню такую, что никто не знает. Пригорюнился, подперся рукой.

Зимушка-зима, зима лютая,
Зима лютая
Да все холодная.

И опять мой тесть, нащупывая мотив забытой, давно не петой песни, стал вторить:

Ей, прошу я тебя,
Да не сморозь меня.

Вспомнили и другие:

Да я прошу тебя,
Не сморозь меня.

Старик махнул рукою и завел:

Да я с похода иду
Да коника веду.

Мощно и грустно вступили казаки:

Да я с похода иду,
Коника веду,
Ей да коника веду
Да сбруюшку несу.

Песни заставили всех приосаниться, задуматься. Даже Каргин сидел тихий, не мешал. Когда кончили, помолчали с минуту, повздыхали.

— Блины-то у меня, блины,— встрепенулась теща. Убежала, из горницы в залу тек запах подгоревшего теста.

Гости задвигали стульями, зазвенели рюмками. Все как-то отрезвели, а тесть уже наливал. Но Максим Петрович еще хотел петь. Он долго морщил лоб, отказался досадливо от предложенной рюмки, спросил что-то шепотом у своей жены, та ему ответила так же тихо, и до меня донеслось: «Про Туретчину, что с кумом пели».

— Вот, послухай!— обрадовался старик, откашлялся и, обведя собравшихся взглядом, начал:

[1] Инспектор рыбнадзора.

Гульба у нас да веселая,
Да все гости да милые,
Только нам не весело
Да й чужая сторона.
На чужой-то сторонушке
Надо умеючи жить,
Буйну головушку
Бодрее носить.

Песня была такая грустная, такая прекрасная, что все как-то оцепенели. Мужчины бросили курить, сбились у двери. А старик пел и плакал. Слезы, крупные, ясные, катились по щекам.

Кончил петь, отвернулся и сказал глуховато:

— Это мы с кумом в Турции пели. Кум там и помер... С голоду помер кум...

Тесть вздохнул, поднялся со стаканом:

— Ну, что прожили, о чем тужили, все быльем порастает. Давайте за нонешнюю жизнь выпьем, чтобы она еще лучше была.

Иван Дмитриевич поднялся над столом, большой, хмурый, и говорил, ни к кому не обращаясь:

— Вот у нас председатель новый теперь. Сын мне по годам, а когда задумаюсь, не пойму, кто же из нас старше. Он все повернул тут кверху дном. Да и время теперь другое. Бывало, людей на работу не выгонишь, нынче сами бегут.

Кто-то перебил тестя похвалой новому председателю, кто-то припомнил, как поначалу к нему, молодому, отнеслись недоверчиво. Пришла теща, тоже вмешалась в разговор:

— Только вот колхоз-то, считай, на одних бабах держится. Мужиков раз-два — и обчелся. Кой-кто уж таперича побег за длинными рублями в станицу да в город,— и на Семена Дмитриевича покосилась, а свояк пригнулся как-то и в пол глядеть стал.— Молодежь тоже в город норовит. А в колхозе кто же работать будет, когда мы, старые да вдовы, помрем?

— Химия работать будет! — насмешливо крикнул Каргин.

— Химия?—переспросил тесть.— Химия, она без человека — пшик. И механизмы тожить пшик без нас. Мертвый капитал. Люди нужны, и не просто люди, а с головой. Не такие обормоты, как ты, Петро...

...Я вышел в коридор покурить. Вышел и Максим Петрович. Теща все выглядывала, беспокоилась: не простудись, гляди, на сквозняке, шел бы в хату курить или уж оделся бы потеплее.

Старик глубоко затянулся, стал рассказывать:

— Ивана-то, тестя твоего, в тюрьму сажали. Ты не знаешь? Сажали в сорок седьмом. Был он председателем нашего колхоза, по той причине, что единственный здоровый мужик, комбайнер к тому же, на весь колхоз после войны остался. Ну, в голодовку сам, небось, знаешь, что творилось. Когда летом бабы в поле совсем не показывались, взял Иван да и роздал часть семенного фонда, чтобы ели. Ему десятку и припаяли. А мы всем колхозом написали письмо в Москву: так, мол, и так, ослобоните, а нет, так и нас всех в тюрьму. Ослобонили. Председателем его больше не предлагали, а бригадирствовал неплохо. Потом комбайнером работал, а сейчас вот на ферме. Хороший он мужик, твой тесть.

...Мы вернулись в комнату. Здесь уже уговорили Сережу принести свою литровку, припасенную им для какого-то другого случая. Опять пели песни, вспоминали, как гуляли раньше на масленицу, как на тройках катались да какие были бои кулачные.

В это время под окном рядом с нашим «бобиком» остановился еще один «ГАЗ-69», и в комнату вошел крепкий парень в дождевике и резиновых сапогах. Все привстали, засуетились, а парень, извинившись, отвел тестя в сторонку.

— Кундрюков заболел. Выдь за него сегодня на ферму, Иван Дмитриевич, подежурь.

Тесть согласно кивнул: мол, выйду — и стал приглашать:

— Сядьте с нами, Андрей Кузьмич, покушайте. Может, стаканчик выпьете?

А теща — с тарелкой блинов:

— Блинцов наших.

— Стаканчик не выпью, завтра с утра в район ехать. А блинов отведаю, на то масленица.

Парень ловко сбросил дождевик и, прицеливаясь ко мне, незнакомому, сел рядом.

Теща убрала со стола закуски, бутылки, смахнула скатерку и, сияя, внесла пышущие солнцем блины. Поставила сметану в блюдцах, налила в неглубокие чашечки нардек—арбузный мед. Все дружно налегли. Не отставал и председатель: свертывал трубочкой масляни-стый круг, макал в сметану и отправлял в рот.

Потом он сказал теще:

— Спасибо, Марфа Васильевна, чудо, а не блины.— Стрельнул в мою сторону:— Чего же вы меня с гостем не знакомите?

— Ой, забыли совсем!— всплеснула руками теща.— Извиняйте. Это наш зять.— И назвала меня.

Пожали друг другу руки. Мне показалось, что он жмет мою руку с вызовом: покрепче силится, но и я не сплошал. Председатель поморщился.

— Силища у тебя. На тракторе не работал?

— Приходилось.

В карих глазах Андрея вспыхнули огоньки.

— А чего же теперь не работаешь?— Я смолчал, а тесть стал объяснять, что так, мол, и так, но председатель, казалось, потерял ко мне всякий интерес. Он стал рассказывать о новой оплате, которая будет теперь в колхозе. Все слушали внимательно, переспрашивали, а тесть все толкал меня локтем под бок: видал, видал?.. Но особенно старательно слушали Семен Дмитриевич и Сережа.

— Значит, получил больше урожая, на́ тебе больше?— допытывался Семен Дмитриевич.

— Точно. Вот на собрании вместе и подумаем.

— А если кто это, как его... на работу не часто выходит?— выдавил Сережа.

Председатель глянул на него и сказал жестко:

— Выпроваживать из колхоза будем...

Все загудели. Тесть прошептал мне:

— Видал? Выпроваживать. А раньше сами не знали, как убечь...

Заговорили о механизации ферм. Тесть наседал на председателя, требуя какие-то трубы, тот объяснял, что их нету в «Сельхозтех-

ХВОСТ ДЬЯВОЛА

Б. СОПЕЛЬНЯК,

А. НЕДЯЛКОВ

Гравюра Ю. Иванова.

ЭТА ИСТОРИЯ, УЧАСТНИКАМИ КОТОРОЙ БЫЛИ И АВТОРЫ, ПРОИЗОШЛА СОВСЕМ НЕДАВНО. ИЗМЕНЕНЫ ЛИШЬ ИМЕНА И ФАМИЛИИ ГЕРОЕВ.

Очень хотелось пить. В пересохшем рту тяжело ворочался шершавый язык. До ближнего родника — два часа ходьбы. Да и то неизвестно, сохранился ли он. Можно, правда, вернуться к Таш-Кудуку, но это значит потерять весь день. Нет, только вперед и вверх. Туда, где в глухих ущельях сохранились нетронутые очаги гюрзы.

Андрей шел по стиснутому скалами саю[1]. Даже в тени — градусов сорок пять. Воздух сыпался в легкие раскаленным песком и царапал гортань.

А у пояса болталась фляга. В ней целое состояние — полный стакан воды.

«Глоток, всего один глоток»,— билась мысль. Но аварийный запас воды трогать нельзя. Ведь если родник пересох, тогда у Андрея останется только этот стакан жидкости, теплой и красноватой от марганцовки.

И вдруг за поворотом — пятнышко свежей зелени. Крошечный родничок! Тоненькая струйка просочилась сквозь трещину, пробежала по камню и спрыгнула вниз, выбив ямку.

Чуть ниже к гранитной стене прилип большой куст шиповника. Куст как куст. Немало таких осмотрел Андрей. Зубчатые листья, чуть тронутые желтизной яркие красные ягоды и колючие ветки.

[1] Сай — ущелье.

нике» и что компрессоров нету, но где-то ему пообещали...

Шофер давно перестал намекать мне, что пора, мол, ехать, уже прямо говорил: поехали, а то я сам поеду. Теща носилась по комнатам, лазила в погреб и на чердак, готовила какие-то сумки, свертки, кульки...

Я шепнул Семену Дмитриевичу, чтобы собирался, но он отмахнулся и все слушал председателя.

Но как раз в это время председатель поднялся.

— Куда же вы, Андрей Кузьмич? Посидите еще.

— Да я ж на минутку к вам...

Он поискал меня взглядом: «Пойдем покурим»... Затянулся, пустил струйку дыма:

— И ты, значит, в город удрал?

— Почему это удрал? Окончил университет и в газете работаю.

— А в твоей станице, что, газеты нету?

Я промолчал. Он затягивался жадно, глубоко и все смотрел на меня.

— Поехал я в свой институт ребят к себе вербовать. Нужен мне главный зоотехник да агроном хороший. Приехал, рассказал им что к чему, оплату хорошую посулил, квартиры. Жмутся. Как услышат, что в хуторе Глухове жить, так и жмутся. Один спрашивает: «У вас-то хоть клуб порядочный есть, девчата есть?» Девчат, говорю, сколько хочешь, женихов только нету, а клуб, извини, хуже сарая. Но, говорю, будем строить новый, хороший. Хмыкнул этот парень и ушел.

— Так никто и не согласился ехать?

— Нет, почему же, согласились. Только упрашивать пришлось долго. Да я ведь и сам не знаю, с охотой бы поехал сюда, если бы не родился здесь, в этих краях, не вырос. Ты видишь, как тут. Клуба нет — это плохо, а вот что в магазинах не купишь рубашку или там костюм хороший — это как? А фильмы какие нам дают? Старые-престарые, затертые до того, что и слов не разберешь.

Выглянул было тесть, но, поняв, видно, что разговор серьезный, плотно затворил дверь. Андрей продолжал:

— Ты церковь здешнюю видел? Из камня белого. В таком хуторе и такая церковь... А Дом культуры — тот же храм, а храм должен быть торжественным, зовущим.— Андрей вздохнул, помолчал и прищурился.— Но мы построим, мы построим такой, чтобы хоть не храмом был, но чтоб светлым, чистым, уютным выглядел. Поеду я в город, найду хорошего архитектора и скажу: помоги, брат, колхозу. Сотвори такой проект ДК, чтобы взглянуть было любо и чтобы стоил дешево. Ведь не откажут?

Он вздохнул, потянулся, взял меня за плечи.

— Переезжай к нам, а? Механизаторы нам вот как нужны. Дом тебе хороший сделаем. А писать будешь и здесь, если не можешь без этого... Поживешь, колхоз поднять поможешь, материалом запасешься и дуй опять в город. Только не уедешь ведь, приживешься. Люди у нас хорошие, места чудные. А хутор переименуем. Богатеем ведь, богатеем. Колхозникам права вернули. Сами хозяева — сами планировать будем, сами и продавать.

Шофер еще раз напомнил, что пора; теща все носила в машину сумки, свертки...

Я попрощался с Андреем, с тестем, тещей, поклонился гостям.

Уже когда садились в машину, Семен Дмитриевич, задумчивый какой-то, встрепенулся, крикнул нетерпеливому шоферу: «Погоди часок» — и кинулся к председателю. Отвел его в сторонку и, ковыряя валенком в глубоких литых галошах грязный снег, стал что-то говорить. Андрей выслушал его, улыбнулся, пожал руку.

В машину Семен Дмитриевич вскочил сияющий, крикнул: «Поехали! Тронулись!»

Вслед неслось: «Счастливо. Внука поцелуй! Машу. Приезжайте!»

...Миновали завалюху-клуб, выехали за хутор. Семен Дмитриевич молчал и все улыбался, потирая свои корявые, крепкие руки. Молчал и я, тоже иногда улыбаясь чему-то. Молча крутил баранку сосредоточенный шофер.

Молча на небе, но звонко и быстро на земле теплое солнце делало свое нужное дело...

«Пошарю потом,— решил Андрей.— Сперва пить». Он лег на грудь, прильнув губами к воде, и... Только познавший настоящую жажду может понять, какое наслаждение испытывал Андрей. Но его не покидало странное чувство: казалось, кто-то за ним подсматривает. Не отрываясь от воды, Андрей скосил глаза и тут же увидел гюрзу. Она лежала в глубине куста. Тупая жабья башка... Мерцающие холодной злобой глаза... Вздутое узлом брюхо выставлено на солнце...

«Все ясно. Кого-то сожрала,— подумал Андрей.— Что ж, сытую брать легче... Хороша зверина. Явно больше метра. Эх, жаль, хваталки нет! Ну, да ладно, я тебя, милая, крючком... Вот так!»

— Э, да куда же ты?—закричал Андрей.— Стой, тебе говорят!

Крючок прижал удиравшую змею к камню. Она резко изогнулась и схватила железо.

— Умница. Только держи подольше!

Андрей просунул руку между ветками и крепко взял змею у основания головы.

— Так! Теперь будем вынимать... Осторожно, толстушка, не уколись! Тут кругом колючки!

Но гюрза не сдавалась. Длинное тугое тело напряглось и рванулось в сторону. Вверх! Вниз! Потные пальцы скользнули по шее, и змея мгновенно вцепилась в рукав. По ткани расплылось мокрое желтоватое пятно.

— Ну и дуреха же ты! Только яд зря теряешь... Все равно я хитрее...

Андрей чуть ослабил натяжение и тут же рванул змею вниз. Острая боль пронзила кисть!

«Не заметил вторую?—мелькнула страшная мысль.— Потревожил — и она ударила...»

Машинально Андрей разжал пальцы и отдернул руку. Не родился еще человек, который смог бы безнаказанно отнять руку от рассвирепевшей гюрзы. Она бьет зубами со скоростью пули и только потом удирает. Так случилось и сейчас. Два здоровенных саблевидных зуба вонзились в запястье. Пасть сомкнулась мертвой хваткой. Андрей вскрикнул, отскочил в сторону. На руке висела большая гюрза. Даже укушенный, Андрей не мог допустить, чтобы она ушла. Он быстро поймал змею и посадил ее в мешок.

— Так... Теперь займемся рукой... Надо спустить отравленную кровь...

Острый нож глубоко рассек тело чуть выше места укуса. Хлынула и тут же свернулась черная, как деготь, кровь.

— Скверно... Значит, яд уже впитался...

Андрей отбросил нож и зубами вгрызся в руку. Боль была адская. Но он заставлял себя стискивать зубы сильнее и сильнее. Андрей рвал неподатливое живое тело до тех пор, пока не почувствовал, как ровной широкой струей потекла кровь.

— Теперь — в лагерь. Быстрее! — приказал себе Андрей.— Ребята помогут. Останусь здесь — умру.

Больше часа шел Андрей вниз к Таш-Кудуку. Уже в пути стало тошнить. Это означало, что он основательно отравлен.

В палатке пусто. Олег и Виктор еще не вернулись. Андрей сел у палатки. Больная рука горела. Голова кружилась. Какие-то красные круги плыли перед зрачками. Они дробились, удалялись, потом снова соединялись, пытаясь втиснуться в глазницы. Андрей попытался приподнять руку. Распухший, бесформенный обрубок не повиновался. Сильная судорога сотрясла тело, и Андрея вырвало кровью...

«Вот и все,— словно во сне, подумал Андрей.—Как просто и глупо...»

Кровь снова хлынула изо рта, и Андрей потерял сознание.

*

Олег еще издалека заметил лежащего Андрея и окликнул его. Тот молчал. Олег подбежал и, увидев покрытую чернильными пятнами багровую руку, сразу понял, в чем дело. Он схватил Андрея в охапку и потащил к палатке.

— Что случилось?! — крикнул издалека Виктор.

— Витька, скорее сюда! Андрея гюрза укусила.

Виктор внимательно осмотрел Андрея.

— Да-а-а... Общее отравление.

— Укол бы ему сделать,—вздохнул Олег.— Сыворотка может помочь.

— А где ее взять, эту сыворотку?— зло бросил Виктор.— Просили ведь у Сомова... Сам же Андрюха ходил к нему. А теперь вот... Подожди,— вдруг встрепенулся он.— Я сегодня Лешку видел. Из первой бригады. У него сыворотка наверняка есть! Вот что. Ты сиди здесь, а я побегу. Лешка у Кизил-Булака. Вернусь часа через два!

— Куда ты? — закричал вслед Олег.— Темнеет. Не найдешь ты ночью Кизил-Булака!

— Найду! — уже со скалы ответил Виктор.— Нужно найти! Иначе Андрею конец!..

*

Алексей ложился спать. Он поставил полог, расправил спальный мешок и, лежа на спине, блаженно потянулся всем телом. Целый день он был на ногах. Целый день карабкался по скалам, спускался в глубокие ущелья. Километров сорок пришлось отмахать — не меньше. Ведь самое сложное — не поймать змею, а найти ее. Ноги к вечеру деревенеют, а тело, кажется, скрипит от усталости.

Алексей вздохнул всей грудью и закрыл глаза. Мягкая, теплая дрема взяла его в уютные ладони и начала раскачивать из стороны в сторону. Чей-то слабый голос звал:

— Эге-гей! Лешка-а-а-а! Отзови-и-ись!

Алексей стряхнул дрему и при-

слушался. Кто-то спускался по тропе и кричал:

— Лешка-а-а! Лешка-а-а!

Алексей вылез из полога и замигал фонариком в сторону голоса. В ответ тоже сверкнул огонек, и скоро перед Алексеем вырос запыхавшийся Виктор.

— Чего бродишь?— недовольно буркнул Алексей.— Заблудился?..

— Сыворотка есть? — вместо ответа выдохнул Виктор.

— Две ампулы. А что?

— Андрюшку зацепила... Лежит без сознания.

— Где?

— У Таш-Кудука. С ним Олег.

— Сколько ввели сыворотки?

— Нет у нас сыворотки... За ней и пришел...

Алексей нырнул в полог, взял рюкзак и побежал к тропе.

— Старайся не отставать! — крикнул он на ходу.— Здесь иногда барсы бродят.

Говорят, что нет дружбы крепче той, что скреплена кровью. Дружба змееловов скреплена ядом. И все же можно смело сказать, что нет братства преданнее и сильнее, чем у людей, которые ежеминутно держат в руках «хвост дьявола», у людей, которые встречаются со смертью десятки раз на дню. И где бы ни оказался охотник за змеями — в горах, песках, болотах или безводных степях,— он, ни секунды не раздумывая, побежит, полезет, поползет на помощь товарищу. Поэтому не обращай внимания на то, что дорога вьется у самого края пропасти, что перед тобой только полуметровый обрезок тропы, выхваченный фонариком, что ноги прирастают к камням, а легкие вот-вот разорвутся...

Часа через полтора Алексей и Виктор вышли к обрывам Таш-Кудука. Одного взгляда на Андрея было достаточно, чтобы понять его состояние.

Алексей ввел ему обе ампулы сыворотки.

— Надо бы еще,— словно извиняясь, сказал он,—но у меня больше нет.

— Худо дело, ребята. Что же делать, а? — тихо спросил Олег.

— Вот что,— решительно встал Алексей.— Понесем его в совхоз. Там есть больница. По тропе дойдем часа за четыре.

Поднялся Виктор.

— Надо сделать носилки. Пойдем, Олег, срубим несколько веток с тала. Захвати фонарик, посветишь. В темноте можно на гюрзу нарваться.

*

Веревка носилок, кажется, вот-вот перережет шею и плечи. Ноги спотыкаются о каждый крошечный камешек. Идущий впереди освещает дорогу неровным, прыгающим лучом фонарика. А кругом такая кромешная тьма, какая бывает только в горах. В пути уже второй час. Устали неимоверно, но об отдыхе никто не думает.

Наконец Алексей не выдержал, хрипло бросил:

— Передохнем... А то сами свалимся.

Вышли на широкий взлобок и остановились. Далеко внизу—россыпь огней.

— Это совхоз,— сказал Алексей.— Еще часа полтора.

— Смотри левее,— перебил Олег,— там тоже огни. И они ближе.

— Лешка, это же геологи!— вскочил Виктор.— До них километра два, не больше. Я видел у них вертолет!

— Это в Сангизар-Сае,— раздумчиво ответил Алексей.— Туда нужно идти прямиком. Тропы я не знаю.

— Зато гораздо ближе совхоза... И вертолет... Через два часа Андрюшка будет в Самарканде!—настаивал Виктор.— Сворачиваем! Пройдем как-нибудь!

— Свернуть-то можно,— согласился Алексей.— Только идти придется напролом. Прямо через Сай-Кучкарчи. А крутизна там, братцы!.. Да и заросли...

Сай-Кучкарчи... Никогда не забыть спуск по этому узкому каменному желобу, заросшему колючим кустарником. Он спадает к подножию хребта гигантскими ступенями. Здесь и днем не каждый рискнет пройти. Через заросли приходится буквально продираться, а местами даже проползать под колючими ветками. А если учесть, что гюрз в Сай-Кучкарчи великое множество и сидят они в основном на кустах,— нарваться на змею проще простого. Поэтому Алексей сказал:

— Олег, срежь-ка хорошую ветку и похлещи по кустам...

Едва Олег ударил по ближайшему кусту, как раздалось несколько звучных шлепков.

— Попрыгали... Можно идти...

Олег ринулся вперед. Он лез напролом, расчищая путь для носилок. Он рубил колючие толстые ветки ножом, ломал их руками, топтал, раздвигал грудью... Вскоре лицо, шея и руки покрылись кровью... Но Олег упорно прокладывал тоннель для товарищей. Им было не легче. Где-то впереди метался пятачок света от фонарика, а под ногами — фиолетовая темень. Того и гляди оступишься, и тогда не удержат никакие кусты. Даже сквозь треск иногда слышались мягкие шлепки: потревоженные гюрзы кидались с веток. Все трое старались не думать, что какая-нибудь затаилась у камня... Наступишь на нее нечаянно... А сыворотки-то больше нет...

Через час показались огни геологического лагеря.

*

У приемника — вся партия. Из динамика несется рев стадиона и слабый голос диктора:

— Ничего не поделаешь, гол есть гол. Греческие футболисты отыграли один мяч. Нашим ребятам приходится начинать с центра... Счет...

Громкий лай заглушил диктора.

— Проклятие! Уймите эту окаянную собаку! — раздалось несколько голосов.

Из палатки выскочили двое и побежали на лай. Собака яростно рычала и бросалась на какой-то темный предмет. Сбегали за фонарем. Позвали товарищей... На земле сидел окровавленный человек и пытался что-то сказать, показывая рукой в темноту.

— Дайте воды!—сказал начальник партии.

— Там...—оторвавшись от кружки, выдавил незнакомец.— У Сай-Кучкарчи... Несут Андрея... Помогите...

Четверо тут же ринулись в темноту. Начальник партии сразу же узнал Алексея.

— Лешка!.. Что случилось?..

— Гюрза...— сказал Алексей.— Сыворотка нужна. Срочно.

— Нет у нас сыворотки,— запнулся начальник.—Что другое— пожалуйста.

— Посылай в совхоз... Быстрее... Или... или дай вертолет. В Самарканд отправим Андрюшку.

— Где Горин? — крикнул начальник.

— Здесь я.

— Заводи своего мотыля!

— Что вы, Александр Петрович! Я же никогда не летал... То есть ночью не летал... Разобьемся. Как пить дать разобьемся. И потом, в горах запрещено...

— Умрет он,— перебил Виктор.— Понимаешь, умрет...

— Я что... Я пожалуйста,— смутился летчик.— Только ведь разобьемся. Все разобьемся.

И тут Алексей почувствовал такую нечеловеческую усталость, так ему стало все безразлично, что он махнул рукой, сел у костра и начал дремать.

«Вот и все. Приехали,— медленно плыло в голове.— Не видать тебе больше, парень, ни гор, ни неба. Не будешь вышагивать по сорок километров в день в поисках змей... Отдыхай себе. Спи. Уснут и те, кто ждет лекарств из яда... Тысячам людей гюрза несет жизнь, и только одному змеелову — смерть. Эхе-хе. Не летит, проклятая жестянка. Хотя летчик прав. Гробанемся. В горах это просто...»

А человек умирал. Умирал на глазах у десятка здоровых парней, бессильных чем-нибудь помочь. Геологи хлопотали около Андрея: один предлагал спирт, другой тащил чай, третий... Все это делалось в тревожной и какой-то вяжущей тишине.

— Радио...—забормотал Олег.— Телефон... Братцы, неотложку вызовите!

— Бредит,— сокрушенно сказал начальник.

— Ничего он не бредит! — закричал Алексей.— Молодец, Олег! Где у тебя рация, начальник?

Через минуту в эфир неслось:

— Всем, кто слышит! Всем, кто слышит! В ущелье Сангизар, в лагере геологической партии, лежит человек, укушенный гюрзой. Он умирает. Нужна сыворотка! Нужна сыворотка! Нужна сыворотка!

Александр Петрович и не подозревал, что вышел в эфир в то время, когда радиостанции всего мира молчат. Это были те самые минуты абсолютной тишины, когда передавать можно только сигналы бедствия.

Первым отозвался радиолюбитель из Ленинграда. Он спросил, как называется сыворотка, и помчался в медицинский институт. Потом отозвалась Москва, Челябинск, Свердловск, Караганда... Десятки незнакомых людей, несмотря на глубокую ночь, бросились в больницы и аптеки за сывороткой.

Наконец ответил Самарканд.

— Сообщите состояние больного! — требовали оттуда.

— Общее отравление. Пострадавший без сознания.

— Есть ли поблизости посадочная площадка?

— В совхозе. Пять километров от лагеря.

— Ждите самолет,— сказал Самарканд.— Он сбросит контейнер с сывороткой. Для ориентировки разложите костры треугольником. Получение сыворотки подтвердите. Как поняли? Прием...

— Вас понял. Жду самолет.

Треугольник из костров врезался в темноту. Все молчали и слушали... слушали... слушали... Вернулись посланные в совхоз. Сыворотки в медпункте не оказалось. Теперь единственная надежда на самолет.

— Леша, как же так случилось, что ты оказался без сыворотки?— тихо спросил начальник партии.

— У него-то была,— вмешался Виктор.— Это мы...

— А вы что, лягушек ехали ловить? — сердито спросил Алексей.— Кто отправил вас без сыворотки?..

— Сомов,— хмуро ответил Олег.— Мы у него просили, а он сказал, что уже всю роздал... Нужно было ждать несколько дней, пока получит. А ты сам знаешь, что такое ждать в охотничий сезон: пропустишь погоду — и все, змеи ушли...

— Летит! Летит! — закричали от костров.

Огни самолета вынырнули из-за темной громады хребта. Самолет низко пронесся над лагерем и сбросил контейнер прямо в центр треугольника.

— Александр Петрович, Самарканд зовет!— крикнул радист.

— Геолог! Геолог! У микрофона — врач-токсиколог! — говорил Самарканд.—Какая помощь оказана пострадавшему?

Все облегченно вздохнули — врач есть врач. Теперь Андрея лечили по всем правилам медицины. Потом Самарканд потребовал, чтобы Андрея доставили к посадочной площадке.

На рассвете, когда Андрея принесли на импровизированный аэродром, самолет уже кружил над совхозом. На земле еще держалась предрассветная мгла, но самолет был хорошо виден. Он кружил и кружил, ожидая, когда можно будет сесть.

Андрей открыл глаза, когда его перекладывали на подвесные носилки.

— Ну как, Андрюха? — спросил Виктор.

— Ни-че-го...— протянул Андрей.— Куда меня?

— В Самарканд. Молодчина, держись так и дальше! А гюрза тебя поцеловала приличная.

— Две,— прошептал Андрей.— Одну я взял. А вторая ушла...

— Как две?— встревожился Виктор.

Андрей сказал, как тащил гюрзу из куста и вспугнул соседку.

А Виктор лихорадочно соображал: «Значит, в месте второго укуса есть яд... Если его не удалить — Андрей погибнет наверняка!»

— Дай-ка осмотрю руку!

Хоть Андрей и выгрыз место укуса, следы змеиных зубов были заметны. Но сколько Виктор ни искал, второй раны не было видно.

— Ниже... На кисти,— прошептал Андрей.

И вдруг Виктор увидел... колючку. Обыкновенную колючку, которыми утыкан шиповник. Колючка торчала из раны. Виктор потрогал ее кончик.

Андрей застонал.

— Здесь.

Виктор облегченно вздохнул и улыбнулся.

— Потерпи немного... Вот так... На, держи на память! Хорош зубок, а?.. Ты же просто наткнулся на колючку...

Летчик крикнул: «От винта!» И самолет взмыл в небо.

Клод Моне. 1840—1926. ПОЛЕ МАКОВ.

Государственный Эрмитаж.

Альфред Сислей.
1839—1899.
ДЕРЕВНЯ НА БЕРЕГУ
СЕНЫ.

Государственный
Эрмитаж.

Винцент ван-Гог. 1853—1890. ПОРТРЕТ ДОКТОРА РЕЯ.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Борис БУРКОВ

НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ

Разные заметки приходится писать журналисту: такова жизнь. Но подобные заметки внове. Оказано высокое доверие — выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Хорошо знаешь, что это доверие нужно еще оправдать. Сознаешь, что оно заслужено не столько тобой, сколько благородством самой журналистской профессии, трудом тысяч твоих коллег, любовью народа к работникам печати.

Черниговщина — древний край Родины. Известно, что здесь в начале нашей эры возникли славянские поселения. Чернигов связан с Киевской Русью. «Слово о полку Игореве» воспело времена походов черниговских и северских князей... История Чернигова — это история нашей страны. Татаро-монгольское нашествие разрушило город. В XVII веке его сожгли шляхетские войска. Спустя три с лишним века фашистские оккупанты вновь уничтожили Чернигов.

...Майская зелень самая сочная и яркая. Отцветают каштаны, сирень. Белой кипенью покрыты акации. Могучие кроны лип и не скрывают прохожих от палящих лучей солнца.

Бульвары, парки, сады. Новые дома, чистые улицы, асфальтированные дороги, и реставрированный Спасо-Преображенский собор XI века, и современное здание завода синтетического волокна. На древнем валу, где еще сохранились старинные пушки,— разнообразные аттракционы, спортивные площадки, читальни, кинотеатры. Таков центр современной Черниговщины, области, где в наши дни выращивают хлеб, лен, коноплю, разводят скот, добывают нефть, выпускают изделия химии, машиностроения.

...До Новгорода-Северского, тоже древнего города, 175 километров. Путь приятный. Дорога в сплошных аллеях. Кончаются аллеи, бежит лес. За аллеями до дальних горизонтов просторы полей. Высокая рожь уже колосится. Удивительно ярка зелень льна. Но там, где по вспаханному полю идут сеялки или бороны, поднимаются плотные клубы пыли. Немало пыли на проселочных дорогах. Песок.

— Как нам нужен сейчас дождь,— говорит богатырского сложения человек, секретарь Новгород-Северского райкома партии Григорий Евменович Озява. О дожде говорят повсюду.

На высоком холме на берегу Десны — монастырь-крепость XII века. В годы фашистской оккупации здесь погибли многие тысячи военнопленных. У стен ряды могил в свежих цветах. В центре районного парка братская могила. Памятник погибшим воинам. И опять цветы, цветы.

— Девятого мая,—рассказывает Григорий Евменович,— по всем селениям прошли митинги в честь Победы, в память наших славных воинов. Народ хранит память о навсегда ушедших.

Еще в обкоме его секретари Николай Михайлович Борисенко и Александр Ильич Дериколенко, знакомя с перспективами в новой пятилетке, то и дело возвращались к вечно живой здесь теме — об истинном патриотизме местных жителей, об их партизанском героизме в годы Великой Отечественной войны. Черниговская земля горела под ногами захватчиков, мир поражался смелостью, отвагой и мужеством ее законных хозяев.

Пять районов входят в Сосницкий избирательный округ по выборам в Совет Союза Верховного Совета СССР. В каждом из них множество памятных мест, связанных с ратными подвигами советских людей в военные годы, и немало живых примеров трудовой доблести наших дней.

Село Дегтяревка. Колхоз «Жовтень». У правления—памятник воинам, отдавшим жизнь в борьбе с фашистами. На площади, напротив строительства новой средней школы,—обелиск в честь 280 местных колхозников, погибших на фронтах Отечественной войны. Председатель колхоза Василий Трофимович Воробей, секретарь партийной организации Николай Терентьевич Приходько, председатель сельсовета Прасковья Васильевна Воробей и доверенное лицо — директор средней школы Юрий Николаевич Дедко показывают хозяйство артели, клуб, детские ясли, столовую, комбинат бытового обслуживания...

Показывая на пыльную дорогу и на стены воздвигаемой школы, Василий Трофимович останавливается.

— Нужна дорога с хорошим покрытием. Деньги у нас есть, строители тоже. Пусть помогут нам в строительных материалах для дороги и школы. Колхоз наш, как видите, богатый. Народ живет хорошо. Настроение боевое, особенно после партийного съезда. Но поддержка очень нужна.

В Новгороде-Северском превосходный парк, спускающийся к Десне. Сегодня здесь особенно многолюдно и празднично. Общий людской поток к кинотеатру — на собрание избирателей.

Выступают рабочие, колхозники, учителя, партийные работники. Говорят о решениях XXIII съезда КПСС, о делах своих районов. Связывают выборы с решением близких каждому жизненных задач.

Собрание закончилось, но оно продолжается в фойе театра и под сомкнувшимися кронами парка.

— Во время войны была разобрана наша железная дорога,— говорит один из собеседников.—Без этой дороги теперь трудновато.

— А обещали восстановить,— включается в разговор задорная колхозница.— Говорят, что и сам товарищ Бещев обещал...

В Менском районе есть Макошинский завод металлических изделий Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Оборудование да и само помещение старые. Рабочие думают, что было бы правильно реконструкцию завода включить уже в нынешний пятилетний план области. Об этом вели речь на собрании избирателей в городе Сосница.

Василий Сергеевич Пилипченко из колхоза «Перемога Жовтня» рассказывает о делах и планах своего хозяйства, о росте его культуры, о том, как меняются к лучшему люди.

— Наши колхозники,— говорит Василий Сергеевич,— будут голосовать за партию, за претворение в жизнь ее программы, за свое еще более светлое будущее.

Кандидат исторических наук, первый секретарь Сосницкого райкома партии Иван Филиппович Третьяк докладывает избирателям, что нового в жизнь района вносит выполнение решений XXIII съезда партии. Иван Филиппович — опытный партийный работник, взыскательный и внимательный человек.

Когда он говорил задушевно и горячо, невольно думалось: вот какими замечательными людьми сильна наша партия. Это относится и к тем, кого мы видели в других районах. Коммунисты умело возглавляют районные организации, предприятия, колхозы, школы. Коммунист Иван Петрович Руска возглавляет избирательную комиссию Сосницкого избирательного округа № 570. Дел у него немало. Он постоянно среди людей. Его хорошо все знают.

Сосница — родина Довженко. В этих местах многое связано с его именем. Рощи, леса, луга Десны в самом деле чаруют душу. (Не поэтому ли здесь снимался фильм «Зачарованная Десна»?) Народ этих мест, как и всего края, любит песню, народные танцы, любит шутки.

Каждый раз после собрания перед избирателями показывала свое искусство местная художественная самодеятельность. Мы слушали хор работников больницы города Щорса, фабрики технической бумаги в городе Корюковке, смотрели, как пляшут пионеры Сосницы, учащиеся техникума. Это доставляло большое, настоящее наслаждение. Можно смело сказать о высокой культуре исполнения. По-человечески приятно видеть на сцене пожилого врача и совсем молодого секретаря райкома комсомола, агронома и техника, учительницу и школьника.

В городе Щорсе мы начали с того, с чего, видимо, начинают все, кто впервые прибывает в этот город: внимательно ознакомились с домиком, где родился Николай Александрович Щорс, и с музеем его имени.

Легендарный полководец погиб, когда ему было всего 24 года. А как богата его жизнь подвигами! На этой яркой, преданной народу жизни сейчас воспитывают молодежь.

Жизнерадостный, общительный первый секретарь Щорсовского райкома Михаил Трофимович Лукашов, открывая собрание избирателей, напомнил о революционных традициях района, носящего имя замечательного героя-большевика.

На собрании выступали железнодорожники. В городе большое депо, но с переходом транспорта на тепловозную тягу кончается век этого депо. Это, естественно, беспокоит районное руководство, самих рабочих.

— Хорошо бы,— сказал железнодорожник Назавецкий,— уже сейчас подумать о профиле нового предприятия, которое потребуется в будущем.

Когда на трибуну поднялась совсем юная избирательница, ученица Рая Недзвецкая, в зале стало както светлее, еще праздничнее. Ей долго аплодировали, каждый думал: хороша у нас молодежь! Такие же чувства переживали собравшиеся в Сосницах, когда выступала студентка сельскохозяйственного техникума Надя Калинка. Нельзя без волнения слушать такие выступления. Наверное, потому, что молодость всегда схожа с весной, а весна всегда радует.

Мы уже упоминали о фабрике технической бумаги в Корюковке; очень понравилась фабричная художественная самодеятельность. Неплох у них клуб, неплохи и производственные показатели. Об этом с гордостью говорили рабочие фабрики на собрании избирателей. Но они говорили и о другом: когда-то существовал Корюковский район, потом его ликвидировали. Оправдало ли это себя? С точки зрения жителей Корюковки — нет. Нельзя ли подумать о восстановлении района? Вот вопрос избирателей.

За несколько дней мы познакомились с людьми пяти районов. Узнали их планы и пожелания, успехи и промахи, радости и горести.

Даже только по активности на избирательных собраниях можно видеть, как тысячи и тысячи людей проявляют заботу об укреплении Советской власти, об ее авторитете, о торжествующем сейчас в нашей стране курсе на доверие к человеку.

Когда мы вернулись в Чернигов, было обидно за рабочего-нефтяника из Прилук. Он рассказывал, казалось бы, о житейских пустяках, но это был разговор о доверии к людям.

— Вы, предположим, живете в черниговской гостинице «Украина» три дня и заплатили за них, но что-то вас задержало в городе, и вы остались еще на один день, не успев внести плату. Возвращаетесь в номер и узнаете: вас уже выселили, «согласно существующему распорядку». Плохой это распорядок,—в сердцах говорит рабочий.— В каждом видят неплательщика. Вот читайте,— и указывает на плакат: «Плата наперед».— А я так считаю, что «наперед» нужно уважать людей и доверять им.

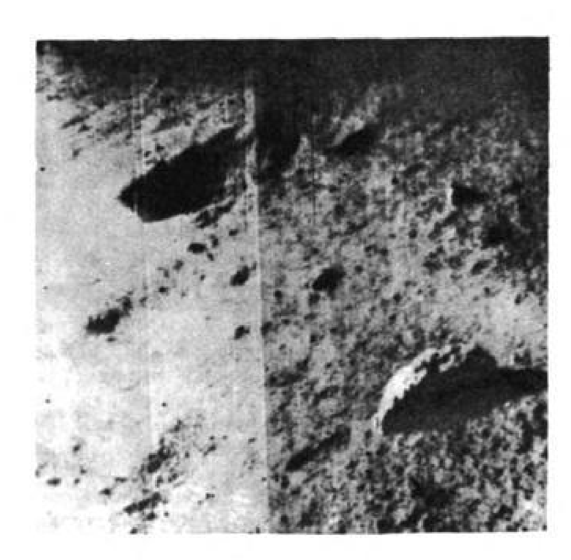
...Выходите из гостиницы и попадаете на чистые улицы Чернигова. Чистота города поражает приезжего. Отраден такой порядок. Во всем виден умный, заботливый глаз, как в доме у хорошего хозяина.

Уезжали мы из Чернигова с хорошим настроением, тем более что почти по всей области прошел дождь, которого так долго ждали. Природа учла желание избирателей!..

17—20 мая. Черниговщина.

СЛУЖИТЬ НАУКЕ

Американские космонавты «Джемини-9» Ю. Сернан и Т. Стаффорд рассматривают снимки Луны, сделанные «Сервейором-1».



Такой увидел Луну «Сервейор-1». Справа — камень 15,2 сантиметра высоты и 30,5 сантиметра длины, слева — небольшой лунный кратер.

Академик Л. И. СЕДОВ

Американские ученые осуществили мягкую посадку автоматической станции «Сервейор-1» на Луну и орбитальный полет космического корабля «Джемини-9» с космонавтами Томасом Стаффордом и Юджином Сернаном. Корреспондент «Огонька» **Алексей ГОЛИКОВ** попросил известного советского ученого академика Л. И. Седова прокомментировать эти события.

— Прежде всего,— сказал Леонид Иванович,— хочется поздравить американских коллег с успешным выполнением этих трудных космических опытов.

Сначала несколько слов о «Сервейоре-1». Это сложный космический аппарат весом около тонны, с приемным и передающим оборудованием и телевизионной камерой. «Сервейор» благополучно опустился на Луну, встав на свои три ноги, оснащенные гидравлическими амортизаторами для смягчения удара. Через 35 минут после прилунения автоматическая станция передавала на Землю фотографии лунной поверхности.

Чтобы осуществить мягкую посадку на Луну, американцам пришлось преодолеть большие технические трудности. Наша автоматическая станция «Луна-9» мягко прилунилась четыре месяца назад, полностью выполнила поставленную задачу. Она передала на Землю фотографическое изображение лунного ландшафта и ценные научные данные.

В те дни мне довелось находиться в Соединенных Штатах и беседовать с американскими учеными по этому поводу. На них это событие произвело большое впечатление.

Советские ученые в исследовании Луны, да и почти во всех других космических программах находились в более тяжелых условиях: первым всегда труднее. Советские специалисты первыми начали полеты к Луне — еще в 1959 году автоматическая станция достигла Луны и произвела физические измерения непосредственно около поверхности Луны. Потом «Луна-3» облетела вокруг нашего естественного спутника, сфотографировала и передала на Землю его невидимую сторону. «Луна-9», образно говоря, поднесла лунную поверхность к самым глазам человека, начала новый этап в освоении космического пространства. Вслед за этим советские люди запустили первый искусственный спутник Луны — автоматическую станцию «Луна-10».

Успехи человека в космосе очевидны. «Луна-9», «Луна-10», а теперь и американский «Сервейор» открывают большие возможности для всестороннего освоения Луны. Трудно сейчас назвать все актуальнейшие области человеческого познания и техники, которые благодаря этому получат дальнейшее развитие. Сведения о Луне помогут человеку раскрыть сокровенные тайны природы.

Теперь о полете «Джемини-9». Предполагалось, что космонавты выполнят три стыковки на орбите со спутником-мишенью «Атда», запущенным специально для этого. Космонавт Юджин Сернан должен был выйти в открытый космос на 2 часа 30 минут. В программу входил, кроме этого, еще целый ряд научных экспериментов, в том числе сбор микрометеоритов с помощью специальной ловушки, установленной вне кабины корабля, осуществление радиосвязи с Землей в ультракоротковолновом диапазоне волн и другие. Программа «Джемини-9» была весьма насыщенной. Полет еще раз показал: как бы тщательно ни готовились к космическому рейсу, всегда могут быть неприятные неожиданности. На спутнике «Атда», с которым должна была быть стыковка, не отделился обтекатель, при полете ночью в тени Земли сильно запотевали стекла шлема космонавта, были и другие затруднения.

В этом полете приобретено много нужных опытных сведений, которые будут полезны для будущих космических исследовательских работ.

Исследования космического пространства, и в частности Луны,— мощный стимул развития наиболее актуальных для прогресса современной цивилизации областей науки и техники. Понятно, почему космическими проблемами начинают заниматься Англия, Франция, Япония и другие страны. Очень важно при этом, чтобы изучение небесных тел преследовало только мирные цели.

Помню, как на Международном астронавтическом конгрессе в 1960 году — вскоре после того, как советский вымпел был доставлен на Луну,— иностранные ученые спрашивали: «Не собирается ли СССР распространить свой суверенитет на Луну или какую-нибудь ее часть?» Я отвечал, что в Советском Союзе таких намерений нет. Ни одно государство, по нашему мнению, не вправе претендовать на единоличное владение любым небесным телом.

Все планеты, и в первую очередь Луна, должны быть доступны для изучения и использования всеми государствами. Хороший пример сотрудничества мы можем найти на Земле: я имею в виду Антарктику, там проводится доброжелательное сотрудничество ученых ряда стран. Чем больше государств примет участие в освоении Луны и в других космических исследованиях, тем плодотворнее будет общая работа. Такое объединение усилий ученых способствовало бы развитию взаимопонимания и дружеских отношений между народами.

Это полностью отвечает стремлениям Советского Союза. Еще в 1958 году наше правительство внесло в Организацию Объединенных Наций предложение заключить международное соглашение о сотрудничестве в области исследования и мирного использования космического пространства. ООН приняла единодушно резолюцию о невыводе на орбиту вокруг Земли любых объектов с ядерным оружием и о недопустимости установки такого оружия на небесных телах. Недавно, как вы знаете, СССР проявил новую инициативу: внесено предложение заключить международное соглашение относительно правовых принципов деятельности государств по исследованию и освоению Луны и других небесных тел.

— Надо, чтобы ученые и космонавты всех стран,— сказал в заключение академик Л. И. Седов,— направили свои усилия исключительно на службу мирной науке.

А. ЕРМАКОВ,
А. ЗАСЛАВСКИЙ

С 6 по 16 июля в Москве вы сможете увидеть дуэли сильнейших современных мушкетеров. В СССР впервые состоится чемпионат мира по фехтованию. А право провести такой турнир советские фехтовальщики вполне заслужили: у них сейчас находится главный трофей чемпионатов мира «Приз наций», они в последние годы неизменно выигрывают золотые медали.

Слов

Зрители в спортивном зале японского университета Васеда замерли, когда навстречу друг другу вышли польский рапирист Эгон Франке и наш Юрий Сисикин. Их последняя в матче дуэль решала, какой команде быть в мире первой.

Подняв рапиры, спортсмены салютовали собравшимся в зале. Внешне оба фехтовальщика выглядели спокойно. Только бледность лица выдавала их волнение...

Эгон фехтовал вдохновенно. До этого дня командных соревнований он уже успел завоевать личное олимпийское первенство. Новому чемпиону все удавалось. Вот он наносит один укол, другой... Счет уже 4 : 2 в его пользу, а до конца шестиминутного поединка остается полторы минуты.

Сисикин проводит ложную атаку. Франке бросается навстречу, но Юра перехватывает клинок, и вот уже его рапира достигает груди олимпийского чемпиона — 4:3.

Франке озадачен. Срывает маску. Смотрит на польских спортсменов. Как обрести спокойствие? Медленно проверяет рапиру. Не спеша надевает маску.

Чьи нервы крепче?

Опять секундомеры, как в хоккее, отсчитывают чистое время боя. Франке надо выстоять: идет последняя минута. Однако разве можно только обороняться? И он, волнуясь, опять атакует. Но Сисикин молниеносно уходит в сторону, контратака, и зал сотрясает овация — 4 : 4.

Назначается дополнительное время. Теперь все зависит от одного укола. Тысячи наносил их за свою жизнь Юрий Сисикин. Но в этот раз нужен еще только один. Всего один... И его нанес спортсмен из Саратова! Победителя унесли с дорожки на руках.

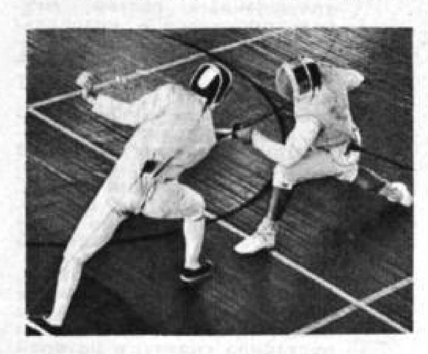
Так команда рапиристов СССР в Токио стала сильнейшей. И в Париже на следующий год эта команда, капитан которой Марк Мидлер — участник всех олимпиад начиная с 1952 года, выиграла первенство мира. Такого успеха еще не знала история фехтования: за последние десять лет ни один рапирист не поднимался на пьедестал два года подряд.

— Острота и мастерство боев на рапирах,— объяснил нам Марк Мидлер,— достигли столь высокого уровня, что сегодня, став в личных соревнованиях чемпионом, завтра

повторить этот успех почти невозможно. Ты чемпион только сейчас и только здесь. В тот день, когда Эгону Франке надели на грудь золотую олимпийскую медаль, он несколькими часами раньше был на грани поражения. Будущий олимпийский чемпион уже проиграл два боя и проигрывал третий, по-видимому, последний свой поединок. Японец-левша метнулся, как молния, и, поразив польского спортсмена, выбежал по инерции за пределы фехтовальной дорожки. Судья объявил: «Укол решающий, но... возможно, он нанесен за пределами поля боя». И не засчитал этого укола. Франке удалось выйти в финал и в заключительных боях разнести всех.

Мы спросили Марка Мидлера: «Но как же вам удавалось семь лет подряд быть чемпионом мира?»

— Я чемпион мира в составе



ко молниеносная реакция, но и в не меньшей степени выдержка.

Классическая школа фехтования со своими догматическими канонами себя изживает. Сейчас в фехтовании побеждают спортсмены со своей, своеобразной манерой боя.

Букет, составляющий всю нынешнюю сборную команду Советского Союза, удивителен по раскраске: среди шпажистов, саблистов и женщин, фехтующих, как известно, на рапирах,— самые причудливые характеры. Здесь и остроглазый трехкратный чемпион мира по сабле Яков Рыльский, который, кажется, видит даже то, что происходит за его спиной. Это спортсмен с гроссмейстерским расчетом и железной выдержкой — чемпион Олимпийских игр по шпаге Григорий Крисс. Еще пять лет назад, глядя на него, только начавшего выступать в крупных соревнованиях, тренер сборной СССР Виталий Андреевич Аркадьев сказал: «Погодите, этот парень будет поражать всех». Крисс обладает волей, позволяющей вытягивать бой даже в самой проигрышной ситуации. Вот Галина Горохова — чемпионка СССР и мира! Она дерзка и умна в бою по-мужски и хитра чисто по-женски. Она долгое время была на чемпионатах мира второй и третьей. Но в прошлом году ей явно это надоело, и она, проявив большую настойчивость, стала «королевой»...

о клинку!

команды, которая словно связка ключей,— ответил Мидлер.— Эти ключи подходят ко всем замкам: все в ней разные, все дополняют друг друга.

Чемпион Олимпийских игр в Риме Виктор Жданович, чемпион мира 1962 года Герман Свешников, победители многих международных турниров Марк Мидлер и Юрий Сисикин... В бою этот квартет напоминает легендарную четверку, описанную Александром Дюма. Высокого роста, изящный виртуоз Жданович, словно д'Артаньян, завязывает в фехтовальном поединке узоры непонятной публике тончайшей комбинационной борьбы. Портос — это Герман Свешников, фехтовальщик с мощной рукой и силовой манерой боя. Его бой — каскад приемов, разрушающих защиту противника. Движения Марка Мидлера сдержанны. Немногословный и строгий, он более всего походит на угрюмого графа Атоса. Поединки Юрия Сисикина напоминают быстрый и волнующий танец. Он фехтует с улыбкой под маской. Этот один из самых «коварных» бойцов напоминает нам Арамиса.

Без фехтовальных турниров не проходила ни одна олимпиада. Фехтование еще в 1896 году было включено в программу первых Олимпийских игр.

В начале пятидесятых годов советских фехтовальщиков не признавали за серьезных соперников. На олимпиаде 1952 года они выступили неудачно, не выиграв ни одного очка. То было время господства академиков фехтовального искусства — спортсменов Франции, Италии, Венгрии! Потом же, как иногда говорят, произошло чудо: советские мушкетеры стали неизменно выигрывать золотые медали на чемпионатах мира и Олимпийских играх.

Наши фехтовальщики уделили много внимания не только технике, но и тактике. И особенно физической и психологической подготовке. Ведь современному мушкетеру нужна выносливость марафонца (за десять — четырнадцать часов от двадцать — тридцать раз выходит на боевую дорожку), быстрота баскетболиста, твердость руки, как у стрелка. А еще ему надо мыслить, как шахматисту. Ведь все бои разные. Сколько противников — столько характеров. В сложном психологическом поединке ценится не толь-

Вся советская команда усиленно готовится к чемпионату мира. Четыре советские фехтовальщицы увезли весной из итальянского города Турина Кубок Европы; ту же операцию проделала четверка рапиристов, доставив Кубок Европы в Москву из Парижа. Советские мастера по шпаге выступали в Милане. Саблисты заняли третье место в Будапеште в аналогичных состязаниях на Кубок Европы.

— Нам удалось выиграть,— сказал Марк Мидлер,— в последние годы много соревнований на международной арене и вызвать переполох среди экспертов мирового фехтования. Но эффект внезапности прошел. Нас фотографировали, нас засняли на кинопленку, наши методы тренировок взяты на вооружение спортсменами многих стран. В общем, на московском турнире будет много сюрпризов, которые так любят зрители.

— Опасаетесь ли вы кого-нибудь конкретно?

— Да, почти всех. Но это не растерянность, которая сковывает все действия. Это — предчувствие того, что приближаются серьезные бои, полные неожиданностей. Я много раз убеждался в справедливости удивительного парадокса: стоит перестать опасаться — и ты начинаешь проигрывать. По крайней мере трижды так было в финалах первенства мира, когда я проиграл соперникам, которым ни до, ни после этого никогда не уступал.

— На какой результат советской команды,— спросили мы капитана сборной СССР,— можно рассчитывать?

— На первые места во всех видах оружия. Однако, оговорюсь сразу, в абсолютно равной степени на это может рассчитывать и команда Венгрии, а по рапире и шпаге — команды Франции, Италии, Польши, ФРГ и Румынии, по шпаге — Англии, а по сабле — Польши.

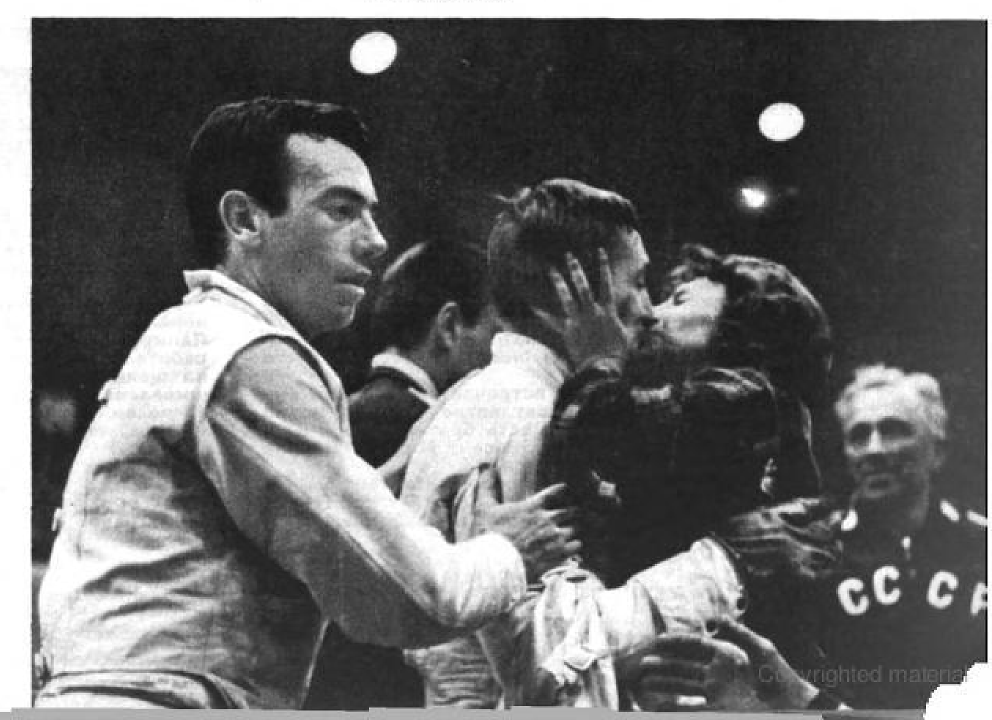
В Москву приедут нынешний чемпион мира среди рапиристов Жан-Клод Маньян — элегантный и искусный французский спортсмен, польский рапирист экс-чемпион мира Ришард Парульский, которому при баскетбольном росте, кажется, никакого труда не составляет дотянуться клинком до соперника, спокойный и невозмутимый английский шпажист Уильям Хоскинс...

Итак, скоро слово будет предоставлено клинку.

Победитель турнира шпажистов на Токийской олимпиаде киевлянин Григорий Крисс еще не успел дойти до пьедестала почета и даже отстегнуть электрошнур, как взлетел в воздух. И он и его друзья по команде счастливы.

Вот она, непобедимая команда советских рапиристов. Приз снова в руках капитана сборной Марка Мидлера. Слева направо: Юрий Сисикин из Саратова, москвич Марк Мидлер, Герман Свешников из Горького, ленинградец Виктор Жданович и Юрий Шаров из Саратова.

Все — и спортсмены и наши туристы — поздравляли Юрия Сисикина на олимпиаде в Токио после его победы над олимпийским чемпионом Эгоном Франке. Справа — старший тренер команды наших рапиристов В. Аркадьев.



Вот это медведь! Страшный или смешной?

Акробат Лель.

Дом сказок

— От пяти отнять три,— раздается детский голос в зале.

— Тяв, тяв! — Ответ получен правильный. Довольны и зрители и экзаменуемый ученик первого класса «А» пес Верный.

На сцене — лис Шустрый. Поиграл на цитре, полазил по жердочке, выстрелил из пушки. Уступил место еноту Чите. У Читы же целое хозяйство — прачечная со всеми необходимыми атрибутами: конторская книга для записи заказов, корыто...

Медведь Потап оказался отличным физкультурником. Подтягиваться на перекладине — его любимое занятие! Обезьяна Машенька — шалунья и ленивица. Не успела сесть за книгу, тут же утомилась и швырнула ее на пол... Но вот к музыке она неравнодушна. Любит ее так же, как и морской лев Лель. Только Машенька предпочитает шарманку, а Лель — трубу и барабан.

Представление заканчивается. Неохотно расстаются ребята с питомцами Уголка дедушки Дурова. Не торопятся в свои клетки и четвероногие артисты. Сцена для них — это место самых больших удовольствий. Здесь они работают, здесь получают и вознаграждение за свой труд: свежую рыбу, мясо, кусочки сахара... Недаром всех зверей, убегавших из своих клеток, находили именно на сцене! Лишь обезьяну Фомку при очередном побеге нигде не могли обнаружить, пока не догадались заглянуть в автобус, в котором она регулярно выезжала на гастроли в подмосковные пионерские лагеря.

У каждого обитателя домика свой характер, свои повадки и причуды.

Козел Василь Василич не хотел на репетициях показывать свой номер до тех пор, пока не выступит актер, который шел по программе спектакля перед ним. Что и говорить, Василь Василич оказался упрямым, как козел!

Звери в Уголке привязаны к своим воспитателям, проявляют трогательную любовь к ним.

Однажды после трудного дня дрессировщик Створа Карели прилег рядом со своей воспитанницей слонихой Пунчи и заснул. В зверинец пришла обеспокоенная жена Створа и хотела его разбудить. Тогда Пунчи осторожно подняла дрессировщика, перенесла его в дальний угол. И, хотя Карели опасался, что слониха может заснуть и придавить его, он все же решил сделать вид, что спит. Всю ночь Пунчи простояла, не сомкнув глаз, охраняя покой своего хозяина.

Трогательная история произошла и с дрессированной крысой А. Я. Гетманова. Во время его отсутствия крыса сбежала и скрылась в дырке пола. Возвратившись через три дня, Гетманов подошел к лазейке, тихо позвал загулявшую плутовку, она тут же выбежала из своего укрытия.

— Случались в нашей практике и курьезные истории,— рассказывает художественный руководитель Уголка Анна Владимировна Дурова,— то звери разобьют что-либо, то разорвут в клочья костюм, небрежно брошенный на клетку, то, заигравшись с дрессировщиком, изжуют его галстук. Вот просто анекдотичный случай! Как-то пришел к нам посетитель и, не увидев в вестибюле никого из работников Уголка, направился прямо в кабинет. Удобно расположившись в кресле, он стал спокойно рассматривать красивую медвежью шкуру, распластанную на полу, и вдруг неистово закричал. Сбежались рабочие, находившиеся поблизости. Мягкий, пушистый ковер оказался живым. Потревоженный гостем, медведь проснулся и недовольно поднял голову. Косолапого увели, а испуганный посетитель долго не мог прийти в себя.

Есть среди обитателей Уголка и киноартисты. Многих вы, вероятно, знаете. В фильме «Война и мир» снимался воспитанник А. Я. Гетманова медведь Булька. Его собрат косолапый Саян участвовал в картине «О чем молчала тайга».

Звери Уголка имени В. Л. Дурова разыгрывают целые спектакли. Недавно Анна Владимировна написала и поставила сказку, в которой четвероногие актеры на сцене действуют самостоятельно. Называется она «Как звери Уголка полетели на Луну». Правда, постановка подобных сказок связана порой с некоторыми трудностями. Ведь есть артисты, которые впадают в зимнюю спячку. Вот и енот, один из отлетающих на Луну, проспал всю зиму, да и подзабыл свою роль. Приходится начинать сначала.

Но эти трудности работники Уголка преодолевают достаточно успешно. Гораздо сложнее оказался для них вопрос о расширении помещения для единственной в своем роде лаборатории зоопсихологии, музея и театра зверей. И хотя уже есть решение о передаче двух соседних зданий Уголку имени В. Л. Дурова, перестройка их еще неизвестно когда начнется.

А ведь другого такого собрания ученых зверей нет нигде на земном шаре.

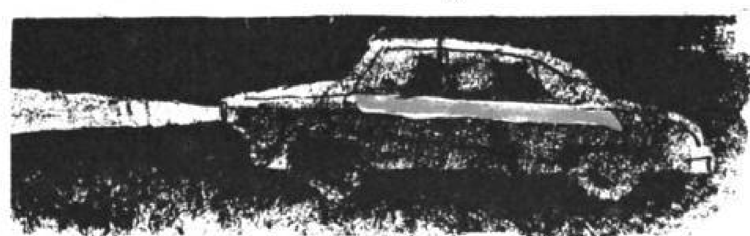
В. МОРОЗОВА

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Невероятная версия

Записки работника МУРа

С. ДЕРКОВСКИЙ,
подполковник милиции



Продолжение. См. «Огонек» № 23.

Утром на следующий день — звонок из Кунцева: оперуполномоченный Орлов сообщил, что к нему пришла мать Сухова, просит разыскать сына, который уже пятый день не появляется дома. Сейчас пишет заявление. Я попросил Орлова продолжать с ней беседу, пока к нему не приедет Панкратов.

Трое оперативных работников выехали в Кунцево. Около часа ночи они вернулись. Вот что удалось выяснить.

Сухов уже полгода встречается с Ниной Родионовой, которая живет возле станции метро «Первомайская». У нее есть брат Василий, или, как зовут его ребята, Васек. Матери Сухова его поведение не нравится.

Живут Родионовы в новом пятиэтажном доме. Отца у них нет. Нина работает вместе со своей матерью на прядильной фабрике, Василий — на заводе. Ему двадцать пять лет. Он рыжеволосый. Сухов работает на железной дороге, в бригаде, которая ремонтирует электросиловую линию на перегоне между Голицыном и Звенигородом.

Следующий день оказался более напряженным. Уже в 12 часов из Звенигорода позвонил Панкратов и сообщил, что Николай Сухов на работе. У него забинтована кисть правой руки, на щеке ссадина. Накануне ограбления отпрашивался у бригадира и выехал в Москву в 14 часов. На другой день опоздал больше чем на час, сказав бригадиру, что задержался у невесты.

Не успел я закончить разговор с Панкратовым, как в кабинет вошел следователь Максимов с протоколом допроса.

— Только что допросил гражданку Хлебникову,— сказал он.— Она рассказывает интересные вещи...

Как заявила Хлебникова, в день ограбления ее муж после часа ночи видел у дома Ильинских легковой автомобиль и в нем несколько пассажиров.

— А что говорит ее муж? — спросил я Максимова.

— Я с ним не разговаривал. Он на работе. Вызван на восемнадцать ноль-ноль.

Спустя некоторое время по телефону доложил Горин:

— Установил Васька. Это Родионов Василий Васильевич. Сестра его — Родионова Нина Васильевна. Что прикажете делать?

— Сколько у вас народу? Трое? Оставьте двоих в доме Родионовых. Как только появится Васек, пригласите его в ближайшее отделение. Вам сейчас высылаем автомашину, привезите Нину на Петровку.

Наконец Горин явился. В руке у него был разовый пропуск на проход в МУР. Он сказал, что Нина плакала всю дорогу, а приехав на Петровку, совсем расклеилась...

Когда Родионова успокоилась, Спирин задал ей вопрос:

— Скажите, Нина Васильевна, с кем вы проводите время?

— Я дружу с Колей Суховым, мы давно встречаемся.

— А где вы были позавчера ночью?

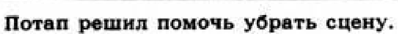
— Позавчера у моей подруги Зои Ковешниковой был день рождения. Василий наш за ней ухаживает.

Я вдруг почувствовал, что нить, которую мы нащупали с таким упорным трудом, готова оборваться. Ведь Нина сказала: позавчера — это значит, в день ограбления.

Нашу беседу прервал звонок Карпенко. Он

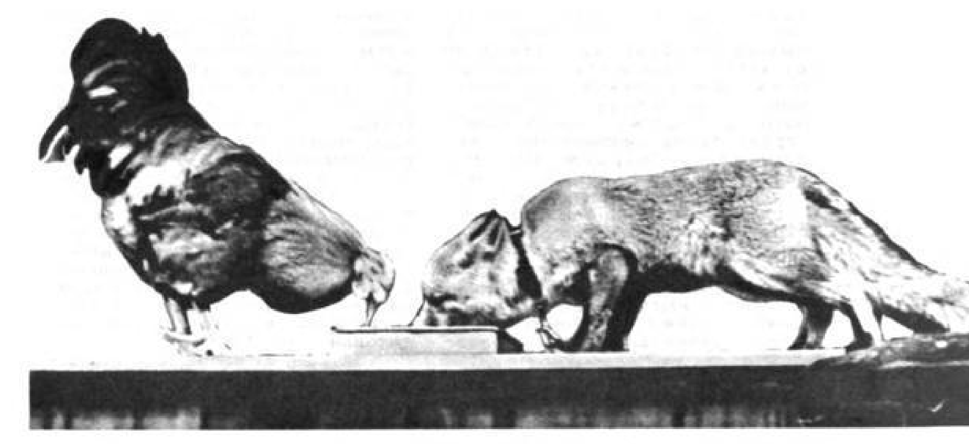
Ответ правильный.

Машенька хотя и шалунья, но за едой соблюдает этикет.



Потап решил помочь убрать сцену.

Енот Чита.



Лиса и петух — большие друзья

доложил, что Василий Родионов находится в 125-м отделении. Даю указание доставить его к нам.

Спирин продолжал задавать вопросы Нине:

— Нас интересует, где живет Зоя. Кто был в компании? Когда сели за стол? Почему вы, брат и Николай Сухов не ночевали дома?

— Я с Николаем договорилась встретиться у Зои в семь вечера. Сама поехала к ней пораньше, чтобы помочь накрыть на стол. Брат должен был приехать тоже к семи. Получилось не так. Николая раньше отпустили с работы, и он решил заехать за мной, но уже не застал. Дома был только Василий. Они задержались. Мы их ждали, все собрались, а они заявились в девятом часу. Гуляли долго. На метро опоздали и остались у Зои до утра.

Рассказ Нины казался правдоподобным. А спустя некоторое время Спирин в другом кабинете начал беседовать с Василием. Показания Василия Родионова полностью совпали с показаниями его сестры.

Из Кунцева позвонил Панкратов. Он вел разговор с Суховым, который в том же порядке подробно рассказал об интересующем нас вечере.

Почти трехсуточная работа пошла насмарку. Проанализировав все свои действия с момента осмотра места происшествия до допроса Родионова, мы пришли к такому выводу: ошибка состояла в том, что всю работу мы построили в основном вокруг сообщения участкового уполномоченного Захарова, основные силы бросили именно на эту версию.

В это время Карпенко беседовал со свидетелем Хлебниковым, ничего еще не зная о финале версии с Суховым и Васьком. Но когда он, радостно возбужденный, вошел к нам, сразу понял все. И, словно стараясь поправить нам настроение, заговорил бодро:

— Послушайте, что я узнал от Хлебникова Михаила Тарасовича. Оказывается, примерно за полтора — два часа до ограбления у двора, где живут Ильинские, стоял голубой «Москвич». Хлебников провожал родственника на вокзал, возвращался домой поздно. Едва он приблизился к машине, она резко взяла с места и на большой скорости умчалась в сторону Садового кольца. По его словам, в машине было несколько мужчин и женщина.

Хлебников записал номер «Москвича» — ему показалось подозрительным, что машина так долго стояла, меж тем никто из нее не выходил и никто в нее не садился, а потом вдруг ни с того ни с сего ушла.

— Вы проверили, кому принадлежит «Москвич»?

— Он записал номер на спичечной коробке, а утром на работе дал кому-то прикурить, и коробку ему не вернули. Сидим с ним уже битый час. Вспоминает, кому мог дать спички. Я решил завтра с ним вместе ехать на завод искать эту коробку.

Сообщение Хлебникова нас очень заинтересовало, но мы понимали всю сложность проверки. Надежд на то, что Карпенко найдет спичечную коробку, было мало.

Тут всю нашу опергруппу пригласил к себе начальник отдела.

— Так вот, товарищи, результаты вашего увлечения одной версией плачевны,— начал он.— Что вы знаете о лестнице, кроме того, что она деревянная? Что собою представляют телефонисты? В каком составе они начали здесь работать и в каком работают сейчас? У кого порезаны пальцы? Ведь на стакане и на изоляции — кровь человека. Почему сузили фронт поиска? Вы же чувствуете, что это преступление готовилось заранее. И, пожалуйста, без увлечений. А то сейчас у вас появился голубой «Москвич», так вы теперь не дадите покоя всем владельцам подобных машин. Кроме того, рекомендую еще раз побеседовать с потерпевшими. Иногда бывает полезно. Если нужны люди,— берите кого хотите.

От помощи мы отказались, полагая, что наших сил вполне достаточно...

Ближайшие два дня ничем нас не порадовали.

Карпенко свою работу на заводе начал с того, что разделил всех людей в цехе, где работал Хлебников, на курящих и некурящих и после этого приступил к опросу.

Утром на второй день один из курящих вспомнил, что действительно брал спички у Михаила Тарасовича, но их было всего несколько штук, и он выбросил пустую коробку в мусорный ящик. Пришлось Карпенко изучить график уборки цеха. Он проверил табель и установил, какие уборщицы работали в тот день, когда убирали и куда вывозили мусор.

Мы уже потеряли надежду, что из этой затеи что-нибудь выйдет, и начали широкий опрос жильцов в домах, ближайших к месту преступления, проверку владельцев «Москвичей», как вдруг позвонил Карпенко.

— Есть! Еду!

— Неужели нашел?

— Нашел, нашел! Именно эта коробочка,— сказал он нежно.— С записью номера, но карандаш стерся. Везу.

Какая выдержка, какое терпение нужно, чтобы два дня подряд копаться в мусорных ящиках, перевернуть центнеры тряпья, щепок, стружек, бумаги, чтобы среди этого хаоса найти

Последний

ЗВОНОК

Разве можно идти по городу вот так — петь под гитару, занять весь тротуар и даже перебраться на мостовую, хохотать на всю улицу по каждому поводу и без повода, словом — нарушать?

Можно!

Сегодня в последний раз надеты коричневые с белыми воротничками и манжетами платья и черные рабочие передники. Сегодня в последний раз прозвенел школьный звонок, и от этого слова в его радостно-печальном значении — последний — с утра было чувство тревоги и счастья, неизбежного страха перед экзаменами и отваги перед будущим. Все это вместе и выплеснулось в настроение «последнего звонка».

Громко и учащенно звенят струны и быстрые слова песни. Две учительницы — у каждой в охапке столько тюльпанов, что поставить их можно только в ведро,— идут позади с блестящими глазами. Улыбаются прохожие, останавливаются, провожают с грустинкой (давно ли отзвенел наш последний звонок или: когда-то еще будет!). И каунасские липы машут десятиклассникам тысячами зеленых добрых рук, и каунасские сирени сыплют им в подставленные горсти мелкие цветы с счастливым счетом лепестков, и каунасские черемухи, отцветая, пахнут горько и сладостно и кружат без того вскруженные головы... Так идут десятиклассники — синеглазые и черноглазые, светло-русые и черноносые, а один очень высокий и очень рыжий,— идут по своему городу, и видно: сегодня им еще можно не спешить, сегодня можно еще идти просто так по улице, никуда... Идут, не сговариваясь, и останавливаются в старом сквере у Музея. Фонтан с медным троллем, исторические пушки, властительные львы у входа... Все это знакомо с детства, все были здесь много раз — с воспитательницей детского сада, с классной руководительницей 1-В, преподавателем рисования, с классной руководительницей 10-В. Бывали в Историческом музее, знаком каждый зал Художественного имени Чюрлениса.

Кто знает, может быть, повезет и выпадет счастье учиться в МГУ или в Московском полиграфическом? А может быть, в старом Вильнюсе или на берегу Невы, на Васильевском острове — в университете или в Академии художеств? И тогда надолго прощай, Каунасский музей!

В день, когда в будущем столько ожидания, а к прошлому — столько благодарности, хорошо снова постоять здесь, у полотен Микалоюса Чюрлениса. Две музы были безгранично щедры к нему — Музыка и Живопись. Он умер рано—36 лет—и оставил народу симфонии, фортепьянные произведения, обработки народных песен, коллекции народных скульптур и лепки и большой музей удивительных полотен, сделавший имя его и литовскую живопись известными не только в Литве, а и далеко за ее пределами.

Вокруг каждой картины — словно магнитное поле сильного действия: не пройдешь мимо, не уйдешь без волнения, и словно тихая музыка звучит в залах — недаром же он был композитором! Это как колдовство красок, мягких, казалось бы, повсюду одинаковых и в то же время не похожих ни на что ранее виденное. Сказки. Сказания. Фантастика. Легкие мечты и тяжелые думы. Символы, доходящие до мистики. Музыка морских волн, и ветра, и солнца. Всевидящая мысль человеческая. Душа, так любившая и так любящая жизнь. Таинственная краса «весны», «лета», «зимы», «знаков зодиака»... Здесь все заставляет думать, спорить, любить.

Он очень изменился в этих залах, только что шумевший и хохочущий 10-В класс 11-й каунасской школы. Ребята задумались, переговариваются тихонько. Еще не совсем осознав, как щедро одарил этот художник красотой, музыкой, мыслью их детство и юность и всю их жизнь, они благодарны и тихо стоят перед его полотнами в свой прекрасный день окончания и начала.

Н. ХРАБРОВА

На снимке: 10-В класс 11-й каунасской школы в зале Музея имени Чюрлениса. Экскурсовод — Бероника Тауринскене.

Фото В. Салмре.

СЕВЕРНЫЕ НАХОДКИ

Суровы просторы красноярского севера — края отважных охотников, рыболовов, оленеводов. Когда в XVII веке первые русские землепроходцы пришли на Енисей, оказалось, что северный край населяет множество племен и народностей — предков современных кетов, ненцев, селькупов, эвенков и многих других.

Но как жили здесь люди тысячелетия назад, какова была их культура в то время, когда впервые появился человек на Нижнем Енисее?

Красноярский краевой музей организовал несколько экспедиций на север. В результате — новые данные, расширяющие наши знания о самых древних сибиряках.

В деревне Сухая Тунгуска, Туруханского района, было найдено очень грубое каменное орудие, относящееся к древнекаменному веку. Уже тогда, на заре человеческой истории, одетый в шкуры первобытный охотник на мамонта и северного оленя заселил и освоил таежные пространства по Енисею.

Остатки крайнего северного поселения этого времени экспедиция обнаружила в поселке Серково, на реке Курейке, где были найдены обломки каменной стрелы, каменного тесла и маленький скребок из камня.

Обломки грубой глиняной посуды того же времени были добыты во время раскопок в деревне Сургутиха.

Каменные наконечники стрел и копий, инструменты из камня экспедиция обнаружила при раскопках в устье реки Подкаменной Тунгуски. Позже, в новокаменном веке, когда все орудия продолжали изготовлять из камня, но уже появились лук, стрелы и глиняная посуда, человек широко распространился по территории современных Енисейского и Туруханского районов и даже проник за Полярный круг.

ДВЕРЬ И ПИРОЖНОЕ

Пирожное безе известно каждому сластене. Но чтобы так называли двери!.. И тем не менее, попав на Седьмой деревообраба-

маленькую, обыкновенную синенькую спичечную коробку! Но если это ключ к раскрытию преступления? Тогда весь его труд оправдан.

Наверное, ни одна женщина так осторожно не обращалась с самым изящным ювелирным изделием, как Слава — со своим коробком. Он поднес к настольной лампе дорогую находку. Хлебников сразу узнал и ее и свою запись на ней. Запись оказалась наполовину стертой. Невооруженным глазом можно было разглядеть цифры 88, остальное не разобрать. Коробка была отправлена в научно-технический отдел.

Так почти впустую прошел еще один день.

Мысль, что преступники находятся на свободе, не давала покоя. Судя по дерзости нападения на Ильинских, можно было ожидать, что в любую минуту где-нибудь в другом конце города они повторят то же самое. Мы не имели права, не могли спать спокойно.

Эксперты НТО оказывали нам всяческую помощь. В очень короткий срок они установили группу крови, обнаруженную на разбитом стакане, определили, где изготовлена изоляционная лента, подтвердили, что этой лентой обертывались пальцы. Получив спичечную коробку, эксперты провели серию специальных фотоснимков в различных спектрах и сообщили нам полный номер машины, записанный Хлебниковым.

В тот же день был установлен ее владелец. Им оказался Давыдов Семен Егорович, работающий начальником цеха одного из заводов. Несколько дней Горин с группой сотрудников проверяли его личность, однако компрометирующих сведений не было.

В день ограбления Ильинских двенадцатилетняя дочь Давыдова, находившаяся у бабушки, которая живет в районе Белорусского вокзала, неожиданно заболела. Когда жена по телефону сообщила об этом Давыдову, он вместе со своим сослуживцем и знакомым врачом приехали к девочке. Тот осмотрел больную. В начале второго ночи они вышли из дому, где жила бабушка, сели в машину и несколько минут совещались, кого раньше завезти домой, потом уехали к площади Маяковского. В этот момент на них и обратил внимание Хлебников. Так бесславно отправилась в архив еще одна версия.

Времени на поиск ушло больше чем достаточно. Проделана колоссальная работа. А результат — нуль.

Еще не все было выяснено с автомашиной, когда в отделение милиции позвонил Ильинский. Он вспомнил, что раньше с ним в геологоразведочной партии работал Виктор Леонов, которого уволили за непригодность. Примерно за неделю до ограбления Ильинский встретил Леонова на Тишинской площади, узнал от него, что тот нигде пока не работает. Расставаясь с Ильинским, Леонов попросил денег и получил три рубля.

Проверка Леонова заняла несколько дней. У него оказалось множество знакомых. Пришлось проверить каждого из них. Когда же Леонов был задержан и допрошен, его алиби оказалось безупречным. Оборвалась еще одна нить.

В считанные дни была проверена бригада телефонистов. Всякие подозрения об участии кого-либо из них в ограблении или в наводке отпадали.

О ходе розыска мы ежедневно со Спириным докладывали Георгию Федоровичу. Он был недоволен нашей работой.

На звонки Ильинских приходилось отвечать одно и то же: «Ищем».

Однажды, оставшись вдвоем со Спириным в его кабинете, мы стали вновь перечитывать все материалы. Для наглядности решили вычертить схему.

Вскоре громадный кусок ватмана покрылся разноцветной паутиной. В центре ее были помещены Ильинские, справа — Николай Петрович, слева — Лия Михайловна.

Тонкие стрелки соединяли их с лицами, имеющими к ним какое-либо отношение. Здесь были и соседи, и монтеры, и лифтеры, и Сухов, и Леонов, и другие.

В самый разгар этой работы в кабинет вошли Карпенко с Гориным. Оба заинтересовались схемой. И Карпенко обратил внимание на то, что от Ильинского отходит гораздо больше стрелок, чем от Лии Михайловны.

— Что-то мало у нашей потерпевшей связей... Врачи, и только. Неужели у нее нет подруг, товарищей по работе, портных, маникюрш и прочее? — заявил он, рассматривая схему.

— Вот окончим полностью разметку и посмотрим, что нами упущено,— успокоил его Спирин.

— Я вам, товарищи начальники, не хотел бы мешать, но вот появилось у меня жгучее желание... Срочного вроде бы пока ничего нет, а сегодня такой футбольный матч — «Спартак» — «Динамо». Нельзя ли пораньше исчезнуть? — попросил Карпенко.

О его футбольной болезни мы хорошо знали, да и работал парень, не считаясь с собой. Мы его отпустили.

И вот с этого момента, словно в утешение за неудачи первых дней, следствию начало везти...

тывающий комбинат Москвы, можно убедиться, что у пирожного много общего с дверями из пластмассы, выпуск которых наладил комбинат.

В просторном корпусе не слышно пения пил, скрежета строгальных и долбежных станков, не пахнет смолистыми стружками. Здесь владения химии и механики.

Будущая дверь берет начало в специальном аппарате, где крупинки полимера превращаются в белый пластик. Он выползает из щели машины, широким полотном по конвейеру течет в вальцы, встречается там с тонкой пленкой, на которую нанесен рисунок под орех, и склеивается с ней. Затем это пластмассовое полотнище попадает под ножницы и кусками укладывается на своеобразные противни.

Через несколько секунд в противень дождем хлынут легчайшие крупинки вспененного полимера. Сверху крупинки накрывает другая пластина из ореховой пластмассы, и получается своеобразный слоеный пирог! Теперь его нужно отправить в печь, вернее, под пресс с подогреванием. Под влиянием высокой температуры гранулы полимера спекаются в сплошную пористую массу, действительно очень похожую на пирожное безе. Из пресса выходит свежеиспеченная дверь, еще теплая.

— На вид она тяжелая,— говорит директор предприятия В. Я. Калачев,— но это только на вид. Весит дверь всего 6—7 килограммов. Она легка, прочна, не набухает от влаги, не трескается от сухости и, самое главное, обладает отличными тепло- и звукоизоляционными свойствами.

РАЗГОВОР ПОД ВОДОЙ

Долгое время аквалангисты были лишены возможности переговариваться между собой и, находясь под водой, обращались к языку жестов. Оригинальное устройство «ватерком», позволяющее пловцам вести разговор под водой, выпустила на рынок американская фирма «Бендикс». «Ватерком» состоит из передатчика, укрепленного за спиной аквалангиста, непосредственно на баллоне с дыхательной смесью, ларингофона, звукоприемника, прижимаемого к гортани, и маски, которая соединена с баллоном трубкой и заменяет обычный загубник. «Ватерком» работает в диапазоне звуковых частот, воспринимаемых человеком.

Использование этого устройства обеспечивает связь под водой на 90 метров.

Вес «ватеркома» — около двух килограммов.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОМЕРА

Жил ли Гомер, или он плод легенд? Если жил, то когда, где? Эти вопросы испокон веку волнуют всех исследователей. Изображения Гомера, знакомые нам из книг по истории, относятся к копиям времен Римской империи.

Недавно на острове Иос (Греция), где, по преданию, находится могила великого поэта, найдена монета четвертого века до нашей эры. На ней стоит имя: Гомер.

ЛЕДНИКИ ТАЮТ

В нашем столетии ученые наблюдают сокращение ледников. Таяние льдов одно время приостановилось. В начале 50-х годов началось новое наступление ледников, но сейчас сокращение льдов продолжается. Ученых интересовали центральные части Антарктиды и Гренландии. Недавно в Гренландию была снаряжена международная гляциологическая экспедиция. Повсюду в обследованных областях наблюдается таяние ледников. Интересно, что ежегодно за счет растаявшего льда полярных областей уровень Мирового океана повышается на 2,5 миллиметра.

Фельетон

Ц. СОЛОДАРЬ

Почти стенограмма

— Алло, алло! Да, я у аппарата.
Вы, Клим Порфирьич? А, привет, дружок!
Что? Чувствую себя ли виноватым?
Не позабыл ли, что за мной должок?
Я не пойму вас, дорогуша, что-то:
Сегодня — вторник, где ж моя вина?
Ведь я сказал: за пулькою в субботу
Вам заплачу мой проигрыш сполна.

По линии долгов я очень точен.
Вы помните, у вас я трешку брал —
Вернул и даже часа не просрочил,
Хоть был на базе у меня аврал.
И сына воспитал аккуратистом.
Сказал ему, как только он подрос:
Сынок, коль хочешь стать преферансистом...
Что? Не о долге карточном вопрос?

О чем же речь? О вашей бочкотаре?
Ну как же, помню, вы спасли меня —
За выручку я так вам благодарен...
Что, что? Просрочил я четыре дня?
Вы в положенье пиковом? Мой милый,
Я сам в таком же был тогда — точь-в-точь.
Мобилизуйтесь! Напрягите силы!
Сочувствую... Но не могу помочь.

Что, что? Когда верну вам бочкотару?
Звонил, милок, я в трест. Да там в ответ
Одни лишь тары-бары-растабары,
А накладной на тару нет как нет!
Я не смеюсь над вами, милый, что вы!
Я понимаю, вам грозит скандал...
Что, говорите, я давал? Ах, слово?
Ну, а бумажки я же не давал.

Послушайте, не будьте-ка пижоном.
Я вынужден, дружок, напомнить вам:
Купцы презренные — и те во время оно
Не верили словам, а векселям.
А вы в системе госторговли — птица!
Фигура! Личность! Вы — другим пример.
И как же только вы могли решиться
Поверить на слово, как пионер?

Запомните: где планы и финансы,
Там место слову может быть едва ль.
Оно годится только для романсов,
Когда его уносит ветер вдаль.
Да, документик — вот основ основа...
Что? Бочки? Где ж мне взять их? С потолка?..
Вот карточный должок, поверьте слову,
В срок заплачу. Таким путем. Пока.

Не прошло и часу с момента ухода Славы Карпенко, как раздался телефонный звонок.

— Сергей Иванович,— услышал я взволнованный, торопливый голос Славы,— я на улице Горького, в магазине «Кулинария».

— Решил пирожками запастись перед футболом?

— Да нет. Мне нужен кто-нибудь из наших, кого никогда не видели Ильинские. Желательно, чтобы и вы подъехали сюда. Только побыстрее. На футбол я не пойду.

Расспрашивать Карпенко не было необходимости: если он говорит надо, значит, надо. В считанные минуты наша «Волга» примчалась к магазину «Кулинария», где в машину сел Слава. То, что он рассказал, поворачивало дело в совершенно новую колею.

А произошло вот что. Слава ждал у метро «Маяковская» свою знакомую, с которой договорился пойти на футбол. До встречи оставалось несколько минут. Он прогуливался по тротуару, когда возле него остановилось такси, и из машины выпорхнула Лия Михайловна Ильинская. Именно так он и сказал: выпорхнула.

Первым и естественным желанием Карпенко было поздороваться. Он уже шагнул к ней, но вдруг ему показалось, что это не она, что перед ним совершенно другая женщина. Даже лицо у нее гораздо моложе. А костюм? А походка? А взгляд? Это была она и не она. И Карпенко почему-то решил к ней не подходить.

Тем временем Лия Михайловна простучала каблучками-шпильками по лестнице, добралась до верхней ступеньки и скрылась в толпе. Карпенко последовал за нею, но тут услышал:

— Слава, ты куда? Здравствуй! — Девушка с портфелем ухватила его за рукав.

— Здравствуй, Тамара! Идем со мной. Быстрее!

Знакомая модная шляпка Лии Михайловны мелькнула в толпе. Обрадованный Карпенко остановился, взял Тамару за обе руки.

— Ну, здравствуй!

— А мы уже поздоровались. Что с тобой?

— Ничего особенного, просто в ожидании тебя занялся кое-какими наблюдениями. Интересно. Хотел бы и тебя приучить к этому. Будущему юристу, товарищ Борисова, это крайне необходимо,— с улыбкой говорил он.

— Какие еще наблюдения? Поехали на стадион.

— Подожди, у нас есть время. Давай проведем эксперимент. Подойди поближе вон к той дамочке в светлом костюме и белых перчатках. Видишь?

— Вижу.

— Посмотри на нее полминуты внимательно и вернись ко мне.

— Ну, что ты в ней находишь необыкновенного? — спросила Тамара, возвратившись.

— Скажи свое мнение о ней. Краткую характеристику.

— Женщина как женщина, таких в Москве миллионы. Одета со вкусом, по моде. Веселая, жизнерадостная. Ждет кого-то, но, конечно, не такого горе-наблюдателя, как ты. Все время посматривает на часы и на выход из метро.

— Все дело именно в том, что она веселая и жизнерадостная. А ты поверила бы, если бы тебе сказали, что совсем недавно на нее напали бандиты, ограбили и чуть не убили?

— Ну, знаешь, это уже из области фантазии. Случись со мной, я, наверно, не пришла бы в себя полгода.

Когда Карпенко вновь поглядел в сторону Лии Михайловны, возле нее стоял мужчина лет тридцати, в сером костюме. Они разговаривали.

— Мы с тобой никуда сейчас не пойдем. Нужно посмотреть, чем кончится это свидание,— сказал Карпенко Тамаре, увидев, что мужчина взял Ильинскую под руку и они пошли по улице Горького.— Пройдемся...

Ильинская с молодым человеком пересекли улицу и вошли в ресторан «Баку».

— Я не могу войти в ресторан,— сказал Карпенко Тамаре.— Нельзя, понимаешь? Она меня знает. Пожалуйста, зайди, займи столик невдалеке от них. Закажи чего-нибудь. Постарайся понаблюдать за ними, только осторожно, чтобы они ничего не поняли. Обрати внимание, что они будут курить. Если через двадцать минут к тебе никто не подойдет, выйди в вестибюль. Если за стол к тебе подсядет кто-нибудь с газетой, не препятствуй. Это будет наш товарищ.

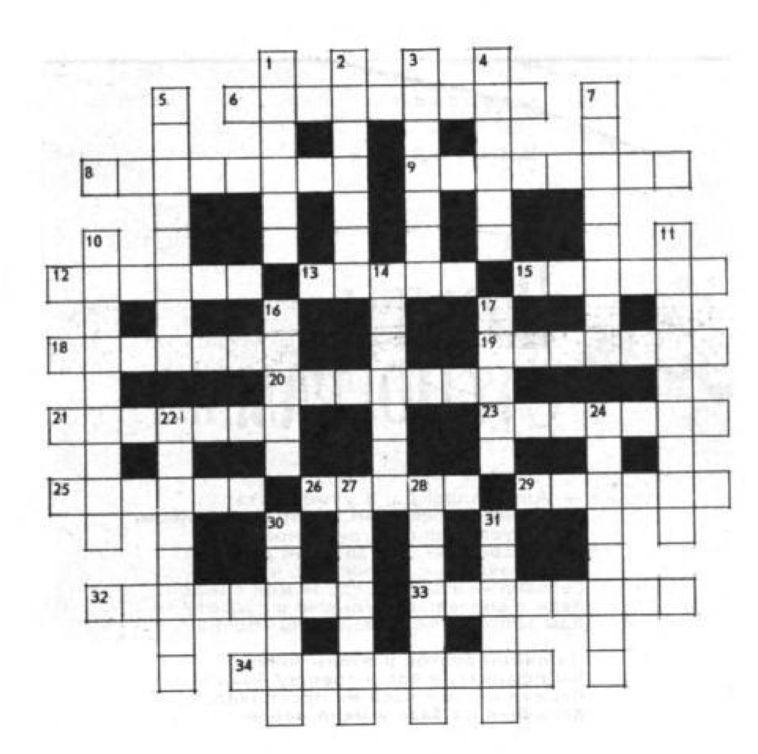
— Я бы согласилась каждый день так работать, если бы кто-нибудь оплачивал мои ресторанные заказы,— пошутила Тамара.

...Выслушав Карпенко, мы поставили машину так, чтобы хорошо был виден выход из ресторана. Оперуполномоченному Барышникову Слава обрисовал приметы Борисовой, дал в руки газету, и тот вошел в ресторан.

Мы ждали. Спустя некоторое время Барышников вышел. Он сказал, что Ильинская называет мужчину Володей. Разговор идет о поездке на юг. Пьют коньяк, закусывают, ждут горячих блюд. Оба курят сигареты.

И Барышников вернулся в «Баку».

Продолжение следует.



КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Европейское государство. 8. Скульптор, автор памятника Петру I в Ленинграде. 9. Первое представление. 12. Промежуток времени. 13. Рассказ А. П. Чехова. 15. Одновременное звучание. 18. Озеро в Казахстане. 19. Башенные часы. 20. Остров в Атлантическом океане. 21. Ягода. 23. Река на Памире. 25. Спор, обсуждение. 26. Город в Нидерландах. 29. Обломки горных пород, отложенных ледником. 32. Создатель теории относительности. 33. Вал металлорежущего станка. 34. Опера Дж. Верди.

По вертикали:

1. Спутник планеты Юпитер. 2. Роман В. Скотта. 3. Горная система в Европе. 4. Изобретатель двигателя внутреннего сгорания. 5. Частица вещества. 7. Украинский духовой инструмент. 10. Коллекционирование марок. 11. Материк. 14. Литературный жанр. 16. Русская народная песня на слова К. Рылеева. 17. Залив Красного моря. 22. Радиоактивный элемент. 24. Врач. 27. Азербайджанский писатель XIX века. 28. Птица отряда куликов. 30. Герой повести Л. Н. Толстого «Казаки». 31. Музыкальный интервал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

7. Шевченко. 8. Ватерпас. 9. Иокубонис. 13. «Сирена». 14. Кратер. 15. Пьеро. 17. «Мещане». 18. «Красин». 19. «Воскресение». 20. Терция. 22. Тугрик. 24. Астра. 25. Клюква. 27. Эворон. 28. Галактика. 31. Балерина. 32. Мельхиор.

По вертикали:

1. Сикоку. 2. Бревно. 3. Керамика. 4. Ингода. 5. Оттиск. 6. Хабанера. 10. Буревестник. 11. Перевязка. 12. Баскетбол. 15. Пикша. 16. Онега. 21. Целлофан. 23. «Громобой». 26. Анализ. 27. Эркель. 29. Алатау. 30. Тамбур.

●

На первой странице обложки: Надя Лозовая из Новороссийска. Она окончила школу-десятилетку, будет работать продавцом и учиться заочно в Институте торговли.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Поздним вечером.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

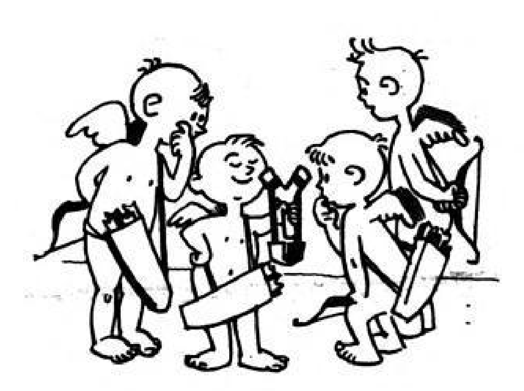
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10602. Подписано к печати 8/VI 1966 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 776. Заказ № 1630.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Новинка...
Рисунок Б. Боссарта.

В ногу с модой.
Рисунок А. Грунина.

— Кто из них Миша и кто Маша?
— Сейчас узнаем!

Рисунок Е. Шабельника.

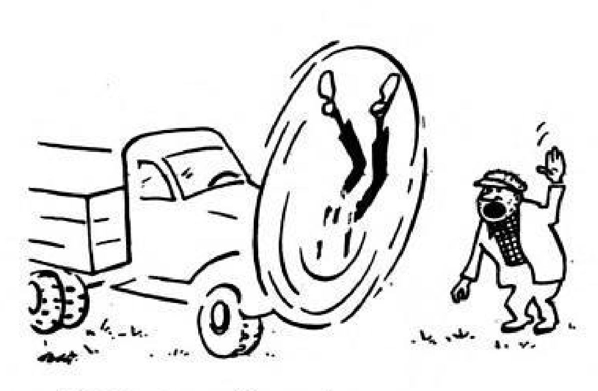
— Это сотрудники детского сада.

Рисунок В. Тамаева.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

Вприпрыжку через улицу

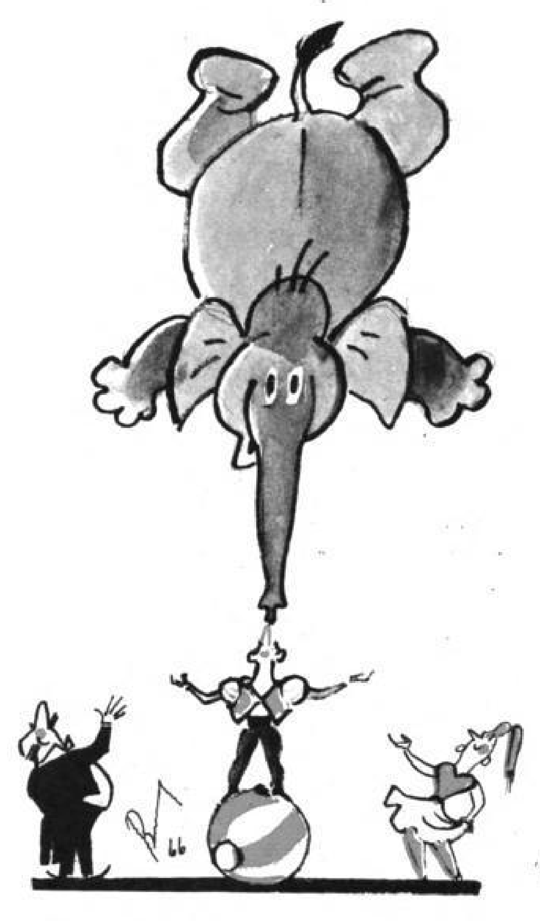
На выставке спортивного инвентаря в Висбадене (ФРГ) было представлено оригинальное средство передвижения — пружинные скакалки.



— Теперь отпускай ручку!

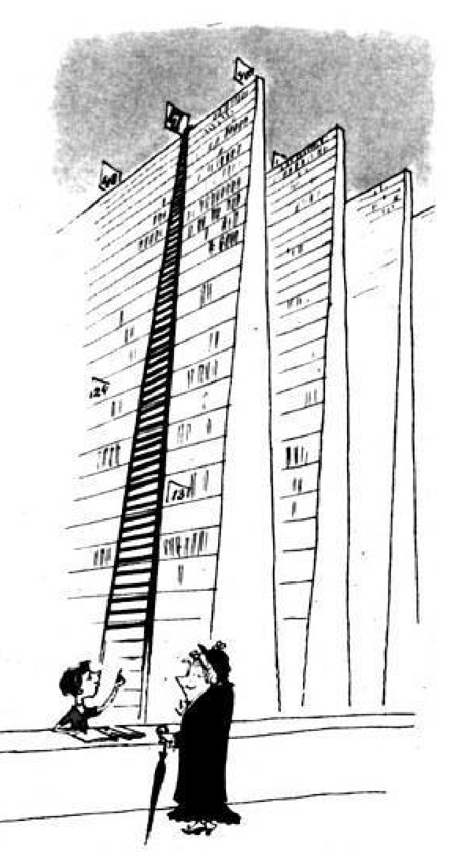
Рисунок В. Тамаева.

Директор цирка:
— Ваш трюк не нов.



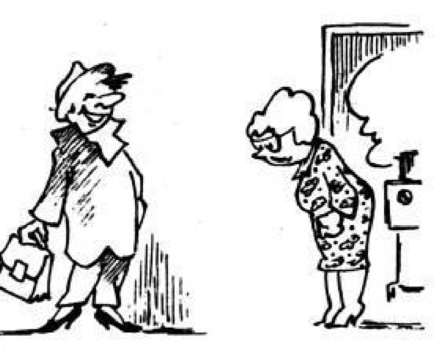
— А вот это — другое дело!

Рисунки Вл. Гальбы.



— Возьмите сами, Анна Ферапонтовна. Сорок седьмой раздел, верхняя полка.

Рисунок В. Воеводина.



— Так, говоришь, на собрании был?

Рисунок Р. Свирина.

Доигрались...

Рисунок А. Грунина.

КАМЕННЫЙ МЯЧ

Этот мяч пролежал в недрах земли, видимо, не одно тысячелетие. Его недавно нашли сахалинские шахтеры. Каменный шар весит 12 килограммов.

И. МЯСНИКОВ.

ТАНЦУЮЩИЙ ЛЕС

Так называют участок березняка возле озера Боровое (Кокчетавская область).

А. НЕСТЕРОВ

ПОЖАРНЫЕ-АКРОБАТЫ

Перед вами не цирковое представление, а парад токийских пожарных, которые демонстрируют ~~свою~~ ловкость перед жителями японской столицы.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663